

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*140 лет
со дня рождения
Е. И. Замятина*

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
Е. И. ЗАМЯТИНА: ЯЗЫК И КОНЦЕПТОСФЕРА

ОТ «ТЕХНИКИ» К «МУЗЫКЕ СЛОВА»:
СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ Е. И. ЗАМЯТИНА

2024 / № 1

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шапалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2024. — № 1. — 148 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

———— Issued 5 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2024. – No. 1. – 148 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. И. ЗАМЯТИНА

Представляем тему номера.	6
<i>Алтабаева Е. В.</i> Публицистический дискурс Е. И. Замятина: язык и концептосфера. . .	8
<i>Урюпин И. С.</i> От «техники» к «музыке слова»: стихотворные опыты Е. И. Замятина ..	18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ван Хань.</i> Этноспецифика и динамические процессы номинации социума в русской языковой картине мира	29
<i>Воронцов Р. И., Дёмина А. Е.</i> Толкаться, толпиться, тесниться: описание глаголов с синкретичной семантикой в «Большом академическом словаре русского языка»	40
<i>Годизова З. И., Габисова Д. В.</i> ИмPLICITные грамматические значения в современном русском языке	53
<i>Колесникова С. М., Тянь Мэнчжу.</i> Словообразующие начала концепта <i>вера</i> как доминанты макрополя «Ценность» в русской лингвокультуре	61
<i>Незговорев С. В., Петров А. В.</i> Функционирование безличных предложений в публицистическом стиле	69

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Джанумов С. А., Петухов А. Д.</i> Литературный портрет автора «Душеньки» в статье Н. М. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях»	85
<i>Иванов Е. Е., Иванова Г. П.</i> Лиро-философская метатекстуальность в поэзии Б. Окуджавы	95
<i>Крылова С. В.</i> Проблематика и духовный смысл рассказа Михаила Елизарова «Меняла»	106
<i>Пуряева Н. Н.</i> История Параша Лупаловой в произведениях первой половины XIX в.: формирование устойчивого сюжета	114
<i>Симонова Л. А.</i> «Сидония» (1637) Ж. Мерэ: трагедия или героическая трагикомедия? Эксперимент автора с жанровой формой.	125

РЕЦЕНЗИИ

<i>Калашишникова А. Е.</i> Новое издание, посвящённое изучению творческого наследия М. А. Шолохова. Рецензия на книгу: Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.	137
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Нагорный И. А., Ли Ли.</i> Международный симпозиум по интеграции языка и культуры. Ежегодная конференция Международной исследовательской базы языков и культур Северо-Восточной Азии – 2023	141
--	-----

CONTENTS

140TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF E. I. ZAMYATIN

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>E. Altabayeva</i> . Journalistic Discourse of E. I. Zamyatin: Language and Conceptual Sphere	8
<i>I. Uryupin</i> . From “Technique” to “Music of Words”: Poetic Experiments by E. I. Zamyatin	18

LINGUISTIC STUDIES

<i>Wang Han</i> . Ethnic Specifics and Dynamic Processes of the Nomination of Society in the Russian Language Picture of the World.	29
<i>R. Vorontsov, A. Demina</i> . To the Problem of Describing Verbs with Syncretic Meaning in the Great Academic Dictionary of the Russian Language	40
<i>Z. Godizova, D. Gabisova</i> . Implicit Grammatical Meanings in Modern Russian	53
<i>S. Kolesnikova, Tian Mengzhu</i> . Meaning-Forming Beginnings of the Concept Faith as Dominants Of The Macrofield “Value” in Russian Linguistic Culture.	61
<i>S. Nezgovorov, A. Petrov</i> . The Functioning of Impersonal Sentences in a Journalistic Style.	69

LITERARY STUDIES

<i>S. Dzhanumov, A. Petukhov</i> . Literary Portrait of the Author of “Dushenka” in N. M. Karamzin’s Article “About Bogdanovich and His Works”.	85
<i>E. Ivanov, G. Ivanova</i> . Lyric-Philosophical Metatextuality in the Poetry of B. Okudzhava	95
<i>S. Krylova</i> . Problems and Spiritual Meaning of Mikhail Elizarov’s Story “The Money-Changer”	106
<i>N. Puriaeva</i> . The Story of Parasha Lupalova in the Works of the First Half of the 19 th Century: Formation of a Sustainable Plot	114
<i>L. Simonova</i> . “La Sidonie” (1637) by J. Mairet: Tragedy or Heroic Tragicomedy? Experiment of the Autor with Genre Form	125

REVIEWS

<i>A. Kalashnikova</i> . A New Edition Dedicated to the Study of the Creative Heritage of M. A. Sholokhov. Book Review: Satarova L. G., Stuflyayeva N. V., Eds. The Artistic World of M. A. Sholokhov: A New Context of Understanding: a Textbook. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 300 p.	137
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. Nagornyy, Li Li</i> . International Symposium on the Integration of Language and Culture. Annual Conference of the International Research Base of Languages and Cultures of Northeast Asia – 2023	141
---	-----

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. И. ЗАМЯТИНА

Первого февраля 2024 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Евгения Ивановича Замятина – инженера, в Англии строившего первые русские ледоколы, яркого писателя-прозаика, литературного критика, принимавшего активное участие в работе горьковского издательства «Всемирная литература», публициста, мемуариста, киносценариста, педагога.

Автор пьес и сценариев, рассказов и повестей, разработавший свою теорию прозы, Е. И. Замятин стал учителем, наставником, читавшим лекции по технике художественной прозы будущим известным писателям, которые объединялись в группу «Серапионовы братья»: Константину Федину и Вениамину Каверину, Михаилу Зощенко и Всеволоду Иванову, другим литераторам. К. Федин назовёт учителя «гроссмейстером литературы», который был и неореалистом, и продолжателем сатирической традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина, и символистом, и модернистом.

Всемирную известность Е. И. Замятин получил как автор романа «Мы», написанного в 1920–1922 гг. в жанре антиутопии. Это произведение открыло путь знаменитым антиутопиям XX в. и оказало огромное влияние на современную фантастическую литературу.

Опубликованный в России только в 1988 г., роман «Мы» стал восприниматься читателем как произведение о тоталитарном государстве, посвящённое свободе выбора, разрушению традиций, потребности перемен в обществе.

К юбилею Е. И. Замятина помещаем в нашем журнале статьи учёных, исследующих язык и концептосферу публицистического дискурса писателя, предлагающих анализ его стихотворных опытов. Публикации выявляют идейно-смысловую, конструктивно-стилевую индивидуально-авторскую специфику произведений Е. И. Замятина.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

УДК 82'42

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-8-17

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС Е. И. ЗАМЯТИНА: ЯЗЫК И КОНЦЕПТОСФЕРА

Алтабаева Е. В.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование языка и концептосферы публицистических произведений Е. И. Замятина и выявление их индивидуально-авторской специфики.

Процедура и методы. В статье рассмотрены основные языковые и концептуальные особенности публицистики Е. И. Замятина с позиций лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов. Выявляются отличительные концептуальные и лингвостилистические признаки публицистических текстов Е. И. Замятина, свидетельствующие о специфике, языковом своеобразии и высокопрофессиональном уровне индивидуально-авторской медиаречи их автора. С помощью метода концептуального анализа рассматриваются ранее не подвергавшаяся исследованию индивидуально-авторская концептосфера публицистических произведений писателя и средства её языковой репрезентации.

Результаты. Делается вывод, что авторская публицистика писателя благодаря оригинальной манере изложения, способам оформления и подачи языкового материала, умело используемым средствам художественной выразительности, обеспечивающим максимальный эффект воздействия, носит ярко выраженный дискурсивный характер и выступает как яркий национально-культурный феномен, заслуживающий специального исследования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о феномене замятинского публицистического дискурса в плане его концептуальной, языковой и стилистической организации.

Ключевые слова: замятиноведение, замятинский текст, публицистический стиль, индивидуально-авторская концептосфера, языковые образные средства

JOURNALISTIC DISCOURSE OF E. I. ZAMYATIN: LANGUAGE AND CONCEPTUAL SPHERE

E. Altabaeva*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld. 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the language and conceptual sphere of E. I. Zamyatin's journalistic works and to identify their individual specificity.

Methodology. The paper examines the main linguistic and conceptual features of E. I. Zamyatin's journalism from the standpoint of linguistic-cultural and cognitive-discursive approaches. The paper reveals the distinctive conceptual and linguostylistic features of Zamyatin's journalistic texts, indicating the specificity, linguistic originality and highly professional level of the individual media-speech of their author. Using the method of conceptual analysis, the study examined the previously unexplored individual conceptual sphere of the writer's journalistic works and the means of its linguistic representation.

Results. It is concluded that the writer's original journalism, owing to the original manner of narration, methods of design and presentation of linguistic material, skillfully used means of artistic expression which ensure the maximum impact, has a strongly marked discursive nature and acts as a bright national-cultural phenomenon that deserves special research.

Research implications. The results of the research expand and complement the understanding of the phenomenon of Zamyatin's journalistic discourse in terms of its conceptual, linguistic and stylistic organization.

Keywords: Zamyatin's study, Zamyatin's text, journalistic style, individual-author's conceptual sphere, linguistic figurative means

Введение

В настоящее время особенно важно системно осмыслить роль и место славянской и, прежде всего, русской культуры в ведущих социокультурных процессах современности. Думается, представление о феномене славянского мира, его эволюции, бытии и перспективах было бы абсолютно неполным без обращения к такому значимому в мировом масштабе явлению, как творчество русского писателя Евгения Замятина, великого мастера слова и стиля. Широко востребованная филологами, получившая отражение во многих отечественных и зарубежных исследованиях данная проблематика в своей лингвокультурной, лингвостилистической, лингвопоэтической составляющей остаётся недостаточно разработанной и в силу этого в высшей степени актуальной.

В год 140-летия со дня рождения Е. И. Замятина (1884–1937) следует констатировать, что на данном этапе состояния отечественного и зарубежного замятиноведения многое изменилось в подходах к изучению и пониманию творческого наследия писателя, и поэтому задача исследовать язык, индивидуально-авторский стиль, концептосферу его произведений с устойчивых методологических позиций в русле новых научных парадигм приобретает особую значимость [5, с. 22–32]. С этой целью нами было сформулировано и обосновано понятие замятинского текста как лингвокультурного феномена, разработанная соответствующая концепция, представленная и реализованная в ряде исследований, в том числе диссертационных [1; 2; 4; 5; 7; 9; 10; 14 и др.]. Согласно концепции

замятинского текста приоритетным в методологическом отношении направлением является синтез когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического анализа концептосферы художественного текста в целом¹ и произведений Е. И. Замятина в частности. В нашем случае речь идёт не о механическом объединении вышеназванных направлений исследования, а о таком их соотношении, при котором, как подчёркивает Н. Н. Болдырев, культурологический анализ языковых явлений выступает в качестве одного из способов собственно когнитивного, концептуального анализа [6, с. 425].

В основе исследования замятинского текста находится представление о системе разножанровых произведений Е. И. Замятина как о совокупности текстов, точнее сказать, как о едином тексте, обладающем рядом дифференциальных признаков [1, с. 27–30; 4, с. 84–92; 7, с. 38–44], в числе которых выделяется особая индивидуально-авторская концептосфера, репрезентативная система которой демонстрирует единство в концептуальном, языковом и стилистическом отношении. В сложном механизме авторского текстопорождения получают своё отражение мироощущение и миропонимание писателя, воплощается глубина, выразительность и органичность индивидуального стиля Е. И. Замятина, и, безусловно, получает своё языковое выражение русская ментальность, которая, по определению В. В. Колесова, есть «миросозерцание в категориях и формах родного языка,

¹ Энциклопедия когнитивной лингвистики: научные школы и направления – 2013. Тамбов: Цифра, 2013. С. 108–112.

соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает в себе и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. В русской традиции столь широкое понимание ментальности имело свой термин: *духовность*» [8, с. 74].

С опорой на выявленные критерии исследования языка и концептосферы замятинского текста можно рассматривать не только художественные, но и публицистические произведения писателя, исследованные далеко не в полной мере.

Общая характеристика жанровой специфики и основных направлений замятинской публицистики

На первый взгляд может показаться, что в творческом наследии Е. И. Замятина публицистика занимает менее заметное место, нежели такие получившие мировую известность произведения, как роман «Мы», повести «Уездное», «На куличках», «Островитяне», «Север», рассказы «Русь», «Пещера», «Ловец человеков», «Рассказ о самом главном», «Наводнение» и др. Между тем публицистические и литературно-критические работы писателя отнюдь не уступают художественным. В них отразились все наиболее сильные стороны личности автора, масштаб его дарования, индивидуальные особенности текстопостроения – всё, что позволяло спроецировать писательский опыт на окружающую Е. И. Замятина действительность, почувствовать сиюминутность происходящего и выразить авторскую позицию по самым животрепещущим вопросам современности. Если рассматривать публицистическое наследие писателя с позиций представленности в нём основных способов отображения – фактографического, аналитического и наглядно-образного, реализующих, по суждению А. А. Тертычного, «определённые уровни “проникновения” познающего субъекта в объект: от перво-

начального чувственного созерцания к абстрагированию, теоретическому освоению его и далее – к созданию обогащённого, более полного конкретного образа предмета» [13], то следует признать, что в анализируемых текстах присутствуют все три вышеуказанных уровня проникновения автора в существо изображаемого, причём в высшей степени органичном их сочетании. Такая дифференциация в принципе составляет классификационную основу деления жанров на три основные группы: информационные, аналитические, художественно-публицистические [13]. Руководствуясь данной классификацией, можно определить замятинскую публицистику в жанровом отношении как художественно-публицистическую.

Если обратиться к проблематике публицистических произведений Е. И. Замятина (всего их, с учётом литературно-критических статей, более семидесяти), то важно заметить, что они, помимо глубокого и всестороннего анализа текущего литературного процесса, его особенностей и персоналий, могут быть сгруппированы по следующим основным направлениям:

- выступления против политической конъюнктуры («Последняя страница», «Бунт капиталистов»);
- борьба против ограничений свободы печати («Они правы»);
- полемика с идеями и установками новой пролетарской культуры («О равномерном распределении», «Рай»);
- ценные в профессиональном плане размышления, рассуждения, замечания в адрес своих собратьев по цеху («Скифы ли?», «Домашние и дикие», «Грядущая Россия») и действий современной писателю власти («О лакеях», «О служебном искусстве» и др.).

При рассмотрении публицистического творчества Е. И. Замятина важно понимать, что во временном плане оно приходится на один из самых сложных периодов в истории России – первые десятилетия XX в., когда особенно остро шла борьба между традиционными и новыми формами не только в социально-экономической и

политической жизни общества, но и в культуре, искусстве, литературе. Естественно, что писатель, занимающий активную гражданскую позицию, не прерывая своего литературного творчества и общественной, просветительской, наставнической деятельности (например, создание литературного кружка «Серапионовы братья»), открыто реагировал на происходящее. Его публицистические произведения, созданные в 1920-е – 30-е гг. воссоздают целостную картину мира революционной и постреволюционной Советской России. В поле зрения автора оказываются самые разные, большие и малые события политической, культурной, литературной жизни страны, акции властей, проявление политической конъюнктуры, при этом, следует заметить, позиция Замятина далеко не всегда совпадала с господствующими в то время идеями и установками, и он попадал под прицелы критиков, но тем не менее всегда решительно отстаивал свою точку зрения, последовательно реализует собственную авторскую установку: всегда идти по пути наибольшего сопротивления.

Базовые концепты публицистики Е. И. Замятина

В публицистических произведениях писателя подвергается рассмотрению современная ему общественно-политическая ситуация и – шире – то влияние, которое оказывали постулаты революции 1917 г. на весь ход событий того времени. Поэтому отнюдь не случайно идея революционного обновления мира оказывается одной из доминирующих в его авторской публицистике. Исследователи отмечали, что именно понятие «революция» выступает в системе мировоззренческих установок Е. И. Замятина одним из ключевых [11], и это подтверждается концептуальным анализом, результаты которого позволяют выделять концепт РЕВОЛЮЦИЯ как один из ведущих в индивидуально-авторской концептосфере публицистики Е. И. Замятина.

Помимо прямого номинирования данного концепта собственно лексическими

средствами: «Победоносная Октябрьская **революция**» – таков её титул по официальным источникам; духовный **революционер**; те, кто гнал в каторгу **революционеров**¹, – автор активно включает его субстантивные и адъективные репрезентации в метафорический контекст. Примеры тому присутствуют в заметках «Последняя страница» от 23 июня 1918 г.: *Воля **революции** явно и твёрдо сказала; И эта твёрдая воля **революции** бесстыдно нарушена; Много звериного, нечеловеческого будет написано историей в последний период российской **революции***²; «Они правы» от 18 июня 1918 г.: *...свободное слово прорвёт, смоем жандармскую коросту с лица русской **революции**, и она пойдёт вольная, как Волга, – без них*³; в статье «Скифы ли?» 1918 г.: *Во имя скорости **революционного** суда – всё позволено; У **революционного** трибунала – приговор предreshён...*⁴. В очерке «Москва – Петербург» 1933 г.: *Бомба революции упала в феврале 1917*⁵. Генитивные метафоры, в том числе и распространённые, *воля революции, бомба революции, лик русской революции, скорость революционного суда* и под., погружены в общий метафорический контекст высказывания и во многих случаях персонифицируются: *воля революции сказала; свободное слово прорвёт, смоем жандармскую коросту с лица русской революции*. Характерно не просто динамическое представление концепта РЕВОЛЮЦИЯ в публицистике Замятина – при его вербализации используется приём олицетворения, для автора революция не что иное, как живое существо. Большой

¹ Замятин Е. И. Скифы ли? // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 286–287.

² Замятин Е. И. Последняя страница // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 312.

³ Замятин Е. И. Они правы // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 309.

⁴ Замятин Е. И. Скифы ли? // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 291.

⁵ Замятин Е. И. Москва – Петербург // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 248.

мастер выразительных женских образов, Замятин и революцию условно репрезентирует как женщину, благо форма грамматического рода данного существительного этому способствует: у революции свой *лик*, с которого свободное слово смоем коросту, и она *пойдёт вольная, как Волга*.

Безусловно, концепт РЕВОЛЮЦИЯ – далеко не единственный в системе ключевых концептов замятинской публицистики. Лицо замятинского текста определяют как базовые концепты ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ЧЕЛОВЕК, которые в своём языковом воплощении формируют особую замятинскую концептосферу [1; 2; 4; 6; 9; 10; 14], так и те, которые тесно увязаны с индивидуально-авторским представлением национального пространства, развивающегося во времени: РУСЬ, РОССИЯ, МОСКВА, ПЕТЕРБУРГ, – а также концепты ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, ЖИВОПИСЬ, АРХИТЕКТУРА и др. В их концептуальном содержании и смысловом наполнении при всей индивидуально-авторской специфике присутствует национально-культурная основа представления, восприятия и отражения действительности. Поэтому вполне естественно, что наряду с проблемами политики, экономики, просвещения, общественной жизни, судьбы народа и будущего Родины Е. И. Замятин не мог оставаться в стороне от вопросов, связанных с состоянием культуры, искусства и литературы в новой революционной России.

Система языкового воплощения ключевых концептов очерка «Москва – Петербург»

Одним из шедевров отечественной публицистики по праву считается очерк Е. И. Замятина «Москва – Петербург», написанный им в 1933 г. для зарубежного журнала и впервые опубликованный в России в 1989 г. в журнале «Наше наследие»¹. Л. В. Полякова в своём мо-

нографическом исследовании «Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника» подчёркивает, что «очерк отмечен не только высочайшим уровнем профессионализма оценок общего состояния того или иного вида искусства, ведущих тенденциями конкретных явлений, произведений, к тому же в их сравнительном контексте, а главное – с акцентом историософских решений, – всё позволяет назвать этот яркий труд писателя историко-культурным шедевром, значимость которого переоценить невозможно» [12, с. 644].

Хорошо известно, что Замятин предельно чётко структурировал свои тексты (сказывались его высшее инженерно-техническое образование и несомненное писательское мастерство), наполняя их совершенную архитектуру таким глубоко продуманным содержанием, столь умело подобранными словами, их формами, словесными конструкциями, что ему удавалось проникать в самую суть явления, подниматься до высоких обобщений, оформленных в том числе и в виде оппозиций.

Не секрет, что некоторые современники считали возможным критиковать, упрекать его за такой слог. Широко известно высказывание К. Федина о том, что «если крупного писателя можно угадать по любой странице, то Замятина не хитро угадать по любой фразе. Он вытачивал вещи, как из кости, и, как в костяной фигурке, в его прозе наиболее важной была композиция»². Однако, как показало время, подняться до замятинских высот мастерства пока никому не удалось, Замятин остаётся непревзойдённым первопроходцем и в области композиции, и в сфере языка и стиля. Так и в очерке-обзоре «Москва – Петербург» обнаруживается особая композиционная организация текста, базирующаяся на приёме оппозиции, антитезы.

¹ Замятин Е. И. Москва – Петербург // Наше наследие. 1989. № 6. С. 106–113. Публикация и примечания

А. Н. Стрижева.

² Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 77–78.

Как оппозиция организована вся система языкового воплощения ключевых концептов очерка – концептов МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ, представленная уже начиная с самого названия очерка и его пунктуационного оформления. В названии, по сути, и заявлена главная антитеза произведения: «Москва – Петербург». Замятин и ранее сопоставлял и противопоставлял Петербург и Москву. Так, в рассказе «Русь» (1923) писателем был использован данный приём при сопоставительной характеристике семантического наполнения концептов РУСЬ и РОССИЯ: *Не петровским аришином отмеренные проспекты – нет: то Петербург, Россия. А тут – Русь, узкие улочки – вверх да вниз, чтоб было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, – переулки, тупики, налесады, заборы, заборы*¹.

В концептуальном пространстве очерка это противопоставление последовательно развёртывается в ходе всего содержания и заявляется уже с самого начала произведения: «Москва – **женского** рода, Петербург – **мужского**», – писал Гоголь ровно сто лет назад. Это – как будто случайно брошенная шутка, грамматический каламбур, но в нём так метко подсмотрено что-то основное в характере каждой из двух русских столиц, что это вспоминается и теперь, через сто лет. **Петербург с тех пор успел стать Ленинградом, но остался Петербургом гораздо больше, чем Москва – Москвой**². Показательна авторская поддержка главной антитезы серий не только лексических, но и контекстуальных антонимов, например: *Петербург останется окном в Европу, на Запад; Москва стала дверью, через которую с Востока, сквозь Азию, хлынула в Россию Америка...*³ и др. Безусловно, Замятин отдаёт себе отчёт, что «это, конечно, не больше, чем схема», но «сквозь все перемены, во всех зеркалах –

можно разглядеть своё лицо у каждой из двух столиц»⁴.

Кроме того, и это особенно важно, оппозиция «Москва – Петербург» поддерживается целым комплексом параметров, по которым проводится сопоставление двух главных культурных центров страны: АРХИТЕКТУРА, СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ, ТЕАТР, МУЗЫКА, ЛИТЕРАТУРА, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. Очевидно, что этот перечень включает в себя практически все важнейшие виды искусства, и есть возможность рассматривать его составляющие как ключевые концепты, семантическое наполнение которых служит основанием для авторского их сопоставления в концептуальном пространстве данного произведения.

Если ранее, в рассказе «Русь», Замятин образно противопоставил Москву и Петербург через антитезу Русь – Россия, то в анализируемом очерке основанием становятся культурно-исторические сведения, авторские рассуждения и оценки, облечённые в совершенную языковую форму и формат оппозиции, а верно подобранные образные средства обеспечивают высочайший уровень художественного воздействия.

Говоря об искусстве архитектуры и скульптуры, Е. И. Замятин делает акцент на различиях в обликах двух столиц. Если в архитектурном отношении Петербург – имперский город с дворцами, то Москва – пёстрый, восточный, с «особняками» и множеством церквей. Интересны эпитеты *имперский* и *восточный*, вступающие в отношения контекстуальной антонимии. В скульптуре Петербург, как подчёркивает Замятин, «оставил целую бронзово-каменную летопись», у него «хватило вкуса и выдержки, чтобы сохранить, за самыми малыми исключениями, все эти монументы»⁵; Москва «с прежними памятниками обращается более непринуждённо»⁶ – их переносят. Метафорический эпитет *бронзово-каменная*, входящий в состав метафоры *бронзо-*

¹ Замятин Е. И. Русь // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Русь. М.: Русская книга, 2003. С. 48.

² Замятин Е. И. Москва – Петербург // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 233.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 276.

во-каменная летопись, неявно конкурирует с выражением *прежние памятники* и в этой конкуренции явно выигрывает.

Характерной чертой языковой организации очерка выступает приём персонификации. Москва и Петербург представлены как два одухотворённых начала, действующие в сфере искусства как бы самостоятельно. Замятиным удачно использована метонимизация и персонификация номинаций обоих городов, благодаря которой оба культурных центра предстают перед читателем не просто как живые существа, но как весьма активно действующие сущности, например, говоря о сфере театрального искусства, Замятин отмечает, что здесь лидирует Москва, а «*Петербург сдался на милость победительницы, он до конца признал её власть*»¹. Или: «Кстати сказать, резко изменился, американизировался и тембр голоса самой Москвы после того, как лет пять тому назад там были сняты все церковные колокола. *Петербург, даже больше – Ленинград, музыку колоколов сохранил у себя до сих пор*»².

Анализируя состояние живописи и музыки, Замятин использует перифрастические наименования: если Петербург – *столица русской живописи*, то Москва, по его мнению, *столица пролетарского искусства*. В то же время в отношении музыкального искусства Москва с её «американскими затеями» и «Персимфансом» уступает Петербургу. Именно в Петербурге писатель усматривает корни русской музыки, её истоки и традиции (первая консерватория, «Могучая кучка», Прокофьев, Рахманинов, Скрябин...).

Вторая часть очерка, посвящённая рассмотрению состояния советской литературы и литературной критики того времени, предваряется метафорическим замечанием Замятина: «над Петербургом – *ветер Европы*, а над Москвой – *Америки*»³. Подробный анализ литературных тече-

ний позволяет автору прийти к следующим выводам, формулировки которых в контексте приобретают антитетический характер: Петербург – *стольный город русской литературы*, Москва – *только русская провинция*; Петербург представляли такие поэтические школы, как *символизм* (А. Блок) и *акмеизм* (Н. Гумилёв), Москву – *футуризм* (В. Маяковский) и *имажинизм* (С. Есенин); в Петербурге работало во главе с М. Горьким издательство «Всемирная литература», действовала группа «Серапионовы братья» (Е. Замятин, М. Зощенко, В. Каверин, Вс. Иванов и др.), выходили *непартийные журналы*, в Москве же возникли «два *официозных* литературно-художественных журнала» и вырос только один новый и оригинальный прозаик – Б. Пильняк.

В области литературной критики определённым достижением писатель считает организацию в Петербурге серьёзной школы критиков – «формалистов», в Москве же возникла организация РАПП, которая, несмотря на отсутствие высокого художественного авторитета, взяла на себя «*роль гегемонов русской литературы*» и стала диктовать свои стандарты «*методами артиллерийскими*». Активная деятельность РАПП привела к тому, что «*Москва, Петербург, индивидуальности, литературные школы – всё уравнилось, исчезло в дыму этого литературного побоища*»⁴. В данном фрагменте, помимо удачной, не без иронического подтекста, метафоры «*всё... исчезло в дыму... литературного побоища*», обнаруживается нейтрализация оппозиции, но эта нейтрализация, по сути, искусственна, как и сама монополия РАПП, которая, став серьёзным препятствием на пути развития художественной литературы, со временем была распущена. Замятин снова создаёт яркую распространённую метафору: «Снова слышнее и увереннее зазвучал в литературе голос *Петербурга...*»⁵.

¹ Замятин Е. И. Москва – Петербург // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 240.

² Там же. С. 244.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Замятин Е. И. Москва – Петербург // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 256.

На первый взгляд, авторские оценки писателя определённо свидетельствуют о его предпочтениях, но в итоге следует констатировать, что оба города, и Петербург, и Москва, были дороги Замятину в равной степени, хотя последовательно противопоставлялись в культурном, концептуальном и композиционном планах. Глубоко профессиональный, совершенный в плане художественной выразительности анализ состояния литературы и литературной критики, проведённый писателем в очерке, содержал, на наш взгляд, лишь один лейтмотив, отражённый в знаменитой замятинской фразе: «Я боюсь, что у нашей литературы есть только одно будущее – её прошлое»¹.

Таким образом, концептуальные поля с центрами МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ в замятинском тексте предстают как средоточие многослойного содержания, вобравшего в себя не только весь спектр видов искусства (архитектура, скульптура, живопись, музыка, театр, литература), но и особые, индивидуально окрашенные репрезентации этого содержания, не только показывающие современную автору культурную ситуацию, но и отражающие процесс активного межконцептуального взаимодействия, последовательно выдержанный в виде оппозиции Москва – Петербург. Язык и концептосфера замятинского текста тем самым представляют читателю многоплановый панорамный портрет русской языковой личности – личности русского писателя Евгения Замятина, который, по утверждению Л. В. Поляковой, «опирался не на удобную моральную концепцию, а излагал своё понимание эпохи, путей развития отечественной литературы, со своей писательской "мачты" видел свои горизонты движения национальной культуры» [12, с. 690].

Заключение

При рассмотрении индивидуально-авторской концептосферы и языкового своеобразия публицистических произведений

Е. И. Замятина обнаруживаются специфические черты, демонстрирующие *дискурсивный характер* данных текстов: актуальность проблематики, максимальная погружённость в общественно-политическую и культурную жизнь того периода, мобильность реагирования на происходящее, высокий профессиональный уровень, использование широкого культурного фона, непримиримое отношение к недостаткам текущего момента, с одной стороны, и выразительность, экспрессивность слога, образность, в частности, метафоричность, столкновение в одном контексте разностилевых языковых средств, с другой [3, с. 18–24]. Публицистический дискурс Е. И. Замятина отличается остротой наполнением, оперативной реакцией и открытой оценочностью суждений в сочетании с их убедительной аргументацией, опирающейся на эрудицию и высокую образованность самого автора, о чём неоднократно свидетельствовали многие его современники.

Проведённый анализ даёт основания говорить, во-первых, об индивидуальном языке публицистического дискурса Е. И. Замятина, во-вторых, о высокой степени значимости этого явления для русской литературы и культуры, в-третьих, о том, что замятинская публицистика представляет собой особый *национально выраженный историко-культурный феномен* эпохи 20–30-х гг. XX в., который не утратил своей современности и актуальности столетие спустя, так же, как, безусловно, и художественные произведения писателя. Нет сомнения, что феномен замятинской публицистики заслуживает самого пристального и подробного рассмотрения в лингвистическом, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном, медиастилистическом и иных аспектах междисциплинарных исследований, связанных с лингвистической проблематикой.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023.

¹ Замятин Е. И. Я боюсь // Az.lib: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1921_ya_bous.shtml (дата обращения: 16.03.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Замятинский текст как лингвокультурный феномен // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. Т. 1. С. 27–30.
2. Алтабаева Е. В. Средства языковой репрезентации и концептуальные связи концепта ЧЕЛОВЕК в пространстве замятинского текста // История и современность филологических наук: сборник научных статей по материалам международной научной конференции «ХУІ Виноградовские чтения», г. Москва, 5–6 марта 2020 г.: в 2 т. Т. 1: Лингвистика. Методика преподавания филологических дисциплин. М.: Книгодел: Московский городской педагогический университет, 2021. С. 28–34.
3. Алтабаева Е. В. Стилистические особенности публицистических текстов Е. И. Замятина (к 135-летию со дня рождения) // Настоящее и будущее стилистики: сборник научных статей Международной научной конференции МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 13–14 мая 2019 г. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 18–24.
4. Алтабаева Е. В. Язык замятинского текста: о методологии исследования // Творческое наследие Е. И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя: коллективная монография / науч. ред. Л. В. Полякова, Н. Ю. Желтова. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 81–94.
5. Алтабаева Е. В., Маясов В. Е. Замятинский текст и новые научные парадигмы // Филологическая регионалистика. 2013. № 1. С. 22–32.
6. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018. 480 с.
7. Замятинский текст как явление русской культуры и духовности / под. ред. Е. В. Алтабаевой. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2011. 310 с.
8. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Колесов В. В. Слово и дело. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2004. С. 72–86.
9. Лебедева Е. А. Категория времени и средства её представления в замятинском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 182 с.
10. Маясов В. Е. Глаголы речевой деятельности в концептуальном пространстве замятинского текста: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 202 с.
11. Можнова Ж. И. Концептуальное значение слова в художественной прозе и публицистике: на материале творчества Е. Замятина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1999. 21 с.
12. Полякова Л. В. Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника. Тамбов: Державинский, 2022. 748 с.
13. Тертычный А. А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 16.03.2022).
14. Фотинова Ю. Ю. Концептуальная семантика пространства в замятинском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 205 с.

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. [Zamyatin's Text as a Linguocultural Phenomenon]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2011, no. 6, pt. 2, vol. 1, pp. 27–30.
2. Altabaeva E. V. [Means of Linguistic Representation and Conceptual Connections of the Concept MAN in the Space of Zamyatin's Text]. In: *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk: sbornik nauchnykh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "XYI Vinogradovskie chteniya"*, g. Moskva, 5–6 marta 2020 g. T. 1: *Lingvistika. Metodika prepodavaniya filologicheskikh disciplin* [History and Modernity of Philological Sciences: A Collection of Scientific Articles based on the Materials of the International Scientific Conference "XYI Vinogradov Readings", Moscow, March 5–6, 2020 g. T. 1: Linguistics. Methods of teaching philological disciplines]. Moscow, Knigodel Publ., Moscow City Pedagogical University Publ., 2021, pp. 28–34.
3. Altabaeva E. V. [Stylistic Features of Journalistic Texts by E. I. Zamyatin (on the 135th Anniversary of Her Birth)]. In: *Nastoyashchee i budushchee stilistiki: sbornik nauchnykh statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii MGU imeni M. V. Lomonosova*, Moskva, 13–14 maya 2019 g. [The Present and Future of Stylistics: A Collection of Scientific Articles of the International Scientific Conference of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, 13– May 14, 2019]. Moscow, FLINTA Publ., 2019, pp. 18–24.

4. Altabaeva E. V. [The Language of Zamyatin's Text: On the Research Methodology]. In: *Tvorcheskoe nasledie E. I. Zamyatina v novykh nauchnykh koncepciyah i gipotezakh. K 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [Creative Heritage of E. I. Zamyatin in New Scientific Concepts and Hypotheses. To the 135th Anniversary of the Writer's Birth]. Tambov, Print-Servis Publ., 2019, pp. 81–94.
5. Altabaeva E. V., Mayasov V. E. [The concept of Zamyatin Text and New Scientific Paradigms]. In: *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Studies], 2013, no. 1, pp. 22–32.
6. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. Cognitive Theory of Language]. Moscow, YASK Publ., 2018. 480 p.
7. Altabaeva E. V., ed. *Zamyatinskij tekst kak yavlenie russkoj kul'tury i duhovnosti* [Zamyatinsky Text as a Phenomenon of Russian Culture and Spirituality]. Tambov, Pershina R. V. Publ., 2011. 310 p.
8. Kolesov V. V. [Mental Characteristics of the Russian Word in the Language and in Philosophical Intuition]. In: Kolesov V. V. *Slovo i delo* [Word and Deed]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004, pp. 72–86.
9. Lebedeva E. A. *Kategoriya vremeni i sredstva eyo predstavleniya v zamyatinskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of Time and the Means of Its Representation in the Zamyatin Text: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2012. 182 p.
10. Mayasov V. E. *Glagoly rechevoj deyatel'nosti v konceptual'nom prostranstve zamyatinskogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Verbs of Speech Activity in the Conceptual Space of the Zamyatin Text: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2011. 202 p.
11. Mozhnova Zh. I. *Konceptual'noe znachenie slova v hudozhestvennoj proze i publicistike: na materiale tvorchestva E. Zamyatina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Meaning of the Word in Fiction and Journalism: based on the Material of the Work of E. Zamyatin: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 1999. 21 p.
12. Polyakova L. V. *Proza E. I. Zamyatina: istoriosofskie iskaniya hudozhnika* [Prose of E. I. Zamyatin: The Artist's Historiosophical Quest]. Tambov, Derzhavinskij Publ., 2022. 748 p.
13. Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodical Press]. Available at: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (accessed: 16.03.2022).
14. Fotinova Yu. Yu. *Konceptual'naya semantika prostranstva v zamyatinskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Semantics of Space in the Zamyatin Text]. Tambov, 2012. 205 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алтабаева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Altabayeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation, Prof., Moscow State Pedagogical University;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алтабаева Е. В. Публицистический дискурс Е. И. Замятина: язык и концептосфера // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 8–17.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-8-17

FOR CITATION

Altabayeva E. V. Journalistic Discourse of E. I. Zamyatin: Language and Conceptual Sphere. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 8–17.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-8-17

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28

ОТ «ТЕХНИКИ» К «МУЗЫКЕ СЛОВА»: СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ Е. И. ЗАМЯТИНА

Урюпин И. С.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить идейно-смысловые и конструктивно-стилевые особенности организации поэтических текстов Е. И. Замятина в контексте эстетической теории, разработанной писателем в «Лекциях по технике художественной прозы»; осуществить системно-целостное описание стихотворных опытов как неотъемлемой части художественного мира Е. И. Замятина.

Процедура и методы. В статье представлен анализ трёх стихотворений Е. И. Замятина, носящих интимно-личностный характер и адресованных Л. Н. Усовой и Р. В. Руре. С помощью структурно-типологического, историко-культурного и историко-генетического методов научного исследования художественного текста рассматривается поэтика стихотворений Е. И. Замятина, определяется их мотивно-образный строй, семантико-стилевая организация.

Результаты. Установлены содержательно-смысловые и формально-конструктивные доминанты в лирике Е. И. Замятина на уровне субъектно-объектных отношений, организующих внутреннее и внешнее пространство поэтических текстов; обнаружены эстетические и философско-онтологические параметры, позволяющие верифицировать стихотворные опыты Е. И. Замятина как проявления поэтической культуры Серебряного века, выявлена идейно-эстетическая близость стихотворений автора романа «Мы» к акмеизму как направлению в искусстве начала XX в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение творческого наследия Е. И. Замятина, уточняют роль и место в нём стихотворных опытов писателя, представляющих собой конкретную реализацию эстетической концепции неореализма.

Ключевые слова: акмеизм, Е. И. Замятин, «Лекции по технике художественной прозы», неореализм, поэзия Серебряного века, стихотворные опыты

FROM “TECHNIQUE” TO “MUSIC OF WORDS”: POETIC EXPERIMENTS BY E. I. ZAMYATIN

I. Uryupin*Moscow Pedagogical State University**ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the ideological-semantic and constructive-stylistic features of the organization of poetic texts by E. I. Zamyatin in the context of the aesthetic theory developed by the writer in his “Lectures on the Technique of Fiction”; to carry out a system-holistic description of poetic experiments as an integral part of the art world of E. I. Zamyatin.

Methodology. The article presents an analysis of three poems by E. I. Zamyatin, with an intimate and personal nature and addressed to L. N. Usova and R. V. Ruhr. With the help of structural-typological, historical-cultural and historical-genetic methods of scientific research of the artistic text, the poetics of poems by E. I. Zamyatin are considered, their motive-shaped structure and semantic-stylistic organization are determined.

Results. Substantial-semantic and formal-constructive dominants in the poems of E. I. Zamyatin were established at the level of subject-object relations that organize the internal and external space of poetic texts; aesthetic and philosophical and ontological parameters were discovered that allow us to verify the poetic experiments of E. I. Zamyatin as manifestations of the poetic culture of the Silver Age, the ideological and aesthetic proximity of the novel “We” author’s poems to acmeism as an art movement of the beginning of the twentieth century was revealed.

Research implications. The results of the study contribute to the study of the creative heritage of E. I. Zamyatin, clarify the role and place in it of the poetic experiments of the writer, which are a specific implementation of the aesthetic concept of neorealism.

Keywords: E. I. Zamyatin, neorealism, acmeism, poetic experiments, poetry of the Silver Age, “Lectures on the technique of fiction prose”

Введение

Творчество Е. И. Замятина, «отметившегося», по выражению Л. В. Поляковой, «во всех “потоках” русской литературы» (он «был реалистом и модернистом», ярким представителем «литературы “серебряного века” и литературы “советской”, принадлежал к литературе “русского зарубежья”, был “еретиком”» [12, с. 19] и вместе с тем «ортодоксом», укоренённым в народной культуре «глубинной, почвенной России» [8, с. 3]), неизменно вызывает интерес у читателей и исследователей. Однако по преимуществу в центре внимания учёных-гуманитариев, пытающихся осмыслить вечные экзистенциально-метафизические проблемы бытия человека и человечества, находится роман «Мы» (1920), который Е. И. Замятин в автобиографии 1922 г. называл своей самой «шуточной и самой серьёзной вещью»¹. Именно в нём в художественно-концентрированном виде отразилась диалектическая сложность мировоззрения писателя, «его гуманистические идеалы, главным из которых является утверждение ценности отдельной человеческой жизни и свободы личности» [9, с. 43]. За последние десятилетия замятиноведение, сложившееся в отдельную отрасль филологической персонологии и уже в значительной степени оторефлектированное в отечественной науке, вышло на новый уровень постижения «художественного наследия писателя в контексте

истории русской литературы XX века» [13, с. 21]. Но в этом наследии, ещё не в полной мере систематизированном (до сих пор не подготовлено академическое собрание сочинений Е. И. Замятина), немало белых пятен и лакун.

После публикации М. Ю. Любимовой в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в малотиражных альманахах и сборниках отдельных стихотворений мэтра русского авангарда, учителя «Серапионовых братьев» и авторитетного сотрудника издательства «Всемирная литература», никакой реакции профессионального сообщества не последовало. Остались незамеченными эти стихотворения Е. И. Замятина и в собрании сочинений писателя, составленного С. С. Никоненко и А. Н. Тюриным, они помещены в приложения к четвёртому тому «Беседы еретика» (2010) наряду с киносценариями, литературной критикой, публицистикой и фрагментами инсценировок классики. О поэзии Е. И. Замятина ничего не сказано и в «Замятинской энциклопедии» Т. Т. Давыдовой, в которой между тем отмечена удивительная особенность произведений писателя, органично сочетающих «лиризм и комизм, философскую глубину и народные верования»², художественно конденсированные в восходящих к фольклору жанрах частушки и прибаутки, изрядно трансформированных и растворившихся в орнаментальной прозе автора «уездной» и «петроградской» трилогий. В последнее время исследователи

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Русь. М.: Русская книга, 2003. С. 4.

² Давыдова Т. Т. Замятинская энциклопедия. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 5.

обратили внимание на «импрессионистическую» манеру произведений писателя, на его особое «импрессионистическое» «видение» и «узнавание» мира [3, с. 230].

«Орнаментализм» Е. И. Замятина, превозносившего идею «синэстетичности языка» [6, с. 33], изобразительно-выразительный потенциал которого раскрывается наиболее ярко «на стыке» литературных родов и жанров через «нетипичную (иногда аномальную)» «семантическую интерференцию» [6, с. 32], проявился в цикле небольших рассказов «Верешки» (1918). Входящие в него миниатюры («На диване», «Зверята», «Трамвай», «Снег») исследователи единодушно называют стихотворениями в прозе, отличительными чертами которых, по замечанию Е. В. Юдайкиной, являются не только «малый объём», но особый «синтез лирического и эпического», обеспечивающий «упорядоченность тематического и словесного материала, философичность, медитативность», «фрагментарность, афористичность, открытость авторской позиции» [15, с. 78]. Эти конструктивно-формальные параметры поэтического высказывания наиболее ярко проявились в стихотворениях Е. И. Замятина, в которых отразился внутренний и внешний мир художника.

Подчёркнутая субъектность, отражающая «поэтическую установку автора» и являющаяся «прямым следствием его мироощущения, миропонимания, “мирочувствия”», обеспечивает единство «замятинского текста», который Е. В. Алтабаева справедливо называет «художественным и языковым феноменом» [1, с. 506]. «Феноменологию» замятинского текста Ю. Б. Орлицкий усматривает в развитии «стихового начала», которое реализуется в прозе писателя и «включает, наряду с собственно метрическими приёмами, разнообразные формы звуковой инструментовки, богатый арсенал языковых синтаксических средств, прекрасно разработанный сюжетный (лейтмотивный) ритм» [11, с. 369]. Художественно-стилевой потенциал ритмизованной прозы Е. И. Замятина в

полной мере был реализован в стихотворениях писателя.

Всё это «по определению» характерно и для поэтической речи Е. И. Замятина, на которую – вольно или невольно – оказывала влияние рождавшаяся в творческом сознании писателя в начале XX в. его эстетическая концепция. Своей «органичностью» и «диалогичностью», в особенности в понимании художественного образа, «принципиально незавершённого» и «изоморфного личности» [4, с. 56] самого автора, она отличалась от самодостаточного и во многом имманентного подхода к литературе, пропагандируемого В. Б. Шкловским и другими теоретиками формальной школы, с которыми Е. И. Замятин сотрудничал в Петроградском Доме искусств в первые годы революции. Абсолютизируя авторское начало в произведениях словесности, Е. И. Замятин, так болезненно переживавший нивелировку личности в современной ему реальности и гротескно утрировавший этот процесс в антиутопии «Мы», ратует за освобождение субъекта от власти необходимости и возвращает человеку его исконное право – быть «мерой всех вещей».

Такое «человекоизмерение» мира является миссией литературы, в которой с помощью слова как инструмента художник выражает самого себя, свой нравственно-философский опыт познания бытия. Концентрированной формой духовного освоения реальности оказывается поэтическое искусство. Даже будучи маргиналиями в жанрово-родовой парадигме творчества Е. И. Замятина, его стихотворения содержат репрезентативные образы-концепты, принципиально важные для культуры Серебряного века, из которых складывается целостная картина мира художника. Выявление этих образных доминант в интимной лирике Е. И. Замятина, представленной всего несколькими стихотворениями, в значительной степени отражающими ключевые идеи этико-эстетической концепции писателя, и составляет цель данной работы.

Концепция поэтического искусства Е. И. Замятина: от теории к практике или от практики к теории

После литературного успеха повести «Уездное» (1912), в которой «проявились характерные черты замятинского идиостиля» [7, с. 16] («гипербола, гротеск, фантастика и другие виды вторичной условности», позволяющие художнику «прорваться сквозь быт к бытию», «уйти от социальной типизации к некоей “универсализации”» [7, с. 19]), в творческом сознании писателя начинается процесс эстетической рефлексии, результатом которого впоследствии явилась теория словесного искусства. Впервые основные её положения были раскрыты Е. И. Замятиным на лекции в Лебедянском народном университете 8 сентября 1918 г., а затем уточнялись и конкретизировались на заседаниях литературной студии Дома искусств в Петрограде. Собранные вместе, эти литературоведческие штудии Е. И. Замятина составили по сути полноценное исследование – «Лекции по технике художественной прозы», частично вошедшие в мюнхенское собрание сочинений писателя 1988 г. и дополненные в новейших изданиях.

Для инженера-кораблестроителя, преподававшего одно время в Санкт-Петербургском политехническом институте и уже вошедшего в начале XX в. в научный мир своими специальными работами, опубликованными в журналах «Теплоход» и «Русское судоходство», понятие «техники» было принципиально важно. Актуализируя собственно «техническое», формально-конструктивное начало в произведениях словесности, Е. И. Замятин, как и А. Ф. Лосев, понимал под техникой «приёмы и законы искусства» [10, с. 885], да и само слово «техника», как указывается в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, восходит к греческому слову женского рода «*technikē*» и буквально значит «искусная»¹. *Искусная* «организация» словесного выска-

зывания, обладающего глубоким смыслом и эстетическим совершенством в его выражении, и составляет сущность литературного произведения безотносительно к его родовидовой принадлежности.

В этом был убеждён Е. И. Замятин, задававший вопрос – «В чём разница между поэзией и прозой? И есть ли она?»² – и приходивший к выводу: «между поэзией и художественной прозой – нет никакой разницы. Это – одно»³. «Мы не в состоянии различить, где кончается поэзия, и где начинается художественная проза»⁴, – заявлял писатель в лекции «О языке», посвящённой «изобразительным приёмам» текstopорождения. «Метафоры, метонимии, синекдохи», будучи *внутренними* элементами формы, в равной мере присущи и поэзии, и прозе, которые в современном словесном искусстве утрачивают свою *внешнюю* специфику: «теперь мы имеем стихи без рифм, мы имеем стихи без определённого ритма – *vers libre*»⁵. Но при этом «стихи», как ни парадоксально, не перестают существовать, а поэзия не сводится исключительно к «*технике пользования словом*»⁶ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.), в ней есть нечто неуловимое и сокровенное, что выходит за пределы рассудочного понимания в область сверхъестественного, то истинное «волшебство», о котором размышлял в своём трактате «Поэзия как волшебство» (1915) К. Д. Бальмонт: «Мир есть всегласная музыка. Весь мир есть изваянный стих» [2, с. 22]. Именно музыка с её метафизической гармонией и вместе с тем в её алгебраическом измерении, сопряжённом с духовно-интуитивными прозрениями, открылась символистам, почувствовавшим иррациональную «музыку слова», разгадавшими «особенную настройку слов»⁷, с помощью которых другому открывается мир.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 333.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 333–334.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 311.

⁷ Там же. С. 311.

¹ Техника // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. IV. С – Ящурный. М.: Гос. изво нац. словарей, 1940. С. 701.

«Этот способ изобразительности, – утверждал Е. И. Замятин, – от символистов унаследовали и новореалисты. Нечего и говорить, что музыку слова мы найдём в *стихах новореалистов*»¹ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.). В «Очерке новейшей русской литературы» (1918) писатель сформулировал концепцию «новореализма», явившегося результатом синтеза (или «синтетизма», как назовёт Е. И. Замятин в 1922 г. свою эстетическую теорию «неореализма как модернистского течения»²) двух диаметрально противоположных начал: реализма и символизма. Конкретным проявлением такого органического синтеза является «музыка слова»: «самые сложные чувства вызывает в нас музыка – такие чувства, что иной раз никакими словами их не опишешь. Как раз о таких сложных чувствах приходилось писать и символистам, и никакого другого способа у них не было, как изображать чувства, вызываемые музыкой – посредством *музыки слов*. Словами стали пользоваться как музыкой, слова стали настраивать как музыкальный инструмент»³ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.). Однако, отвергая мистику символизма, имевшего «мужество уйти» от жизни, Е. И. Замятин ратовал за мужество возвращения к жизни. «Но, вернувшись к жизни, новореалисты стали изображать её иначе, чем это делали реалисты»⁴. Изменилось и отношение художников к «музыке слова». На смену интуитивному настраиванию на вселенскую гармонию с помощью сверхрационального камертона в новореализме приходит «технология» «пользования музыкой слова – весь арсенал новейшей поэзии: аллитерации, ассонансы, инструментовка»⁵. Е. И. Замятин

использует богатейшие возможности поэтического языка русской классической литературы, но не абсолютизирует их формальной природы, которая всегда выступает лишь выражением сложнейших мыслей и чувств, рождающихся из недр сознания художника, из глубины его души.

Однако сами по себе изобразительно-выразительные средства, которые используют «подлинные мастера» словесного искусства, ничего не значат, если они не служат выражению индивидуальности автора, раскрывающего свою душу, своё понимание и переживание жизни. В результате создаётся неповторимый мир-образ, в котором отражается личность художника, его внешняя и внутренняя биография, выстраивающаяся в особый текст, адресованный доверительному собеседнику – читателю. «Рассказчиком, настоящим рассказчиком о себе, – настаивал Е. И. Замятин, – является, строго говоря, только лирик», «лирик переживает только себя»⁶, но его субъективные переживания достигают степени объективности, всеобщности. Отсюда «*обобщения, символы*»⁷, к которым в своё время прибегали символисты и которые теперь составляют «особенность новореалистов»⁸. «Новореалисты вернулись к изображению жизни, плоти, быта» уже через призму «впечатления», т. е. через «пользование приёмом импрессионизма»⁹. «Определённость и резкая, часто *преувеличенная яркость красок*», «*сжатость языка*»¹⁰ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.) становятся отличительной чертой неореалистической эстетики Е. И. Замятина, проявившейся не только в его прозаических, но и в поэтических произведениях, которые создавались в одно и то же время, поверяли и проверяли художественной практикой теоретические идеи писателя.

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 311.

² Давыдова Т. Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелёв, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 23.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 301.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 334.

⁷ Там же. С. 309.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ Там же. С. 312.

¹⁰ Там же.

**Стихотворения Е. И. Замятина:
«частная» жизнь и неизвестная часть
творческого наследия**

Стихов Е. И. Замятин не печатал, почти никто из собратьев по литературному цеху не знал, что руководитель семинара прозы в Петроградском Доме искусств искушён в поэзии или – как минимум – приобщён к ней. Сохранилось лишь три стихотворения Е. И. Замятина, которые носят сугубо частный характер. Два из них посвящены Людмиле Николаевне Усовой (1883–1965), невесте, а затем супруге, верной соратнице и музе художника. Стихотворение «Желание», содержащее важный хронологический подзаголовок «СПб. Фонтанка. 1908 г.»¹, написано в пору «петербургского романа» молодого инженера и слушательницы Женского медицинского института. Поэтическое признание в любви («Я ничего не хочу, / Дай мне лишь снов и любви»²) оказалось далеко не только выражением сугубо частных переживаний автора. В самом воплощении сокровенных мыслей и чувств лирического героя, готового пожертвовать собой во имя любви («Жизнью своею плачу – / Заплачу, лишь меня позови»)³, преодолеваются романтические штампы и открываются новые художественные возможности для передачи психологического состояния субъекта (субъектов). Отсюда поливалентность и полифоничность замятинского стихотворения, словесный поток которого вбирает не только речь героя, но и отчётливо звучащий в ней живой голос героини:

Веки замкнувши, шепни:
“Милый, скорее. Я жду.
Милый, скорей. Мы одни”⁴.

Этот приём будет активно использовать А. А. Ахматова («Герб нёс изогнутый и древний...» (1909), «Читая “Тамлета”» (1909), «Сжала руки под тёмной вуалью...» (1911) и др.) в своей акмеистической поэтике. «Профессиональное сотрудничество с Н. С. Гумилёвым и дружба с А. А. Ахматовой» [14, с. 41], погружённость в общую духовно-интеллектуальную атмосферу литературной жизни Петербурга – всё это, по мнению М. А. Хатямовой, определило «близость Замятина к акмеизму» [14, с. 24], с которым у писателя на протяжении всего его творческого пути складывались отношения притяжения / отталкивания. Концентрация внимания на художественной детали, напряжённый психологизм в стихотворении Е. И. Замятина имеют несомненную акмеистическую природу:

Я поникну, качнусь, упаду.
Я упаду на костёр,
В пламя объятий твоих.
Я так хочу, чтобы стёр –
Как узор, мне всю жизнь этот миг⁵.

В ахматовском «Смятении» (1913) психологический надрыв так же, как и у Е. И. Замятина, передаётся с помощью поэтического переноса:

Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить⁶.

Анжамбеман, используемый Е. И. Замятиным в финале стихотворения «Желание», в сильной позиции, позволяет эмоционально выделить глагол *стёр*, выступающий словесно-энергетическим фокусом переживаний лирического героя, в порыве страсти бросающегося в *костёр* любви и готового пожертвовать *всей* своей *жизнью* во имя *мига* блаженства, раство-

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411.

⁶ Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. С. 115.

риться «в пламени объятий» возлюбленной, навечно оставив на душе, «как узор», огненный след-клеймо. Сам речевой поток, выливающийся в поэтическую строфу, имеет ярко выраженный ритм и чёткую инструментовку. Рифма же, напротив, в стихотворении почти не актуализирована (за исключением только одной рифмующейся пары: костёр / стёр, на которой делается смысловой акцент), зато весь поэтический строй держится на ассонансах, к тому же анафорически усиленных (Я – Я – ... / – Я). В лекции «Инструментовка», прочитанной Е. И. Замятиным молодым литераторам в Доме искусств, содержится принципиально важный тезис, который в полной мере был реализован в стихотворениях самого лектора: «Рифма допустима лишь изредка, как намеренный приём, как частный случай полного ассонанса. При этом непременно рифмуемые слова – ставятся рядом, что лишает такой консонанс вида нормальной стихотворной рифмы»¹. Рифма в представлении Е. И. Замятина выступает лишь актуализатором заложенного в слове глубинного содержания, она высвобождает наружу через гармонию звука музыку микро- и макрокосма.

Уловив определённый ритм, идущий из глубины души, поэт оказывается в его власти, требующей словесного воплощения / выражения мыслей и чувств, прорывающихся наружу и приобретающих «тягучую» форму, в которую облекается само высказывание, представляющее собой сложно организованный синтаксический период. В стихотворении, посвящённом Л. Н. Усовой и датированном 16 сентября 1909 г., весь поэтический текст построен по этому принципу:

О, ты, из породы медичек,
Хотя маленькая, но тем не менее милая Мила,
Вывув сии цветы из петличек,
В дар тебе с опущенной головой приносим уныло.

Уныло, потому что не знаем,
Как посмотришь ты на наше поведение в этом доме,
Снятом, как известно в наём
Холерой – при таком строгом, как ты, мажордоме².

Ритмический рисунок стихотворения строится на контрапунктах (синтагма разбивается парцелляцией, слово *уныло* завершает одно предложение и, повторяясь, начинается другое, как будто бы «из середины»). В конспекте лекции по «инструментовке», разъясняющей сущность одного из самых значимых поэтических *инструментов* для передачи «настроения или состояния»³ лирического субъекта, Е. И. Замятин отмечал особую роль контрапункта, создающего неповторимую мелодию и мелодику текста. Отсюда важность «гармонического построения мелодии, отношение каждого из типов к ладу» независимо от «благозвучия» и «неблагозвучия»⁴. Для самого художника вопрос о неблагозвучии (на уровне внешней и внутренней музыки слова) стоял особенно остро, ведь кажущееся неблагозвучие выступает отражением сложнейших эмоциональных состояний поэта, отражающего диссонанс мира и человека.

По своей тональности стихотворение «О, ты, из породы медичек...» трудно назвать благозвучным, но ироничный «ритм и расстановка слов» актуализируют «мелодические приёмы» – ассонансы и аллитерации, делающие художественный текст выразительным. «Эффектным изобразительным средством ассонансы и аллитерации, – утверждал Е. И. Замятин, – становятся, когда из приёмов гармонических они переходят в приёмы мелодических», а это значит, что «всякий звук человеческого слова» «создаёт звукообразы»⁵. Такие «звукообразы» в стихотворении возникают не случайно и рождаются в процессе самого акта глоссолалии, когда в поэтической

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 361.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 411–412.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 363.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Там же. С. 362.

речи начинают отчётливо проявляться определённые звуки, обладающие некой сверхсемантикой: «Р – ясно говорит мне о чём-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л – о чём-то бледном, голубом, холодном, плавном, лёгком. Звук Н – о чём-то нежном, о снеге, небе, ночи. Звук Д и Т – о чём-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом, о вате. Звук М – о миллом, мягком, о матери, о море. С А – свящается широта, даль, океан, морево, размах. С О – высокое, глубокое, море, лоно. С И – близкое, низкое, стискивающее»¹. В стихотворении о «маленькой» «милой Миле» «из породы медичек» совершенно очевидно повторяются звуки [м], [н], [и], ассоциирующиеся «с чем-то нежным», «близким», «милым». При этом всё доверительное и сокровенное, что поэт пытается донести до возлюбленной, выражается по-замятински иронично, но вместе с тем предельно искренне:

Но все тайное будет явным –
Как сказано где-то, кажется, в Святом
Писании.
Бутылки – силу дал дьявол им –
Приведут нас в хорошее настроение,
вращение и качание².

Упоминание Священного Писания в ироническом контексте, на первый взгляд, может показаться странным, т. к. явным всё становится только в момент дьявольского наваждения / опьянения. Но для «еретика» Е. И. Замятина, ратовавшего за свободу духовного поиска и выступавшего против поклонения всяческим догмам и абсолютным авторитетам, ирония – не разрушительная, а созидательная сила. В своих рассуждениях о новореализме писатель утверждал, что «есть два способа преодолеть трагедию жизни: религия или ирония»³ (курсив Е. И. Замятина. – И. У.).

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 362–363.

² Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 412.

³ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5.

В стихотворении, адресованном своей будущей жене, оба способа оказываются действенными. Апелляция к «Святому Писанию», хотя и весьма ироничная, будет укреплять веру поэта в жизнь и давать ему энергию и силу. Так будет на протяжении всего творческого пути Е. И. Замятина.

Об этом свидетельствуют его записные книжки и сугубо частные заметки, включая поэтические строки «Из альбома Розы Васильевны Румы» (1921), буфетчицы издательства «Всемирная литература»: «Без шипов не бывает роза...»⁴. Иронический зачин стихотворения, обыгрывающего имя адресата, разворачивается в ёмкую философскую сентенцию, утверждающую естественность и неизменность предустановленного свыше порядка вещей, обеспечивающего смену дня и ночи, жизни и смерти, неизбежность страданий и вместе с тем надежды на счастье:

После поэзии – непременно проза, –
Так уж нам, видно, всем суждено⁵.

В не предназначенном для печати стихотворении, лишь формально соответствующем жанру «альбомной лирики», носящей по преимуществу «интимно-шуточный» [5, с. 28] характер при всей комплиментарности по отношению к тому, к кому обращён текст («Васильевна – не Васильевна – всё равно»⁶), за бытовыми деталями (покупка фунта чаю за баснословные деньги в голодном Петрограде: «Тридцать тысяч! Да ты спятил с ума!»⁷) проступает социально-политический контекст:

Это – Антанта, всё Врангель и Антанта
Виноваты, что на берегах Невы
Рай пурпурный обращён в ад Данта⁸.

Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 305.

⁴ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: Дмитрий Сечин: Республика, 2010. С. 412.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Оригинальная богатая рифма «Антанта» / «ад Данта», в которой проявилась весьма ценная Е. И. Замятиным «способность к ассоциированию»¹, позволила увидеть за «пурпурным раем» революционной столицы inferнальное пламя бездны, в которую погружался герой «Божественной комедии» и которая так настораживала и пугала автора уже написанного романа «Мы».

Заключение

Поэтическое наследие Е. И. Замятина, быть может, ещё не обнаруженное в архивах и книгохранилищах во всем своём полном объёме, недоступное для читателей и исследователей, ждёт своего часа. Но, даже если Е. И. Замятин «останется» автором всего трёх стихотворений, написанных в начале XX в., в эпоху необыкновенного культурного подъёма, поистине «нового Ренессанса», его лирическое слово отзовётся в хоре голосов Серебряного века. Поэтическое слово Е. И. Замятина, самодостаточное и оригинальное, достигшее максимальной художественной выразительности в стихотворных опытах писателя, обладает особой эстетической валентностью, созвучием с пронзительным голосом эпохи Серебряного века, оно обладает не-

повторимой музыкой, в которой гармония и диссонансы неразрывно связаны в лирической стихии Жизни. В стихотворениях интимно-личностного характера, адресованных Л. Н. Усовой и Р. В. Руре, в альбоме которой, кроме Е. И. Замятина, писали Ф. Сологуб, А. А. Блок, Н. С. Гумилёв, Н. А. Оцуп, Г. В. Иванов, К. И. Чуковский, Вс. А. Рождественский и другие выдающиеся представители русской культуры XX в., «воссоздаются реалии двух контрастных миров» – «мира искусства» и «конкретной бытовой среды»² Петербурга / Петрограда. Бытовая вещь и бытовая ситуация в стихотворениях Е. И. Замятина, воплощённые в своей «органической» самодостаточности и вместе с тем обладающие ярко выраженной психологической суггестивностью, становятся характерными особенностями акмеизма как нового (по сравнению с символизмом и классическим реализмом) направления в искусстве. Это направление сущностно совпадает с теорией и практикой неореализма («новореализма»), эстетическую концепцию которого разрабатывал Е. И. Замятин и которая кристаллизовалась в его «Лекциях по технике художественной прозы».

Статья поступила в редакцию 11.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтабаева Е. В. Замятинский текст: язык и концептосфера (к методологии исследования) // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. С. 505–509.
2. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. М.: РИПОЛ классик, 2020. 206 с.
3. Ван Хунюань. «Импрессионизм» Е. И. Замятина: видение или узнавание? // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 228–231.
4. Воробьёва С. Ю. Эстетическое кредо Е. Замятина: концепция писателя в контексте эпохи кризиса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение, журналистика. 2020. № 1 (19). С. 45–58.
5. Жиликов С. В. Мнемонический мотив в «альбомной лирике» первой половины XIX века (на примере произведений Е. А. Баратынского) // Philologos. 2021. № 1 (48). С. 26–32.
6. Зими́на Н. Ю. О процессе становления русской орнаментальной прозы // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения В. Шукшина: сборник статей. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 31–34.

¹ Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Трудное мастерство. М.: Республика: Дмитрий Сечин, 2011. С. 321.

² Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Румы). Публикация Т. А. Кукушкиной // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 341.

7. Кольцова Н. З. Творчество Е. Замятина: Проблемы поэтики. М.: ЯСК, 2019. 176 с.
8. Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: ЕГПИ, 2000. 265 с.
9. Курочкина А. В. Общественно-политические воззрения Е. Замятина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 41–47.
10. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
11. Орлицкий Ю. Б. Преодолевая «метрический стандарт» // Е. И. Замятин: Личность и творчество писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей: сборник статей. СПб.: РХГА, 2015. С. 361–373.
12. Полякова Л. В. Е. И. Замятин как классик русской литературы. К проблеме соотношения «литературных рядов» // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Кн. XII. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. С. 7–27.
13. Толмачёва О. В. Современное отечественное замятиноведение: итоги и перспективы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 25 с.
14. Хамямова М. А. Эстетика Е. И. Замятина и акмеистская парадигма творчества // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 6. Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры. Томск: Томский университет, 2004. С. 23–55.
15. Юдайкина Е. В. Жанр стихотворения в прозе в творчестве Е. И. Замятина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3–3 (21). С. 78.

REFERENCES

1. Altabaeva E. V. [Zamyatin's Text: Language and Concept Sphere (Towards Research Methodology)]. In: *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskie individual'nosti: materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov* [Literary Studies at the Stage: Theory. History of Literature. Creative Individuals: Materials of the International Congress of Literary Critics]. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavina Publ., 2009, pp. 505–509.
2. Balmont K. D. *Poeziya kak volshebstvo* [Poetry as Magic]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 206 p.
3. Wang Hongyuan. [Yevgeny Zamyatin's "Impressionism": Vision or Recognition?]. In: *Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2021, no. 2 (35), pp. 228–231.
4. Vorobyova S. Yu. [Aesthetic Credo of E. Zamyatin: Concept of the Writer in the Context of the Crisis Era]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism, Journalism], 2020, no. 1 (19), pp. 45–58.
5. Zhilyakov S. V. [Memoric Motive in the "Album Lyrics" of the First Half of the XIX Century (On the Example of the Works of E. A. Baratynsky)]. In: *Filologos* [Philologos], 2021, no. 1 (48), pp. 26–32.
6. Zimina N. Yu. [On the Process of Formation of Russian Ornamental Prose]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. Shukshina* [Current Issues of Philological Research: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of V. Shukshin]. Krasnodar, Yug Publ., 2019, pp. 31–34.
7. Koltsova N. Z. *Tvorchestvo E. Zamyatina: Problemy poetiki* [Creativity of E. Zamyatin: Problems of Poetics]. Moscow, YASK Publ., 2019. 176 p.
8. Komlik N. N. *Tvorcheskoe nasledie E. I. Zamyatina v kontekste traditsiy russkoj narodnoj kul'tury* [Creative Heritage of E. I. Zamyatin in the Context of the Traditions of Russian Folk Culture]. Elec, EGPI Publ., 2000. 265 p.
9. Kurochkina A. V. [Ye. Zamyatin's Socio-Political Views]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, vol. 16, iss. 1, pp. 41–47.
10. Losev A. F. *Forma – Stil' – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. Moscow, Mysl' Publ., 1995. 944 p.
11. Orlicskiy Yu. B. [Overcoming the "Metric Standard"]. In: *E. I. Zamyatin: Lichnost' i tvorchestvo pisatelya v otsenках otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelej* [E. I. Zamyatin: The Personality and Creativity of the Writer in the Assessments of Domestic and Foreign Researchers]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2015, pp. 361–373.
12. Polyakova L. V. [Zamyatin as a Classic of Russian Literature. On the Problem of the Relationship between "Literary Series"]. In: *Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya. Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy. Kn. III* [Creative Heritage of Evgeniy Zamyatin: A View from

- Today. Scientific Reports, Articles, Essays, Notes, Theses. Book XII]. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavina Publ., 2004, pp. 7–27.
13. Tolmachyova O. V. *Sovremennoe otechestvennoe zamyatinovedenie: itogi i perspektivy: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Modern Domestic Zamyatin science: Results and Prospects: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2012. 25 p.
 14. Khamyamova M. A. [Aesthetics E. I. Zamyatin and the Acmeist Paradigm of Creativity]. In: *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog. Vyp. 6. Formy samorefleksii literatury XX veka: metateksty i metatekstovye struktury* [Russian Literature in the Twentieth Century: Names, Problems, Cultural Dialogue. Vol. 6. Forms of Self-Reflection in Twentieth-Century Literature: Metatexts and Metatextual Structures]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2004, pp. 23–55.
 15. Yudaykina E. V. [The Genre of Prose Poems in the Works of E. I. Zamyatin]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2001, no. 3–3 (21), pp. 78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: isuryupin78@mail.ru; is.uryupin@mpgu.su

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor S. Uryupin – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Russian Literature of the 20–21st centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State Endowment University; e-mail: isuryupin78@mail.ru; is.uryupin@mpgu.su

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Урюпин И. С. От «техники» к «музыке слова»: стихотворные опыты Е. И. Замятина // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 18–28.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28

FOR CITATION

Uryupin I. S. From “Technique” to “Music of Words”: Poetic Experiments by E. I. Zamyatin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 18–28.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-18-28

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-29-39

ЭТНОСПЕЦИФИКА И ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ СОЦИУМА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ван Хань

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
40005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить тематические зоны номинации современного социума и её динамику, изучить аксиологическую составляющую номинации социума, её этническую специфику.

Процедура и методы. Предметом рассмотрения является неформальная номинация современного русского социума как фрагмент языковой картины мира. Актуальность исследования обусловлена изучением массового «низового» осмысления современной жизни. Проанализирован материал прессы и устных ток-шоу экспертов (1080 примеров). Использованы методы компонентного анализа и сопоставительный.

Результаты. Результаты исследования показывают историческую мену аксиологического знака (*святые – лихие – помойные девяностые, застой – нежный Брежнев*), раскрывают этнические особенности и исторический фон номинаций социума (*оттоманы, шароварный вермахт*). Установлены основные функции неформальной номинации социума (гносеологическая, характеризующая, адаптивная, философская).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в лингвистике, журналистике, социологии, политологии.

Ключевые слова: динамика, неофициальная картина мира, номинация, социум, этноспецифика

ETHNIC SPECIFICS AND DYNAMIC PROCESSES OF THE NOMINATION OF SOCIETY IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Wang Han

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
prosp. im. V. I. Lenina 27, Volgograd 40005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the thematic zones of the nomination of modern society and its dynamics, to study the axiological composition of the nomination of society, its ethnic specifics.

Methodology. The subject of consideration is the informal nomination of the modern Russian society as a fragment of the linguistic picture of the world. The relevance of the research is due to the study of the mass “grassroots” understanding of modern life. The material of the press and oral talk-show experts was analyzed (1080 examples). The methods of component analysis and the comparative method were used.

Results. The results of the study show the historical change of the axiological sign (*holy – dashing – slop nineties, stagnation – gentle Brezhnev*), reveal the ethnic peculiarities and the historical back-

ground of the nominations of society (*ottomans, bloomers Wehrmacht*). The main functions of the informal nomination of society (epistemological, characterizing, adaptive, philosophical) are established. **Research implications.** The results of the work can be used in linguistics, journalism, sociology, political science.

Keywords: dynamics, unofficial picture of the world, nomination, society, ethnic specifics

Введение

Номинации социума представляют собой важную часть русской языковой картины мира: это среда взаимодействия индивида с себе подобными в рамках конвенциональных кодифицированных договоров и исторически сложившихся традиций. Управление социумом, борьба его страт за свои интересы переводит эту зону номинации в область политики (*политика 2. 'события и вопросы общественной, государственной жизни'*) [4, с. 111], отсюда компромиссная номинация *социально-политические (процессы, например)*. В своём исследовании мы используем термин *социум (общество)*, хотя в ряде случаев разграничение *социального и политического* едва ли возможно.

Номинация социальной сферы «двоична»: обозначение лица, его действия, обстоятельств действия «облечено» в социальный статус, ср. *пощёчина* по сравнению с *ударом*, наличие социальных сем в словах *дерзить* ('грубить старшим по возрасту, по положению или сознательно нарушать правила речевого поведения по отношению к неприятному собеседнику'), *аудиенция* ('официальный приём у высокопоставленного лица') и проч., что порождает расчленённость наименований социальных предметов и явлений [6, с. 153].

В основе номинаций социума лежит общественная тематика, структурно-семантический центр которой составляют существительные с социально-статусными коннотациями. Социальная сфера представляет собой область специфического межличностного взаимодействия, т. е. коммуникации. Исследователи указывают поэтому, что в виде знаковой составляющей коммуникативный компонент присутствует вообще всем реалиям социальной сферы: эта особенность характеризует со-

циальные действия, качества, восприятие, время и пространство [6, с. 89–154].

Номинация социальной сферы не прерогатива лишь власти предрешающих. Это зона интересов всех и каждого, языковая личность даёт собственные именованья и оценки сиюминутной и ушедшей реальности. Целям и технике номинации посвящены исследования крупнейших семантиков и семиотиков [1; 3; 7; 12; 15; 16 и др.]. Целью исследования является установление закономерностей речевых номинаций социальной сферы – основных тематических зон номинации, аксиологической составляющей номинаций социума, их этнической специфики и исторической изменчивости. Работа выполнена на материале современной российской и зарубежной прессы, теле- и радиопередач, политических ток-шоу, блогов ведущих представителей российского экспертного сообщества, анализа сетевых комментариев пользователей (всего более 1080 примеров). Использованы методы компонентного анализа, сопоставительный, элементы концептуального анализа.

Выявленные номинации

С точки зрения генезиса, прагматики и сферы употребления номинация социума делится на официальную, кодифицированную (языковые общественно-политические термины, номенклатурные обозначения, нейтральные именованья субъектов и объектов социальной жизни) и речевую, симультанную, неофициальную, возникающую в полемических статьях и ток-шоу политиков и экспертов, реакциях и комментариях зрителей и слушателей в чатах, подписчиков блогов и т. п.

Не являясь языковой, кодифицированной, подобная номинация, во-первых,

имеет дейктический характер, выполняя функцию своего рода «сдвинутой референции» (“deferred reference”) [16, с. 196–200], а во-вторых, характеризующей, являясь перифрастическим именованием как аспектным описанием, где «каждый компонент перифрастической конструкции определяется не только выбором ряда лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Речь идёт об актуализации фоновых знаний» [14, с. 214].

В силу особенностей неподготовленности общения, специфики медийной и сетевой коммуникации такие речевые реакции носят авторский, оценочный характер и отражают «низовую», неофициальную языковую картину мира.

Неофициально-разговорная картина мира структурирована согласно основным сферам жизни социума. В самом общем виде в ней можно выделить следующие тематические зоны именования. **Временные периоды:** *Сейчас мы искренне восторгаемся изысканством и ... женственностью ар-деко, а именно в этом и отказывали девушкам «ревуущих двадцатых»* – ‘двадцатые годы XX в.’¹; *Все вместе жители по крупицам собирали данные о земляках, которые в «сороковые-роковые» защищали страну от фашизма* – ‘сороковые годы XX в.’²; *Чёрный рынок валют в России: назад в «лихие девяностые»?* – ‘девяностые годы XX в.’³; *Это вообще нельзя сравнивать с нищетоустройством и беспределом 90-х*⁴.

¹ Философия роскоши [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/filosofiya_roskoshi?ysclid=lbexdlr2az87676478 (дата обращения: 08.12.2022).

² Юлия Оглоблина в Вармазейке почтила память павших в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/yuliya-ogloblina-v-varmajejke-pochtila-pamyat-pavshih-v-velikoj-otechestvennoj-vojne/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

³ Чёрный рынок валют в России: назад в «лихие девяностые»? [Электронный ресурс]. URL: <https://absatz.media/news/14395-chyornyj-rynok-valyut-v-rossii-nazad-v-90-e?ysclid=la72ih9zvi961450931> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Вraga не добит [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/vraga_ne_dobit?ysclid=lbey242a

Именования стран и континентов: *Ведь так ведёт себя Дядя Сэм с той стороны большой лужи* – ‘Америка’, ‘Атлантический океан’⁵; *Обитатели тех мест поблагодарили и всыпали оттоманам перца* – ‘турки’⁶; *Мировой жандарм не даёт никакой оценки действиям Владимира Рогова* – ‘США’⁷; *США сегодня – экономический вампир, в которого давно пора воткнуть осиновый кол* – ‘США’⁸; *Геополитические игроки «моря» отчётливо создают «кольцо анаконды», сражаясь с усиливающейся «сушей»* – ‘США и их союзники’⁹; *На картинке Дядя Сэм поливает из колонки с надписью «Топливо» огонь, в центре которого стоит табличка с надписью «Украина»* – ‘США’¹⁰; *«Гиена Европы» как разошлась-то. Можно даже сказать, разбежалась.* – ‘Польша’¹¹; *Что*

zi523244918 (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Операция на Украине носит оборонительный характер [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/turbopages.org/inosmi.ru/s/20220706/ukraina-254871085.html> (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Султан Эрдоган пошёл против всех! Смертельный номер! [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y4QFhHGXi7GH6ha> (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ Председатель движения «Мы вместе с Россией» Владимир Рогов считает показателем эффективной работы введение США санкций против него [Электронный ресурс]. URL: <https://novostivl.ru/post/1060368/?ysclid=la72pxuysy993073762> (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ Польский вояж маразматика Джо – от пиццы до «большого выступления» [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/events/pol_skiy_voyazh-marazmatika_dzho_-_ot_pitcti_do_bol_shogo_vistupleniya?ysclid=la72v0e7h3296096927 (дата обращения: 08.12.2022).

⁹ США пытаются открыть «второй фронт» на Тайване [Электронный ресурс]. URL: <https://rusprav.tv/ssha-pytayutsya-otkryt-vtoroj-front-na-tajvane-125610?ysclid=lbegzxcjd601568619> (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁰ Представитель МИД КНР карикатурой проиллюстрировал действия США в отношении Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/202227956-rs307.html> (дата обращения: 08.12.2022).

¹¹ На своре и шерстка горит. «Гиена Европы» сбивает стаю в поход на Украину [Электронный ресурс]. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220323/na-svore-i-sherstka-gorit-giena-evropy-sbivaet-stayu-v-pokhod-na-ukrainu-21061621.html?ysclid=la72s2oaks935155699> (дата обращения: 08.12.2022).

же касается **неньки**, то ладно её бы всё это время кормили как на убой... – ‘Украина’¹; По мнению Жирара, дело в том, что политик не может перед лицом **«злого русского медведя»** подвергнуть риску американских дипломатов и военных советников – ‘Россия’².

Тип власти: Это не **картонная демократия**, традиционная для коллективного Запада, где ответом на запросы граждан станут призывы экономить электричество – ‘европейская политическая несамостоятельность’³; Принципиальные различия состоят как в процедуре созыва: «снизу» – в период средневековой **кочевой демократии**, «сверху» – в настоящее время, так и в периодичности съездов: по мере необходимости в ханские времена – и как постоянно действующий орган при президенте страны сегодня – ‘родовой принцип управления’⁴.

Места проживания и отдыха внутри страны и за рубежом: И это не какой-нибудь **«Вечерний Кислородищенск»**, не листок на заборе, это **«Ньюс-вик»** – ‘издание в глухой провинции’⁵; **Улететь в страну пляжей и кожаных курток** теперь можно за 22 тысячи рублей. – ‘Турция’⁶.

Имена публичных лиц: «Я открыл его, и повеяло какой-то детской сказкой, – рассказывал **ЕБН** – ‘Ельцин’⁷; **Табуретки** или новый Аракчеев? – ‘А. Э. Сердюков’⁸; Впрочем, любовь народная иногда принимала неожиданные формы: граждане называли Горбачёва либо **«минеральный секретарь»** за проваленную антиалкогольную кампанию, либо **«Михаил меченый»** за родимое пятно – ‘Горбачёв’⁹; На Востоке говорят: если в каждую лающую собаку бросать камень, можно до цели и не дойти. Но Псаки – не собака. Она и не Жучка, и не внучка, а **мышка** – ‘Джейн Псаки’¹⁰; Многих удивило, что на русско-украинско-турецкой ‘зерновой сделке’ в Стамбуле всплыл обитающий в основном на Западе бывший **«губернатор Чукотки»** миллиардер Роман Абрамович¹¹; **«Позвони мне, позвони»**. Глава МИД Латвии троллит лидеров Запада, называющих Путина – ‘Макрон’¹²; Глава Чечни Рамзан

ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ Farewell Queen! [Электронный ресурс]. URL: <https://stolica-s.su/archives/350062?ysclid=la72zweofq442141976> (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ Лучший военный министр: Сердюков, Шойгу, ... Пригожин? [Электронный ресурс]. URL: http://vybor-naroda.org/vn_exclusive/226868-luchshij-voennyj-ministr-serdjukov-shojgu-prigozhin.html?ysclid=la731u8gl7880320869 (дата обращения: 08.12.2022).

⁹ Ангел мира или демон-разрушитель: каким на самом деле был Михаил Горбачёв [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/400473/angel-mira-ili-demonrazrusitel-kakim-nasamom-debyl-mihail-gorbacev/?ysclid=la733y6iqu647942428> (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁰ Шо, опять? Белый дом объявил о «полном сокрушении» экономики России [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220315/ekonomika-1778286835.html?ysclid=lb5fjaant273418915> (дата обращения: 08.12.2022).

¹¹ Провал плана спецоперации на Украине обернулся уникальной перспективой – Латышев [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/news/proval-plana-specoperacii-na-ukraine-obernulsja-unikalnoj-perspektivoj-latyshv_594389 (дата обращения: 08.12.2022).

¹² «Позвони мне, позвони». Глава МИД Латвии троллит лидеров Запада, называющих Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti.in.ua/ru/mir/pozvoni-mne-pozvoni-glava-mid-latvii>

¹ А если послезавтра война, или Маразм крепчал, а танки все не едут [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220214/1772766131.html?ysclid=lb3kyngq5780511614> (дата обращения: 08.12.2022).

² Журналист Le Figaro Жирар заявил о «необъяснимой истории» Байдена из-за «угрозы вторжения» России на Украину [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/politics/2022/02/760042?ysclid=lb3qnfqmm501805276> (дата обращения: 08.12.2022).

³ «Европа демонстрирует собственную беспомощность» – Дмитрий Белик [Электронный ресурс]. URL: <https://infopovod.ru/opinions/evropa-demonstriruet-sobstvennyu-bespomoshnost-dmitrij-belik/?ysclid=la74dfs5b272832127> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Возрождение Курултая. Киргизстан и Казахстан запустили обратный ход истории? [Электронный ресурс]. URL: <https://parusk.info/glavnaya/196928-vozhrozhdenie-kurultaja-kirgizstan-i-kazahstan-zapustili-obratnyj-hod-istorii.html> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Сергей Михеев. Радио FM 19.02.2.

⁶ Отдых в Турции резко подешевел для жителей Ивановской области [Электронный ресурс]. URL: https://newsivanovo.ru/fn_733211.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Ffdzen.

Кадыров в своём Telegram-канале назвал США «экономическим вампиром», а президента страны Джо Байдена «**оряхлым ковбоем**» и «**шизиком**» – ‘Байден’¹; Не успели наши СМИ сообщить такую опасную для здоровья **султана** новость, **неистовый турок** перешёл в атаку и на Россию – ‘Эрдоган’².

Социальные и политические организации: «НАТО – это даже не бумажный тигр, а **мыльный пузырь**» – ‘нечто эфемерное’³; В ответ на это заявление представитель МИД РФ Мария Захарова заявила, что украинский режим – это «**кровавый мясник**», который хочет вступить в «**НАТОВскую помойку**» – ‘преступный режим’, ‘организация, нарушающая все международные нормы’⁴.

Политические партии и движения: «**Единая Россия**» предлагает установить единый перечень льгот и мер поддержки для всех участников СВО независимо от места жительства – ‘основная политическая партия в России’⁵; Как дохихикались «**либерасты**» и почему России и Беларуси важно держаться друг друга – ‘сторонники

минимализации роли государства’⁶; Мы что, **коммуняки**, что ли, тут что-то национализировать? А национализировать пришлось, как у коммунык – ‘большевистская партия с её лозунгом экспроприации экспроприаторов’⁷.

Лозунги и призывы: Главный лозунг последнего времени – «**Своих не бросаем**»⁸; Наиболее популярными и активно раскручиваемыми лозунгами в этой газетке стали «**Купи еды в последний раз**» и «**А ты за насся продовольствием?**»⁹.

Группы населения: Причём тогда досталось не только молдаванам, но и нашим «**небратьям**» – с апреля 1934 года из сёл Рыбницкого района выселили около 3 тыс. украинцев – ‘украинцы’¹⁰; Так что пань те-

trollit-liderov-zapada-nazvanivayushhix-putinu.html?ysclid=lbjflhiu50552481274 (дата обращения: 08.12.2022).

¹ Кадыров назвал США «экономическим вампиром», а Байдена «шизиком» [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220326/kadyrov-1780259690.html?ysclid=la736ilkj829030704> (дата обращения: 08.12.2022).

² Султан Эрдоган пошёл против всех! Смертельный номер! [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y4QFhfHGXi7GH6ha> (дата обращения: 08.12.2022).

³ Война объявлена, но никто не испугался [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-07-21/11_1198_nato.html?ysclid=la73gwvpyml10858367 (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ МИД Германии: поддержка Украины не должна сталкивать НАТО с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/2060fa60?ysclid=la73j89mf5988108114> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ «Единая Россия» предлагает установить единый перечень льгот и мер поддержки для всех участников СВО независимо от места жительства [Электронный ресурс]. URL: https://riabir.ru/358294/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Рождение идеологии, союзничество и «эпик фейл» либерастов. О чём говорили Лукашенко и российский философ Дугин [Электронный ресурс]. URL: https://www.belta.by/president/view/rozhenie-ideologii-sojuznichestvo-i-epik-fejl-liberastov-o-chem-govorili-lukashenko-i-rossijskij-530055-2022/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ Дмитрий Гоблин Пучков: Я капиталист в прямом смысле этого слова, революции из-за СВО не будет [Электронный ресурс]. URL: https://dailystorm.ru/mneniya/dmitriy-goblin-puchkov-ya-kapitalist-v-priamom-smysle-etogo-slova-revoljucii-iz-za-svo-ne-budet?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ Спецпроект «Своих не бросаем»: Алексей Альховик [Электронный ресурс]. URL: https://center.business-magazine.online/fn_1235237.html?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

⁹ «Красный пояс на шее Москвы»: как Ельцин выиграл вторые выборы президента [Электронный ресурс]. URL: https://news.ru/society/krasnyj-poyas-na-shee-moskvy-kak-elcin-vyigral-vtorye-vybory-prezidenta/?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzenn.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁰ Шолыц уже избавил себя от такой химеры, как совесть [Электронный ресурс]. URL: https://zvezdaweekly.ru/news/20221251740-iNK75.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_

перь во всеоружии и готовы дать отпор компьютерным хулиганам – ‘хакеры’¹; Верно ли, что «понаехи» как-то особенно бурно кипят идеями и пытаются их внедрить? – ‘некоренное население столичной территории’²; *Asia Times*: в лютой бойне на Украине виноваты не Путин и «ватники» – ‘пророссийские патриоты Донбасса’³; Для них люди в Донбассе – «сепары», «неправильные украинцы», «колорады», которые подлежат уничтожению – ‘жители Донбасса’⁴; Сейчас те чурки и хачики, можно сказать, остаются на этой земле... – ‘выходцы из Средней Азии и с Кавказа’⁵.

Профессии и род занятий: Взбунтовался цветной офисный планктон. Они же покидают этот корабль не потому, что он тонущий – ‘мелкие офисные работники’⁶.

referrer = https % 3 A % 2 F % 2 F d z e n . ru % 2 F n e w s % 2 F s e a r c h % 3 F t e x t % 3 D (дата обращения: 08.12.2022).

¹ Как американцы Киев от киберугроз защитили [Электронный ресурс]. URL: https://radiosputnik.ria.ru/20220216/kiber-1773126679.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

² Сергей МАЛЬЦЕВ: «Молодёжи в Краснодаре больше, чем жителей в некоторых районах края» [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.io/21/09/2022/sergei-malcev-molodezhi-v-krasnodare-bolshe-chem-zhitelej-v-nekotoryx-rajonax-kraya-54156?ysclid=la73niwb5s934178179> (дата обращения: 08.12.2022).

³ *Asia Times*: в лютой бойне на Украине виноваты не Путин и «ватники» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/1751153-asiatimes> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Сергей Миронов: украинская пропаганда – это пропаганда расовой войны [Электронный ресурс]. URL: <https://spravedlivo.ru/12399010?ysclid=la73se44ga71934966> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Чермен Кобесов: жители ЛНР и ДНР вправду сами выбирать, к кому присоединяться, где и как жить [Электронный ресурс]. URL: <https://ctv.by/chermen-kobesov-zhiteli-lnr-i-dnr-vpravesami-vybirat-k-komu-prisoedinyatsya-gde-i-kak-zhit?ysclid=la73ybbcnz14752020> (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Чёрный выход. Администрацию Байдена массово покидают афроамериканцы [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220603/bayden-1792934650.html?ysclid=lb2cgig28s475095492> (дата обращения: 08.12.2022).

Экономические процессы: Всё это – чтобы не разгонять спровоцированную ковидными «вертолётными» деньгами инфляцию в Италии – ‘неадресные экономические субсидии’⁷; Потому что американский госдолг – это же ещё и как большая мусорная свалка – ‘большой неструктурированный’⁸.

Подобные номинации, как уже указывалось, аксиологичны. Аксиология – особая отрасль философии, предметом которой является ценность. В человеческом бытии ценности выражаются как цели, смыслы и критерии оценки природных, социальных и культурных явлений: победа как ‘результат военных действий’ и как ‘повод для гордости’ [8, с. 355]. Аксиологический подход к сути бытия заключается в изучении ценностных явлений и ценностных проблем природы и общества, раскрытии сущности, природы вещей и закономерностей человеческого понимания и реализации ценности, уточнении определённости ценностного мира и его значения для человека. Публицистический же дискурс как обсуждение условий жизни человека аксиологичен по определению: высказывание экспертом точки зрения есть одновременная оценка [10].

Аксиология социума включает необходимые человеку общественные объединения – семья, нация, страна. Аксиология духовной жизни включает знания, нормы, идеалы, убеждения. Аксиологический характер социальной номинации заключается в социальной оценке, воплощённой в семеме имени, часто в целом спектре оценок – прагматических, исторических, культурологических и проч.: *Что случилось, какой бакишии задолжали русские*

⁷ «Проклятие Киева» теперь дошло и до Драги: Голова премьера Италии на «подносе Путина» [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/tsargrad.tv/proklatie-kieva-teper-doshlo-i-do-dragi-golova-premera-italii-na-podnose-putina-62d995bfa3215c409ed400a1> (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ Дела идут, контора пишет, станок печатает. Госдолг США достиг 30 триллионов [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220202/1770703292.html?ysclid=lb9f9lbnfb145030782> (дата обращения: 08.12.2022).

*наглому турку?*¹; Что должна была бы сделать Россия, чтобы сделать больно этой *мировой жабе*, этому Западу? – ‘не дающая жить другим странам’²; Никто не будет сидеть и ждать, пока *этот клоп будет пить из тебя кровь* – ‘экономически выматывающая страна’³; «На краю своей могилы *этот кровавый старик* должен вспомнить о своих злодеяниях, о тысячах мирных людей, которых он убил», – заключил Рогозин. – ‘участие Байдена в многочисленных войнах и политических переворотах, проводимых Америкой’⁴; Ты почтальон, Макрон, было сказано, ты не президент, ты *почтальон* – ‘лицо, передающее информацию’⁵; Вот, скажем, министр экономики и защиты климата Роберт Хабек. Это тот *«зелёный» герр*, что Бербок не слаще – ‘столь же маниакально отстаивающий идеи «зелёной экономики»’ – перифраз русской поговорки Хрен редки не слаще⁶; Ничтожный, по сути, *пьяница*, которому было наплевать на народ и его страдания... – ‘алкоголик Ельцин’⁷; Я думаю, он лжец. *Трусливый, сопливый лжец*... – ‘поведение Горбачёва

во время и после путча 1991 г.’⁸; Если за-быть, что этот формат у них называется *«Веймарский треугольник»* (а это немудрено, поскольку они не встречались с 2011 года), то можно решить, что это – завязка анекдота – Германия, Франция и Польша’⁹.

При этом в полном соответствии с маятниковым характером развития русской культуры («в единстве возвратных и поступательных движений» как «сила инерции истории» [5, с. 10]) оценки меняются: повтор «через парадигму» принципов организации общества и мена аксиологического знака на противоположный¹⁰. Так, период 70-х гг. XX в., именовавшийся «застоем», периодом «мягкой цензуры» (видимо, в сопоставлении с жёсткими сталинскими временами), сейчас не без ностальгии вспоминается как «нежный Брежнев». А 90-е гг. XX века, эвфемистически именовавшиеся «лихими» или выигравшим от грабительской «прихватазации» слоем населения с их точки зрения «святыми»¹¹, в настоящее время именуются «бандитскими» и «помойными»: *Сегодня мы видим их, постаревших, но всё таких же подлых, застрявших в помойных девяностых и ненавидящих советскую систему, Сталина*¹².

Аксиологическое деление в неофициальной картине мира проходит и по синхронным линиям своя страна / зарубежные страны, центр / периферия, районы с экономическими привилегиями / районы без таковых и проч.: *Другое дело, что чем больше капиталистические гиганты погряза-*

¹ Султан Эрдоган пошёл против всех! Смертельный номер! [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y4QFhHGXi7GH6ha> (дата обращения: 08.12.2022).

² Субботний Мардан 12.11.22 [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-52620949_456253031 (дата обращения: 08.12.2022).

³ Ростислав Ищенко: Никто не собирается сидеть и ждать, пока Украина, как клоп, будет пить из тебя кровь (Формула смысла 19.11.22) [Электронный ресурс]. URL: <https://politvz.ru/9396-ishhenko-rostislav-nikto-ne-sobiraetsya-sidet-i-zhdat-poka-ukraina-kak-klop-budet-pit-iz-tebya-krov-poslednee-vystuplenie-video> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Рогозин напомнил Байдену, кто на самом деле является военным преступником [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220317/bayden-1778587762.html?ysclid=lbfdg4ned258478007> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Эхо Москвы 21.02.2022, Алексей Венедиктов.

⁶ Перевели «стрелки». В Германии решили бить нас на Украине нашим же оружием [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220304/1776555661.html> (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ Воздвигающий памятники [Электронный ресурс]. URL: <https://argumenti.ru/society/2022/09/790637?ysclid=la77061xwx206255900> (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ Там же.

⁹ Собрались как-то Шольц, Макрон и Дуда... [Электронный ресурс]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220209/1771929340.html?ysclid=lbfdg80lae462228674> (дата обращения: 08.12.2022).

¹⁰ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 254, 259.

¹¹ См.: Лихие девяностые: генезис [Электронный ресурс]. URL: <https://metkere.com/2008/11/90e.html> (дата обращения: 09.03.2022); [2, с. 8, 17, 18, 20, 27; 11; 13].

¹² Кромешный русский бал [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_knigah_prohanova_tcdl_i_den (дата обращения: 08.12.2022).

ют в санкциях против России, тем более они ухудшают и собственное положение – ‘развитые страны’¹; Не исключено, после окончания отопительного сезона её экономическое положение может опуститься до уровня **стран третьего мира**. – ‘развивающиеся страны’².

Этноспецифическое восприятие окружающей социальной действительности отражает прежде всего историческую память: о турках времён Османской империи, о поляках в период Смутного времени, о французах времён наполеоновских войн, о возникновении Украины как государства в советский период, о немцах и Великой Отечественной войне: **Султан Эрдоган пошёл против всех! Смертельный номер!** ... Только 2016-й год стоит помнить, как **кунак Владимир Владимирович спас султана от гибели**³; Взоры **шароварного вермахта** обратились к антидроновым ружьям⁴.

Современное восприятие крупных и мелких игроков политической арены также оформляется с точки зрения интересов России, её безопасности и экономики: **Тот турнир, который они будут проводить в «стране шпрот», можно назвать «Вялая клюшка»** – ‘страны Прибалтики’⁵.

В полном соответствии с историческими закономерностями номинативные взрывы вызывают социальные потрясения – пандемии, крупные террористические акты, война, в том числе в современных её реализациях – кибер-, прокси- и т. д. [9, с. 31]. «Послемайданная» история Украины и спецоперация России на Украине вызвала к жизни жаргонные номинации **москаляка, русня, орки, укropy, арта, передок, зашквар (Наши Воины жгут укropy**⁶; Между тем, **жовто-блакитные соцсети переполнены комментариями о падении на «передке» духа захисников незалежности и о зрадниках-офицерах, которые тупо бросают своих солдат под русскую арту**⁷), активизировала разговорные номинации **хохлы и пшеки (Пшеки подчёркивают, что систематические удары ВС России по командным пунктам и центрам подготовки ВСУ привели за последние три месяца к гибели около 4600 наиболее подготовленных военнотружеников**⁸); переосмыслила выражения **оркестранты, музыканты, оркестр** – ‘члены ЧВК «Вагнер»’ (По данным военкоров, ЧВК «Вагнера», после крупных успехов вчера, заняли Курдюмовку и вышли к каналу Северский Донец — Донбасс. Тем самым «**Оркестранты**» продолжают прокладывать кольцо окружения Артёмовска по южной стороне ... Сегодня к югу от

¹ Запад опасается установления флага России над Киевом [Электронный ресурс]. URL: <https://glavny.tv/last-news/russia/tyumenskiy-kfc-priznali-halyalnym> (дата обращения: 08.12.2022).

² США приобрели, а Европа потеряла миллиарды на санкциях против России [Электронный ресурс]. URL: https://www.tut-news.ru/ekonomika/ssha-priobrel-evropa-poteryala-milliardy-na-sankciyah-protiv-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdz.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 08.12.2022).

³ Султан Эрдоган пошёл против всех! Смертельный номер! [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y4QFhHGXi7GH6ha> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Бить надо не по дрону, а по оператору [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/350655> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Депутат Милонов: ЧМ-2023 можно назвать «Вялая клюшка» [Электронный ресурс]. URL: https://allhockey.ru/news/show/450788-Deputat_Milonov_ChM_2023_mozhno_nazvat_Vyalaya_kljushka?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_

<referrer=https%3A%2F%2Fdz.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D> (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Последние новости с УКРАИНЫ сегодня 16 июля: удары по Одессе и Днепру! Видео боевых действий [Электронный ресурс]. URL: https://voenhrionika.ru/turbopages.org/voenhrionika.ru/s/publ/vojna_na_ukraine/poslednie_novosti_s_ukrainy_segodnja_16_ijulja_udary_po_odesse_i_dnepru_video_boevykh_dejstvij_15_video/60-1-0-12606 (дата обращения: 08.12.2022).

⁷ ВСУ отводят части под Киев: Самостийный фронт треснул [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/340303> (дата обращения: 08.12.2022).

⁸ ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ с Украины: положение ВСУ близко к КОЛЛАПСУ. Видео боевых действий – 20 июля (16 видео) [Электронный ресурс]. URL: https://voenhrionika.ru/publ/vojna_na_ukraine/poslednie_novosti_s_ukrainy_polozenie_vsu_bлизко_k_kollapsu_video_boevykh_dejstvij_20_ijulja_16_video/60-1-0-12637 (дата обращения: 08.12.2022).

Артёмовска **музыканты** взяли 4 населённых пункта за день¹), польские жолнежи, польские летучие гусары – ‘польские наёмники на Украине’ (Дистанция насколько огромного размера отделяет польских добровольцев в составе украинской армии от обычных **польских жолнежей** в составе ударных корпусов, которых бросят на русский фронт? Однако на пути **польских крылатых гусар**, желающих кавалерийской атаки на Украину, до недавнего времени стояли важные барьеры²); активизировала типичные для военных действий эфемеристические образования **прилёт**ы – ‘попадание снарядов’, **отработали** – ‘обстрелять’, **три топора** – ‘гаубица М-777’, **химеры** – ‘РСЗО HIMARS’: Все мероприятия в честь дня Военно-морского флота в Севастополе были отменены по соображениям безопасности, однако праздник в Крыму всё равно испортили. **«Прилетело»** во двор штаба Черноморского флота³; Люди когда-то уезжали из города, броса-

ли свои жилые помещения, по этим помещениям были **прилёт**ы с различных видов авиационных снарядов⁴; Российские войска **отработали** по целям в Никополе, Марганецкой общине и Маломихайловке⁵.

Закключение

Неофициальная языковая картина мира выполняет в социуме ряд важных функций. Данный тип номинации служит средством познания сложной современной действительности (гносеологическая функция), официальной и неофициальной оценки этой действительности (характеризующая функция), психологического приспособления к явлениям социальных бедствий (адаптивная функция), исторического осмысления происходящих событий (философская функция) и потому суживает всестороннего изучения.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Бонч-Осмоловская А. А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги-steps. 2018. № 3–4. С. 115–146.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. М.: УРСС Эдиториал, 2009. 408 с.
4. Ерофеева Т. И. Лексема «ПОЛИТИКА»: семантический анализ словарных дефиниций в русском языке // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 109–114.
5. Ершов Ю. Г. Циклы истории: трагический опыт России // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 7–19.
6. Ким И. Е. Социальная сфера в русской языковой картине мира // Власть в русской языковой и этнической картине мира: коллективная монография / С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова, Е. В. Осетрова, В. Г. Суховольский. М.: Знак, 2004. С. 89–154.
7. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
8. Колышева О. Н. Война в языковом сознании молодых россиян: ассоциативный эксперимент // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 339–358.

¹ Сводка боевых действий на Украине 30.11.2022. «Вагнер» перемалывает резервы ВСУ [Электронный ресурс]. URL: <https://vizitnlo.ru/svodka-boevykh-dejstvij-na-ukraine-30-11-2022-vagner-peremalyvaet-rezervy-vsu/> (дата обращения: 08.12.2022).

² Польша вступает в войну? След Ватикана в смерти Макея [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y4Y3TcApHyRW_gme (дата обращения: 08.12.2022).

³ Кто убил пленных украинских военных и почему Севастополь остался без парада ВМФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosbalt-ru.turbopages.org/rosbalt.ru/s/world/2022/07/31/1968322.html> (дата обращения: 08.12.2022).

⁴ Спецоперация России на Украине, 07.08.2022: точная карта боевых действий на Украине 7 августа 2022: итоги Юрия Подоляки, обстановка на Донбассе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771969676> (дата обращения: 08.12.2022).

⁵ Сводка боевых действий на Украине: «Вагнер» перемалывает резервы ВСУ [Электронный ресурс]. URL: <https://vizitnlo.ru/svodka-boevykh-dejstvij-na-ukraine-30-11-2022-vagner-peremalyvaet-rezervy-vsu> (дата обращения: 08.12.2022).

9. Лукин А. Н., Хайрулин Ш. Ш. Философия войны: формирование современного дискурса // Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 25–36.
10. Руженцева Н. Б. Точка зрения в публицистическом дискурсе: речевое представление и аксиологическое содержание // Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93). С. 12–19.
11. Симонян Р. «Лихие» или «славные» девяностые? // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 159–174.
12. Способы номинации в русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1982. 296 с.
13. Чжан Тинтин. Образы десятилетий в политическом дискурсе российских СМИ: лихие девяностые vs стабильные нулевые // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 205–211.
14. Ду Чуньян. Перифразы как форма мышления // Неофилология. 2021. Т. 7. № 26. С. 213–219.
15. Green M. Conversation and Common Ground // Philosophical Studies. 2017. № 174. P. 1587–1604.
16. Katarzyna Kijania-Placek K., Banaś P. Deferred Reference of Proper Names // Journal of Semantics. 2021. № 38 (2). P. 195–219.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995. 472 p.
2. Bonch-Osmolovskaya A. A. [Names of Time: Epithets of Decades in the Russian National Corpus as a Projection of Cultural Memory]. In: *Shagi-steps*, 2018, no. 3–4, pp. 115–146.
3. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya: Nekotorye aspekty lingvisticheskoy nauki v konce XX veka. Ot situatsii k vyskazyvaniyu* [Language Transformations: Some Aspects of Linguistic Science at the End of the 20th century]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2009. 408 p.
4. Erofeeva T. I., Zhdanova Yu. V. [The [Lexeme “POLITICS”]: Semantic Analysis of Dictionary Definitions in the Russian Language]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, no. 4 (94), pp. 109–114.
5. Ershov Yu. G. [Cycles of History: Russia’s Tragic Experience]. In: *Socium i vlast’* [Society and Power], 2021, no. 4 (90), pp. 7–19.
6. Kim I. E. [Social Sphere in the Russian Linguistic Picture of the World]. In: Ermakov S. V., Kim I. E., Mihajlova T. V., Osetrova E. V., Suhovol’sky V. G. *Vlast’ v russkoj yazykovoj i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian Linguistic and Ethnic Picture of the World]. Moscow, Znak Publ., 2004, pp. 89–154.
7. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p.
8. Kolysheva O. N. [War in the Young Russians Language Consciousness of: An Associative Experiment]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2021, vol. 12, no. 2, pp. 339–358.
9. Lukin A. N., Khairulin Sh. [Philosophy of War: Forming a Modern Discourse]. In: *Socium i vlast’* [Society and Power], 2022, no. 3 (93), pp. 25–36.
10. Ruzhentseva N. B. [Point of View in Publicistic Discourse: Linguistic Representation and Axiological Content]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, no. 3 (93), pp. 12–19.
11. Simonyan R. [“Dashing” or “Glorious” Nineties?]. In: *Svobodnaya mysl’* [Free Thought], 2011, no. 12, pp. 159–174.
12. Shmelev D. N., ed. *Sposoby nominatsii v russkom yazyke* [Methods of nomination in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 296 p.
13. Zhang Tingting. [Two Decades Images in the Political Discourse of the Russian Media: The Dashing 1990s vs. the Stable 2000s]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2022, no. 2 (92), pp. 205–211.
14. Du Chunyang. [Periphrases as a Form of Thinking]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, no. 26, pp. 213–219.
15. Green M. Conversation and Common Ground. In: *Philosophical Studies*, 2017, no. 174, pp. 1587–1604.
16. Katarzyna Kijania-Placek K., Banaś P. Deferred Reference of Proper Names. In: *Journal of Semantics*, 2021, no. 38 (2), pp. 195–219.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Хань – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: 673278805@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Wang Han – Postgraduate Student, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University;
e-mail: 673278805@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ван Хань. Этноспецифика и динамические процессы номинации социума в русской языковой картине мира // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 29–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-29-39

FOR CITATION

Wang Han. Ethnic Specifics and Dynamic Processes of the Nomination of Society in the Russian Language Picture of the World. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 29–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-29-39

УДК 81.374.3

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-40-52

ТОЛКАТЬСЯ, ТОЛПИТЬСЯ, ТЕСНИТЬСЯ: ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛОВ С СИНКРЕТИЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В «БОЛЬШОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Воронцов Р. И., Дёмина А. Е.

*Институт лингвистических исследований Российской академии наук
199053, г. Санкт-Петербург, пер. Тучков, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выработать рекомендации для описания в «Большом академическом словаре русского языка» микросистемы глаголов движения / пребывания на ограниченном пространстве (*толкаться, толочься, толпиться, тесниться*), отличающихся синкретичной семантикой.

Процедура и методы. В работе исследуется интерпретация данной микросистемы во всех основных толковых словарях русского языка. На основе лексикографического анализа с привлечением корпусных данных выявляется её лексико-семантическая специфика.

Результаты. Сделан вывод об изоморфизме семантических структур рассматриваемых единиц. Установлены оптимальные способы их описания, обусловленные спецификой толкового словаря большого типа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты позволят систематизировать описание данной группы глаголов в издаваемом ныне «Большом академическом словаре русского языка». Статья вносит некоторый вклад в обсуждение проблемы дискретного словарного описания синкретичных семантических структур.

Ключевые слова: Большой академический словарь русского языка, глагол, лексикографический анализ, семантическая структура слова, синкретизм, толковый словарь

TO THE PROBLEM OF DESCRIBING VERBS WITH SYNCRETIC MEANING IN THE GREAT ACADEMIC DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

R. Vorontsov, A. Demina

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Tuchkov per. 9, St. Petersburg 199053, Russian Federation*

Abstract

Aim. To elaborate recommendations for describing a microsystem of polysemous verbs expressing a syncretic meaning of 'moving / staying within a limited area' (*tolkat'sya, toloch'sya, tolpit'sya, tesnit'sya*) in the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

Methodology. The article contains a research on the interpretation of this verb microsystem in all the main Russian definition dictionaries. Based on a lexicographic analysis with the involvement of corpus data, its lexical and semantic specifics are uncovered.

Results. A conclusion is made that the semantic structures of these verbs are isomorphic to each other. The optimal ways are established to describe them in an definition of the *great* type.

Research implications. The research results help systematize the description of the studied verbs in the *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, which is now being issued. The article contributes to the discussion around the discrete lexicographic interpretation of syncretic semantic structures.

Keywords: Great Academic Dictionary of the Russian Language, verb, lexicographic analysis, semantic structure of the word, syncretism, definition dictionary

Введение

Словарное описание лексико-фразеологической системы языка представляет собой инвентаризацию её составляющих – слов, устойчивых сочетаний, фразеологизмов. Анализу подвергаются как материальная сторона языковых знаков, так и их содержание, которое традиционно представляется читателю словаря в виде одного или нескольких лексико-семантических вариантов (ЛСВ), составляющих семантическую структуру слова.

Сущность лексикографического подхода к анализу языка состоит, таким образом, в «дискретизации» его семантического пространства [4, с. 9]. Однако в то же время известно, что семантика лексической единицы характеризуется *недискретностью* [6, с. 40], обуславливающей возможность семантического варьирования слова в речи. Отсюда неизбежная схематичность словарного описания [13, с. 180], которая, тем не менее, проявляется с разной степенью в разных словарях.

Толковый словарь большого типа¹ предоставляет возможность более дифференцированного и дробного описания семантических структур. В этом словаре семантика слова получает наиболее глубокую и всестороннюю разработку, которая часто проливает свет на такие свойства языковых единиц, которые не выявляются при общетеоретическом подходе к научным проблемам. По словам Н. З. Котеловой, «лексикография содержит немало примеров первопрохождения в установлении пересекающихся свойств» [9, с. 30]. Сказанное, безусловно, относится и к организации семантической структуры слова.

Используемый сегодня традиционными толковыми словарями инструментальный дискретизации семантики не слишком разнообразен и сводится, как правило, к

выделению значений слова и их оттенков. Понятие оттенка справедливо критиковалось учёными в связи с его расплывчатостью (обзор проблемы см. в [12]), однако до сих пор остаётся важным инструментом описания. В самом общем смысле под оттенками понимаются ЛСВ, не образующие самостоятельных значений, но закрепившиеся в общелитературном употреблении, т. е. представляющие собой более дробный продукт дискретизации семантики, чем значение.

Предельно дробным ЛСВ следует, судя по всему, признать индивидуально-авторское употребление слова, диагностируемое единственным контекстом. Такие употребления, однако, выходят за рамки узуса и поэтому описываются в авторских словарях.

Одним из основных объектов описания в толковом словаре являются *многозначные* слова, в семантической структуре которых выделяется несколько ЛСВ, как правило, состоящих между собой в отношениях семантической производности (деривационных). Следствием недискретности семантического пространства языка является такое свойство семантики многозначного слова, как *диффузность*. Согласно учению Д. Н. Шмелёва, оно состоит в том, что «отдельные значения, отчётливо ограничиваемые друг от друга в определённых позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно» [17, с. 77]. Причём если в практической жизни это не доставляет нам никаких неудобств, то при составлении словарей, дробящих смысловый континуум на отдельные единицы (ЛСВ), часто возникают затруднения. Связаны они и с разграничением выделяемых ЛСВ, и с распределением иллюстративного материала. В этой связи характерна критика словарных описаний, отбраковывающих иллюстрации, которые допускают двоякое или тройное истолкование, и создающих тем самым иллюзию чёткой разграниченности значений и их оттенков.

Ещё большие трудности вызывает описание в словаре *широкозначных* слов. Эти слова обладают семантикой высокой

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17 / гл. ред. В. И. Чернышёв. Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965; Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

степени обобщения, которая сужается и конкретизируется при употреблении в речи [1, с. 114]. По объёму значения широкозначное слово может варьировать от полноценной номинации до десемантизированного формообразующего элемента (например, глаголы *иметь*, *быть*, *делать*, существительные *вещь*, *дело*, *место*). Важным свойством широкозначного слова, отличающего его от полисеманта, является высокая степень полиденотативности: если денотаты многозначного слова можно зафиксировать в словаре, то денотаты широкозначного слова ограничены только лишь множеством возможных употреблений [16, с. 202].

Помимо собственно широкозначности, в литературе описывается целый ряд типологических видов широкого (или обобщающего) значения. Это и слова с комплексно-нерасчленённым значением, реализующимся в частных предметных оттенках, и лексемы с контекстуальной семантикой, и абстрактные слова с синкретичным значением, находящиеся на этапе формирования полисемии (см. [3]).

Все эти типы семантической структуры слова представляют собой проявления *синкретизма* в лексической семантике, характеризующего слитность, нерасчленённость семантических вариантов слова (см. также [5]). При этом «имена обнаруживают, как правило, более чёткий семантический состав, чем имена признаков» [13, с. 179], поэтому лексико-семантический синкретизм больше свойствен прилагательным и особенно глаголам, чьи ЛСВ регулярно «обнаруживают отношения непрерывной семантической связанности» [7, с. 504].

В настоящей работе рассматривается специфика словарной интерпретации группы близких по значению глаголов, отличающихся значительной степенью семантического синкретизма. Материал для лексикографического анализа почерпнут из всех основных толковых словарей русского языка: «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова¹ (далее –

ТСУ), «Словаря современного русского литературного языка» в 17 т.² (далее – БАС-1), «Словаря русского языка» в 4 т. под ред. А. П. Евгеньевой (далее – МАС)³, «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее – СОШ)⁴, «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (далее – БТС)⁵, а также из ряда аспектных лексикографических изданий. Анализ ведётся в связи с подготовкой очередного тома «Большого академического словаря русского языка»⁶ (далее – БАС-3), т. е. представлен взгляд лексикографа-практика.

Специфика значения глаголов с синкретичной семантикой (лексикографический анализ)

Рассматриваемая группа глаголов выражает синкретичную семантику *движения / пребывания / скопления на ограниченном пространстве* и представлена (но не ограничена) следующими единицами: *толкаться*, *толочься*, *толпиться* (*столпиться*), *тесниться*. В самом общем виде значения данных глаголов можно сформулировать следующим образом: ‘ходить, двигаться на ограниченном пространстве на протяжении некоторого времени’; ‘быть, находиться где-л. на протяжении некоторого времени’; ‘собираться, скапливаться где-л., образуя толпу’. Ср.: *Эта общая людская слабость – толпиться в кучу, пробираться туда, где гуще, в серёдку* (В. Даль, Бикей и Мауляна)⁷; *Младшие теснились вокруг Ивана – он всегда воз-*

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1–4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

² Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17 / гл. ред. В. И. Чернышев и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1985.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.

⁶ Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

⁷ Здесь и далее приводятся литературные цитаты из БАС-1 и БАС-3, а также материалы Национального корпуса русского языка [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.05.2023).

и́лся с ними (Б. Васильев, Были и небыли); *Навстречу ей [Тане] шёл отец, в белом халате, в круглой шапочке. Вокруг него толкся целый выводок врачей и студентов* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого). Все эти лексические единицы являются возвратными глаголами действительного залога и по своей семантике близки к автокаузативному употреблению, когда субъект «собственными действиями изменяет положение своего тела ... или перемещается в пространстве» [8, с. 276]. Общей чертой семантики данных глаголов является *непредельность* обозначаемого действия, представляемого как длительный процесс [11, с. 93–94].

В «Толковом словаре русских глаголов»¹ (далее – ТСРГ), построенном идеографически, рассматриваемые единицы отнесены к разным лексико-семантическим полям, выделенным на основе категориальных семантических признаков. Так, в парадигме «Бытие, состояние, качество» представлены глаголы *толкаться* и *тесниться*. Глаголы *толпиться* и *толочься* описаны в поле «Действие и деятельность», причём *толочься* интерпретируется как глагол движения, а *толпиться* – как глагол собирания. Такой подход представляется вполне оправданным для обобщённого идеографического описания, однако анализ широкого текстового материала, привлекаемого при составлении БАС-3, показывает, что на самом деле семантические структуры этих глаголов в значительной степени изоморфны. В каждом из них заложена и семантика действия, и семантика состояния, а различия определяются не столько на уровне категориальных сем, сколько на уровне дифференциальных семантических признаков. При этом глаголы *толкаться* и *толочься* действительно тяготеют к категории действия, а глаголы *толпиться* и *тесниться*, скорее, склонны выражать семантику состояния (пребывания), – что, в свою очередь, определяется эпидигматически (по их внутренней фор-

ме). Рассмотрим глаголы подробно, сгруппировав их по типу мотивированности.

Глаголы, мотивированные глаголами. У глаголов *толкаться* и *толочься* семантика движения / пребывания на ограниченном пространстве вторична по отношению к значениям, соотносимым с семантикой их невозвратных коррелятов (*толкать*, *толочь*). Так, в структуре значений глагола *толкаться* все словари современного русского языка (в различных формулировках) отмечают такие ЛСВ, как: 'толкать кого-л.', 'толкать друг друга', 'сталкиваясь, ударяться обо что-л.', 'отталкиваясь, упираясь чем-л.'. Глагол *толочься*, на первый взгляд, не имеет подобных соотносительных значений, однако, по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», именно такая семантика составляла план его содержания в допетровскую эпоху: *толочися* – 'стучаться, толкаться', 'бить себя', 'ударяться, наталкиваться'. При этом только у глагола *толочися* отмечается значение 'беспорядочно двигаться, ворочаться' с оттенком 'роиться (о насекомых)'².

Таким образом, семантика движения / пребывания на ограниченном пространстве у данной подгруппы глаголов возникает в результате регулярного метафорического переноса (преимущественно) в Новое время. При этом весьма характерно, что этот семантический сдвиг сопровождается понижением стилистического регистра: в большинстве толковых словарей новые значения глаголов сопровождаются пометой *разг.* (в ТСУ – *простореч.*); показательно и включение обоих лексем в словник «Толкового словаря русской разговорной речи»³.

Анализ словарных дефиниций убеждает в том, что такое снижение обусловлено экспрессивностью изучаемых ЛСВ, которая, в свою очередь, связана с представлением о *бесцельности*, *бесполезности*, *нежелательности* действия или состоя-

¹ Толковый словарь русских глаголов / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 1999.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29 / гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Наука, 2011. С. 409.

³ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 526, 528.

ния, обозначенного глаголом. Ср. такие словарные характеристики, как: ‘обычно без особого дела, надобности или прока’ (МАС), ‘обычно о чьём-л. нежелательном присутствии’ (БТС); ср. также: ‘с оттенком неодобрения, иронии’ (БАС-1). Например: [Петька:] *Давно бы уже закончили подготовку. Если бы сестра не мешала. Всё время дома толчётся* (А. Алексин, *Мой брат играет на кларнете*); [Павел Павлович] *толкался, подчас с пустым интересом, по немногочисленным местным магазинам* (А. Мишарин, *Белый, белый день*). Отметим и семантическую близость с экспрессивными глаголами бесцельного разнонаправленного движения (*болтаться, слоняться, шататься, шляться* и др.)¹, не предполагающими, однако, пространственного ограничения.

Эпидигматически значения глаголов *толкаться* и *толочься* восходят к семантике физического воздействия, в частности – удара, столкновения. Этим объясняется развитость той части семантической структуры, где представлены ЛСВ движения, ср.: *толкаться* – ‘ходить, сбиваясь в толпу’, ‘ходить бесцельно туда и сюда, взад и вперёд’ (БАС-1), *толочься* – ‘беспорядочно двигаться, сбиваясь в группу, толпу и т. п.’ (БАС-1), ‘двигаться туда и сюда на небольшом пространстве, топтаться на месте, друг около друга’ (МАС). Общая для обоих глаголов семантика неорганизованного разнонаправленного движения становится базой для развития экспрессивной семантики пребывания субъекта на ограниченном пространстве, напр.: *толочься* – ‘быть, находиться постоянно где-л. (обычно о чьём-л. нежелательном присутствии)’ (МАС).

Для некоторых употреблений глаголов *толкаться* и *толочься* характерна семантика *тесноты, давки*, типичная для глаголов отымённого происхождения, входящих в рассматриваемую группу. Ср. такие значения, как, например: *толкаться* – ‘быть, находиться где-л., обычно в давке,

тесноте’ (МАС), *толочься* – ‘беспорядочно двигаться, сбиваясь в группу, толпу и т. п.’ (БАС-1), а также устойчивое сочетание *толкаться в толпе, в народе*, фиксируемое в БАС-1. Судя по всему, возможность подобного употребления обусловлена как аналогией с глаголами *толпиться, тесниться* (см. далее), так и объектной направленностью действия, обозначаемого невозвратными глаголами *толкать* и *толочь* (кого-, что-либо).

С точки зрения синтаксической сочетаемости интерес представляет субъектная валентность рассматриваемых глаголов. Они могут употребляться и с *единичным*, и с *множественным* субъектом. Для обобщённых значений движения / пребывания на ограниченном пространстве количественная характеристика субъекта не является значимой, однако для некоторых ЛСВ она выполняет смысловозначительную функцию. Так, в БАС-1 значение глагола *толкаться* ‘ходить, сбиваясь в толпу; толочься, толпиться’, допускающее оба типа субъекта, сопровождается оттенком ‘ходить среди множества людей’, употребляемым только с единичным субъектом (БАС-1). Ср., с одной стороны: *Солдаты смешались с сотнями китайцев и растерянно толкались на тесном пространстве* (А. Степанов, *Порт-Артур*), а с другой: *Народ особенный... Я здесь люблю толкаться И молча наблюдать, и молча любоваться* (Я. Полонский, *Прогулка по Тифлису*).

Глаголы, мотивированные существительными. Глагол *толпиться* не имеет невозвратного коррелята в силу своего отымённого происхождения. Его семантика определяется значением мотивирующего существительного *толпа* – ‘большое беспорядочное скопление народа’ (БАС-1), в связи с чем БАС-1, МАС и БТС определяют первое значение глагола так: ‘собираться где-л. толпой, образовывать толпу’, т. е. характеризуют глагол *толпиться* как глагол действия (в частности, собирания) аналогично приведённой выше трактовке из ТСРГ. Однако в других словарях в дефиниции представлена также семантика

¹ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 528.

состояния, ср.: ‘скапливаться, собираться толпой, составлять собой толпу’ (ТСУ), ‘собираться, стоять толпой’ (СОШ).

В этой связи заметим, что в БАС-1 значение ‘собираться в толпу’ иллюстрируется цитатой: *Виднелся городок под ногами с своими белыми домами... и мостом, по обеим сторонам которого, **толпясь**, лились массы русских войск* (Л. Толстой, Война и мир). В данном употреблении, действительно, представлена семантика толпы как неорганизованного скопления людей. Однако более широкий контекст показывает, что речь идёт не только о скоплении войск, но и, прежде всего, об их беспорядочном движении, спешке в виду неприятеля, ср.: *На той стороне простым глазом виден был неприятель и его батарея, из которой показался молочно-белый дымок. Вслед за дымком раздался дальний выстрел, и видно было, как наши войска заспешили на переправе*. Представляется, что весьма близкий ЛСВ реализован в следующем контексте: *Все спешат наперерыв к дверям, **толпятся** и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы притиснули кое-кого* (Н. Гоголь, Ревизор). Данная цитата, тем не менее, приведена в БАС-1 на другое значение глагола *толпиться* – ‘ходить, двигаться на ограниченном пространстве близко друг от друга’ (БАС-1).

Таким образом, представляется, что глагол *толпиться* сам по себе всё же не выражает значения собирания в толпу, формирования толпы, а дефиниции, представленные в словарях, обусловлены больше его внутренней формой, чем актуальной семантикой. Это можно подтвердить, сопоставив глагол *толпиться* с приставочным *столпиться* – ‘собраться в одном месте, образуя толпу’ (БАС-1). Дефиниции, приводимые в БАС-1, почти идентичны, что вызывает очевидные возражения: какой семантический признак привносит в таком случае приставка *с-*? На наш взгляд, это именно признак собирания, скапливания, ср. такие значения глагольной приставки *с-*, как: ‘движение с разных сторон в одно место’ и ‘сосредоточение в одном месте’ (БАС-1).

Получается, что толковать глагол *толпиться* как глагол собирания (относящийся к категории действия) не вполне правомерно. Его основной ЛСВ относится к семантике состояния и может быть определён так: ‘составлять собой толпу; пребывать, тесниться на ограниченном пространстве (о большом количестве людей)’, напр.: *Через полчаса все гости уже **толпились** на берегу около свай, где были привязаны лодки* (А. Чехов, Именины). Анализ контекстов показывает, что в чистом виде семантика скопления, собирания представлена только в одном фразеологически связанном устаревшем варианте: *толпиться в кучу, в кучки* (БАС-1).

Далее следует подчеркнуть, что семантика состояния, выражаемая глаголом *толпиться*, отлична от бытийных значений глаголов *толкаться* и *толочься*. У глаголов, мотивированных глаголами, эти ЛСВ вторичны по отношению к ЛСВ движения и выражают идею пребывания как длительного присутствия где-либо, сопровождаемого какой-либо деятельностью. У отымённого глагола *толпиться* бытийная семантика первична, пребывание в данном случае мыслится как длительное (как правило, статичное) присутствие где-л. в составе большого количества субъектов (толпы).

Тем не менее, и глагол *толпиться* (как было показано выше) способен выражать значение движения: ‘ходить, двигаться на ограниченном пространстве близко друг от друга, касаясь друг друга; толочься’ (БАС-1). ЛСВ движения вторичен для данного глагола и предположительно возникает по аналогии с глаголами первой подгруппы (не случайно использование синонимического способа толкования: ‘толочься’). Более того, от значения движения по аналогичной модели у глагола *толпиться* развивается ещё одно бытийное значение, совпадающее с бытийными значениями глаголов *толкаться* и *толочься*. БАС-1 формулирует это значение так: ‘быть, находиться где-л., при ком-л. неизменно или долгое время (обычно о большом количестве людей)’ (БАС-1): [Дон Карлос:] *Вокруг*

тебя Ещё лет шесть они [поклонники] **толпиться** будут, Тебя ласкать, лелеять и дарить (А. Пушкин, Каменный гость).

Стилистически глагол **толпиться** является нейтральным, в его узуальной семантике нет признака бесцельности, нежелательности, характерного для глагола **толкаться** и др. Напротив, признак тесноты, давки, обусловленный внутренней формой, для всех его употреблений обязателен. Так же объясняется и ограничение субъектной валентности типом множественного субъекта, хотя в просторечии (или при шутливом употреблении) возможен и единичный субъект: *Лев Львович... поднялся из-за стола, толпился за спиной Истопника, заглядывал* (Т. Толстая, Кысь).

Заметим также, что глагол **толпиться** имеет ряд менее употребительных синонимов: *грудиться, кучиться, кучковаться, роиться*. Не рассматривая их здесь подробно, констатируем лишь, что их семантические структуры весьма близки. К отличиям можно отнести актуальную для глаголов *грудиться, кучиться, кучковаться* семантику собирания и более выраженную семантику беспорядочного движения у глагола *роиться*. Эти смысловые акценты обусловлены предметно-логическим содержанием исходных существительных.

Глагол тесниться. Несмотря на отглагольное происхождение, глагол **тесниться** по своей семантике отличен от первой подгруппы глаголов. Это связано со спецификой их невозвратных коррелятов. Так, если глаголы **толкать** и **толочь** стоят в вершинах соответствующих словообразовательных гнезд и определяют семантическое развитие дериватов за счёт выражаемого ими понятия *удара, столкновения* (динамический признак), то глагол **теснить** является производным от прилагательного **тесный**¹ и, соответственно, передаёт своему деривату семантический признак **тесноты** (статический). Кроме того, из всех лексем рассматриваемой группы только глагол **тесниться** отмечается в источниках допетровской эпохи в искомых значе-

ниях: *тѣсниться* – ‘быть (жить) в тесном пространстве, в тесноте’, ‘толпиться’, ‘теснить, толкать друг друга’².

В семантической структуре современного глагола **тесниться** выделяются схожие ЛСВ, распадающиеся на категории действия и бытия-состояния. Как и у глагола **толпиться**, бытийная семантика здесь представлена двумя ЛСВ, один из которых совпадает у обоих лексем: *тесниться* – ‘стоять, располагаясь на небольшом пространстве, близко друг от друга, касаясь друг друга’ (БАС-1): *Часы показывают пять. В дверях Таня, за ней теснятся ещё несколько сотрудников* (Д. Гранин, Выбор цели). Во втором бытийном ЛСВ актуализируется дифференциальный признак, нехарактерный для ранее рассмотренных единиц, а именно признак **тесного помещения** – ‘размещаться в маленьком, тесном помещении; жить, работать в тесноте’ (МАС): *И дети, и приказчики теснились в своих помещениях, но верх дома занимал старик один* (Ф. Достоевский, Братья Карамазовы). В этом значении глагол **тесниться** синонимичен глаголу **ютиться** – ‘иметь пристанище, приют (преимущественно в тесном, небольшом помещении, в неудобных условиях)’ (МАС): *В будке сторожа вспыхивал огонёк. Она была тесна, грязна и неудобна, и в ней ютилась целая семья* (В. Короленко, С двух сторон).

Представленные в семантической структуре глагола **тесниться** ЛСВ движения соотносятся с семантикой его невозвратного коррелята, ср.: *тесниться* – ‘толкаться, прижимать друг друга в тесноте’, ‘отодвигаться, освобождая часть занимаемого места’, ‘оттесняя, толкая кого-либо, пробираться, продираться куда-либо; толпой в большом количестве устремляться куда-либо’ (БАС-1) и *теснить* – ‘придвигаясь близко, вплотную, толкать, заставляя отходить; оттеснять’ (БАС-1). Тем самым, имея ряд общих признаков с динамическими значениями ранее рассмотренных глаголов, данные ЛСВ глагола **тесниться** отличаются от них генетически.

¹ Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2. М.: Наука, 1985. С. 226.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29 / гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Наука, 2011. С. 323.

С точки зрения синтаксической сочетаемости первое бытийное значение глагола (‘стоять, располагаться на небольшом пространстве’) ограничено (как и у глагола *толпиться*) множественным типом субъекта, тогда как для второго бытийного значения, равно как и для динамических ЛСВ, этот признак не является дифференциальным.

Выводы. Глаголы *толкаться*, *толочься*, *толпиться* и *тесниться* являются идеографическими синонимами, важное свойство их семантики – «незаконченная дифференциация понятия», чем и обусловлена затруднительность их чёткого семантического разграничения [13, с. 180]. Семантический синкретизм в данном случае проявляется, во-первых, в том, что единственным интегральным признаком, объединяющим все ЛСВ всех четырёх глаголов, является признак ограниченного пространства, а во-вторых, в том, что их основные ЛСВ, базирующиеся на разных категориальных семах (движения и бытия-состояния), находятся в тесном диффузном контакте. При этом между ЛСВ, как правило, наблюдаются отношения производности, поэтому следует отнести их к полисемантам, а не к словам с обобщающим значением.

Заметим также, что на современном этапе истории русского языка данная лексическая парадигма представляется несколько избыточной, и можно усмотреть косвенные статистические свидетельства того, что впоследствии некоторые её элементы или специализируют свою семантику, или будут вытеснены. Так, в основном корпусе НКРЯ глагол *толкаться* встречается вдвое чаще глагола *толочься*, в аналогичном соотношении находятся и глаголы *толпиться* и *тесниться*. Для верификации данной гипотезы, тем не менее, требуется широкое корпусное исследование.

В Таблице 1 приведён обзор семантических признаков рассмотренных глаголов. Сначала представлены признаки, образующие их основные ЛСВ: интегральный пространственный признак (полужирный шрифт) и категориальные признаки движения и пребывания (прямой шрифт). Далее указаны дифференциальные признаки (курсив), позволяющие (до некоторой степени) разграничить более частные ЛСВ в рамках бытийного и динамического значений. Знаки «+», «–» и «(+）」 означают релевантность, нерелевантность или ограниченную релевантность признака для семантики глагола.

Таблица 1 / Table 1

Семантические признаки глаголов / Semantic features of the verbs

	Ограниченное пространство	Движение, перемещение	Пребывание («деятельное»)	Пребывание («статичное», в толпе)	Единичный субъект	Множественный субъект	Теснота, давка	Бесцельность, нежелательность	Тесное помещение	Скопление, собирание
ТОЛКАТЬСЯ	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
ТОЛОЧЬСЯ	+	+	+	–	+	+	+	+	–	–
ТОЛПИТЬСЯ	+	+	+	+	(+)	+	+	–	–	(+)
ТЕСНИТЬСЯ	+	(+)	(+)	+	(+)	+	+	–	+	–

Источник: составлено авторами.

Способы словарного описания глаголов с синкретичной семантикой

Лексико-семантическая специфика рассмотренных глаголов имеет важные последствия для лексикографической практики. Прежде всего она затрагивает две проблемы: разграничение ЛСВ и распределение между ними цитатного материала. Хорошей площадкой для выработки лексикографических решений является БАС-3. С одной стороны, в отличие от толковых словарей среднего и краткого типов, он почти не ограничен по объёму, что позволяет дробить семантику на большее количество ЛСВ. С другой стороны, в БАС-3 в изобилии включаются иллюстрации-цитаты, и лексикографам приходится отбирать те из них, где реализуются более или менее чётко выделяемые ЛСВ. В последнее время проблемы описания различных групп лексики в БАС-3 обсуждались неоднократно (см., например, [2; 10; 14]).

Дискретизация синкретичной семантики глаголов *толкаться*, *толочься*, *толпиться* и *тесниться* в БАС-3 предполагает выделение ЛСВ двух уровней дробности: 1) значения, базирующиеся на интегральной семе ограниченного пространства и одной из категориальных сем, и 2) оттенки, определяемые в рамках значений и базирующиеся на тех дифференциальных признаках, которые обеспечивают устойчивые и регулярные семантические переходы. Дифференциальные признаки, реализующиеся как потенциальные семы, наводимые контекстом при употреблении глагола в одном из двух основных значений, приводятся при этих значениях в скобках и верифицируются цитатами.

Так, у глаголов, мотивированных глаголами, структура описания соответствует схеме: семантика движения → семантика пребывания¹. У каждого из этих глаголов выделяются два значения: 1) 'ходить, двигаться на ограниченном пространстве' и 2) 'быть, находиться где-л., рядом с кем-

чем-л.'. В описании глагола *толпиться* также представлена эта схема, однако перед ней помещается бытийное значение 'составлять собой толпу, тесниться на ограниченном пространстве (о большом количестве людей)'. Отсылка к глаголу *тесниться* в толковании представляется уместной в силу его исторического первенства; кроме того, она подчёркивает признак тесноты, занимающий важное место в семантике определяемого слова. Наконец, в описании самого глагола *тесниться* представлены два бытийных значения: 1) 'стоять, располагаться на небольшом пространстве, близко друг от друга, касаясь друг друга', 2) 'размещаться в маленьком, тесном помещении; жить, работать в тесноте' – и группа значений движения, соотносимых с ЛСВ глагола *теснить* (см. выше).

Далее учитываются дифференциальные признаки. На их основе выделяются такие устойчивые оттенки значения, как, например: *толкаться* – 'ходить среди множества людей' (признак единичного субъекта), 'ходить бесцельно в разных направлениях' (признак бесцельности); *толочься* – 'беспорядочно двигаться, собравшись в кучу, толпу и т. п.' (признак беспорядка, тесноты, давки). Кроме того, оттенки выделяются при семантических сдвигах, вызванных изменением категориальной принадлежности субъекта: *толпиться* – 'быть расположенным, находиться где-л. в большом количестве (о домах, деревьях и т. п.)', *тесниться* – 'возникая в большом количестве, занимать, переполнять собою (о мыслях, чувствах и т. п.)'. Дифференциальные признаки, актуализация которых обуславливается контекстом, приводятся в скобках при основных значениях. Например: *толкаться* – 'быть, находиться где-л., рядом с кем-, чем-л. на протяжении некоторого времени (обычно без особого дела, серьёзной цели)'; *толочься* – 'быть, находиться где-л., рядом с кем-, чем-л. без определённого дела на протяжении некоторого времени (обычно с оттенком неодобрения)'.

Отдельной проблемой, характерной для БАС-3, является распределение иллюстративных примеров. Основные затруд-

¹ У глагола *толкаться* этой схеме предшествуют значения, соотносительные с невозвратным коррелятом *толкать* (см. выше).

нения возникают при отграничении ЛСВ пребывания от ЛСВ движения. Как правило, когда глаголы *толкаться* и *толочься* употребляются в бытийном значении, исходная семантика движения в них не исключается полностью, а только в большей или меньшей степени ослабляется. Ср.: [Ситников] *толчётся в Петербурге и, по его уверениям, продолжает «дело» Базарова* (И. Тургенев, *Отцы и дети*) и *Вернулся я вчера поздно. Но у Вики всё равно толклись подруги. И в квартире стоял их шум* (А. Хургин, *К морю*). В первом случае речь идёт о постоянном пребывании, «жительстве» Ситникова в Петербурге (глагол *толчётся* может быть заменён глаголом *живёт*, семантика движения почти полностью исключена), а во втором случае описывается текущая ситуация, предполагающая не только пребывание подруг в квартире, но и некоторую их шумную, беспорядочную деятельность (семантика движения ослаблена в меньшей степени). Ср. аналогичное соотношение в следующих цитатах: *Тридцать лет сряду Порфирий Владимирович толкался и мелькал в департаменте* (М. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлёвы*) и *Эту складную поговорку любил повторять колченогий Архип Уколов парнишкам, которые толкались около него, когда он сидел на своём крыльце и резал игрушки* (Ф. Гладков, *Повесть о детстве*). Несмотря на различия, эти и подобные им контексты реализуют (в той или иной степени) бытийную семантику глагола и поэтому должны быть приведены при описании его бытийного значения.

У глаголов *толпиться* и *тесниться*, наоборот, семантика движения в цитате часто затемнена основной бытийной семантикой. Чтобы диагностировать динамическое значение, приходится подбирать особый контекст, как правило, такой, в котором действие, выраженное глаголом *толпиться* или *тесниться*, совершается одновременно и во взаимосвязи с другим действием, напр.: [Гости] *толпились в передней, разбирая свои пальто и трости* (А. Чехов, *Ионыч*); *Бляя и теснясь, овцы лезли к колоде, проламывали мордочками*

тонкий ледок, пили (А. Н. Толстой, *Детство Никиты*); *У выхода, строясь, толпился взвод* (Ю. Бондарев, *Юность командиров*).

В результате предпринимаемых усилий лексикографам удаётся дать более или менее исчерпывающее описание синкретичной семантики рассматриваемых лексем. Безусловно, это описание характеризуется схематичностью, не типичной для континуальной структуры многозначности. Однако, с другой стороны, чётко выверенное, пусть и схематичное, описание позволяет интерпретировать группу близких глаголов как лексическую микросистему.

Заключение

Традиционные толковые словари представляют семантическую структуру слова как набор взаимосвязанных смысловых комплексов. Тем не менее в реальной речевой практике, помимо этих словарных единиц, присутствует масса промежуточных вариантов. Но должен ли словарь идти вслед за речью и дробить семантическую структуру слова на всё более мелкие элементы? Не рискует ли он в таком случае стать не словарём языка, описывающим его лексическую систему, а простым перечнем возможных словоупотреблений?

Несмотря на то, что развитие цифровых технологий открывает сегодня перед лексикографами новые возможности для решения давно известных словарных проблем, можно не сомневаться, что та или иная степень схематичности останется неизбежной при описании в словаре значений многозначного слова. Её диктует сама природа лексикографического описания.

Словарь является «текстом метасемантической природы», он представляет собой вторичную моделирующую систему, в которой по определённым (лексикографическим) правилам интерпретируется языковая и культурная информация [15, с. 264]. Говоря образно, словарь – это не зеркало, в котором отражается наш язык и наше языковое сознание, это, скорее, некая призма, через которую осуществляется отражение в языке так или иначе осмысливаемой нами

действительности. И, конечно, как любая призма, сквозь которую проходят лучи, словарь «преломляет» помещаемую в нём информацию под некоторым углом.

Применительно к описанию многозначности эта идея созвучна тезису А. А. Зализняка: «словарное представление значения многозначного слова не должно стремиться отразить то, в каком виде информация о многозначности хранится в

сознании говорящего, и то, как он ею пользуется» [6, с. 38]. Схематичность описания синкретичной семантики слова, присущая любому словарю, не должна ставиться ему в упрёк, а главными критериями качества словарного описания должны быть его системность и последовательность.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Ленинградский государственный университет, 1963. 208 с.
2. Воронцов Р. И. «Большой академический словарь русского языка» как зеркало экономических перемен: семантическая динамика слов с корнем *торг-* // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 167–180.
3. Генералова Е. В. «Соблазн» обобщающего значения // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии: материалы Всероссийской Академической школы-семинара. СПб.: Наука, 2005. С. 155–162.
4. Голев Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 5–32.
5. Еремин А. Н. О синкретизме в лексической семантике // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 3. С. 79–82.
6. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
7. Ибрагимова В. Л. Глагол в семантическом пространстве лексики // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 500–505.
8. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
9. Котелова Н. З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
10. Кругликова Л. Е. Изменения в гнезде бесприставочных слов с корнем *сын-* как отражение процессов, происходящих в лексико-семантической системе современного русского языка // Вестник Вологодского университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1. С. 76–83.
11. Кузнецов С. А. Категория предельности / неопределённости и её отражение в лексикографической практике // Лингвистические исследования 1978. Проблемы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики. М.: 6. и., 1978. С. 89–96.
12. Нечаева И. В. Оттенок значения как словарная единица в традиционной лексикографии // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*: сборник научных материалов. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 47–52.
13. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
14. Пурицкая Е. В. Некоторые особенности лексикографического описания сложных слов в словарях литературного языка конца XX – начала XXI вв. (лексика с компонентом *все-*) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2020 / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 141–148.
15. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии / пер. И. Ю. Доброхотовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. М.: Прогресс, 1983. С. 261–300.
16. Федюк П. С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 200–205.
17. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

REFERENCES

1. Amosova N. N. *Osnovy anglijskoj frazeologii* [Fundamentals of English Phraseology]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1963. 208 p.
2. Vorontsov R. I. [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Reflection of Economic Change: Semantic Dynamics of Words with the Root Torg-]. In: *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2020, no. 18, pp. 167–180.
3. Generalova E. V. [“Temptation” of General Meaning]. In: *Aktual'nye voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii: materialy Vserossijskoj Akademicheskoy shkoly-seminara* [Current Issues of Historical Lexicology and Lexicography: Materials of the All-Russian Academic School-Seminar]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 155–162.
4. Golev N. D. [Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova]. In: *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2021, no. 21, pp. 5–32.
5. Eremin A. N. [On the Syncretism in Lexical Semantics]. In: *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2020, vol. 81, no. 3, pp. 79–82.
6. Zaliznyak Anna A. *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian Semantics in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 640 p.
7. Ibragimova V. L. [A Verb in Semantic Field of Lexis]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2014, vol. 19, no. 2, pp. 500–505.
8. Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical Semantics: Russian Language in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 704 p.
9. Kotelova N. Z. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. 276 p.
10. Kruglikova L. E. [Changes in the Word Family of Unprefixed Words with the Root Сып-/Syp- as an Indicator of the Processes in the Lexical-Semantic System of the Modern Russian language]. In: *Vestnik Vologodskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology], 2023, no. 1, pp. 76–83.
11. Kuznetsov S. A. [The Category of Ultimacy / Unlimitability and Its Reflection in Lexicographic Practice]. In: *Lingvisticheskie issledovaniya 1978. Problemy leksikologii, leksikografii i prikladnoj lingvistiki* [Linguistic Research 1978. Problems of Lexicology, Lexicography and Applied Linguistics]. Moscow, 1978, p. 89–96.
12. Nechaeva I. V. [Shade of Meaning as a Lexical Unit in Traditional Lexicography]. In: *Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium: sbornik nauchnykh materialov* [Word and Dictionary. Vocabulum et vocabularium: Collection of Scientific Materials]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2017, pp. 47–52.
13. Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen Publ., 2007. 819 p.
14. Puritskaya E. V. [Some Features of the Lexicographic Description of Complex Words in Dictionaries of the Literary Language of the late 20th – early 21st Centuries (Lexicon with the Component all-)]. In: *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. 2020* [Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguistic Geography]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 2020, pp. 141–148.
15. Rey A., Delesalle S. Problems and Antinomies of Lexicography (Rus. ed.: Dobrohotova I. Yu., transl. *Problemy i antinomii leksikografii*). In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XIV. Problemy i metody leksikografii* [New in Foreign Linguistics. Vol. XIV. Problems and Methods of Lexicography]. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 261–300).
16. Fedjuk P. S. [Specificity of Defining Criteria of Lexical Units' Eurysemy]. In: *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 101, pp. 200–205.
17. Shmelyov D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Material of the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронцов Роман Игоревич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН;
e-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Дёмина Алиса Евгеньевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН;
e-mail: alise.djomina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman I. Vorontsov – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
e-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Alisa E. Demina – Cand. Sci. (Philology), Researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
e-mail: alise.djomina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронцов Р. И., Дёмина А. Е. *Толкаться, толпиться, тесниться*: описание глаголов с синкретичной семантикой в «Большом академическом словаре русского языка» // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-40-52

FOR CITATION

Vorontsov R. I., Demina A. E. To the Problem of Describing Verbs with Syncretic Meaning in the Great Academic Dictionary of the Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 40–52.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-40-52

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-53-60

ИМПЛИЦИТНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Годизова З. И.¹, Габисова Д. В.²¹Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, р-он Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1, Китайская Народная Республика

²Владикавказский институт управления

362025, г. Владикавказ, ул. Бородинская, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление условий возникновения имплицитных грамматических смыслов в тексте, описание конкретных случаев их выражения.

Процедура и методы исследования. Методом наблюдения выбраны примеры из Национального корпуса русского языка, в которых с помощью метода компонентного анализа выявлены имплицитные грамматические значения. Посредством метода классификации определены условия, в которых возникают имплицитные грамматические смыслы, описанные при помощи метода описания.

Результаты. Выявлены условия для создания имплицитной грамматической семантики: 1) случаи нейтрализации основного грамматического значения словоформы, 2) разнообразные типы транспозиции граммов, 3) ситуации преодоления парадигматических ограничений словоформ, 4) процессы лексикализации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ скрытых грамматических смыслов способствует более адекватному изучению системы современного русского языка, закономерностей функционирования элементов этой системы. Результаты исследования могут быть использованы в методике преподавания морфологии современного русского языка и в методике преподавания РКН.

Ключевые слова: грамматическое значение, имплицитный, конкуренция видов, лексикализация, транспозиция грамматических форм, частицы, эксплицитный

IMPLICIT GRAMMATICAL MEANINGS IN MODERN RUSSIAN

Z. Godizova¹, D. Gabisova²¹Shenzhen MSU-BIT University

I International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, 518172, Guangdong Province, China

²Vladikavkaz Institute of Management

ul. Borodinskaya 14, Vladikavkaz 362025, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of the study is to elicit the conditions for the implicit grammatical meanings in the text and to describe the specific cases of their expression.

Methodology. The observation method was applied to select examples from the National Corpus of the Russian language, while the component analysis method allowed us to elicit their implicit grammatical meanings. Due to the classification method conditions were defined when implicit grammatical meanings arise which in their turn were described by means of the description method.

Results. The conditions for the creation of implicit grammatical semantics are revealed: 1) cases of neutralization of the main grammatical meaning of a word form, 2) various types of grammemes transposition 3) overcoming paradigmatic limitations of word forms, 4) lexicalization processes.

Research implications. The study of hidden grammatical meanings contributes to more adequate research of the modern Russian language system as well as the pattern of the system elements functioning. The study results can be of use in teaching modern Russian language morphology and teaching methodology of the Russian as a second language.

Keywords: grammatical meaning, implicit, mode competition, lexicalization, transposition of grammatical forms, particles, explicit

Введение

Имплицитные грамматические значения вызывают значительный интерес в русистике последних десятилетий [1; 2; 5; 6; 7; 9; 14 и др.], хотя сама идея существования скрытой грамматики не является новой, её можно встретить уже в трудах А. А. Потебни [13], Б. Л. Уорфа [15], С. Д. Кацнельсона [10] и др.

Термин «имплицитный», обозначающий нечто подразумеваемое, выраженное скрыто, неявно, но от этого не являющееся менее важным, противопоставлен «эксплицитному», явно, отчётливо, определённо представленному. Актуализация интереса к имплицитным грамматическим смыслам связана прежде всего с тем, что становится интересным не только сам язык, но и всё, что вокруг него: человек, использующий язык, условия создания высказывания (и шире – текста), всё, что «обволакивает» само высказывание, в связи с чем активное развитие получили дискурсивные исследования. Само понятие «дискурс» является неоднозначным и используется в разных науках (в лингвистике, литературоведении, антропологии, этнографии, социологии, психолингвистике, социолингвистике). В наиболее общем виде оно может быть определено лаконичным выражением Н. Д. Арутюновой: «...речь, погружённая в жизнь»¹.

Следует отметить определённые достижения в области имплицитной морфологии. Вместе с тем многие вопросы, связанные с имплицитными грамматическими

значениями, остаются недостаточно изученными, требующими более пристального внимания. Представляется актуальным определение самого понятия имплицитного, языковых средств выражения скрытых смыслов, механизма их извлечения.

Для распознавания и понимания имплицитных смыслов высказывания необходимы более широкий подход к языку и к его единицам, знания, выходящие за пределы конкретного высказывания, общий фонд знаний участников речевого акта. Эти имплицитные грамматические значения представляют трудности не только для иностранных студентов, но и для носителей русского языка, в чём мы имели возможность убедиться в процессе преподавания дисциплины «Морфология современного русского языка» студентам-филологам, обучающимся по профилю «Русский язык и литература». Поэтому в процессе преподавания данной дисциплины необходимо сформировать у студентов понятия об имплицитной морфологии, об имплицитных грамматических значениях, о способах понимания этих значений и языковых средствах их выражения.

Объём понятия «имплицитная грамматическая семантика» определяется учёными неоднозначно. Можно утверждать несомненно, что, хотя имплицитные смыслы не выражены отчётливо, установить их наличие можно на основании эксплицитных языковых средств [4].

Точное их прочтение и понимание возможно благодаря контексту, фоновым, прагматическим знаниям, дополнительным мыслительным усилиям и, если речь

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

идёт об иностранных студентах, хорошему знанию русского языка.

Следует уточнить, какие же дополнительные мыслительные операции необходимо осуществить человеку, воспринимающему высказывание или текст. С точки зрения некоторых учёных, к ним относятся: «а) восстановление лакун в представлении какого-либо уровня (например, неполноту синтаксических структур), б) извлечение дополнительной информации с учётом контекста, фоновых и прагматических знаний, в) отграничение замысла говорящего от других интерпретаций (отбрасывание неверных пониманий), г) определение не реализованных в данном тексте потенциалов высказывания (выявление заднего смысла)» [9, с. 19].

Цель нашего исследования – выявление условий возникновения имплицитных грамматических смыслов в тексте и описание конкретных случаев выражения скрытой грамматической семантики.

В процессе исследования использованы методы наблюдения, описания, классификации, компонентного анализа.

В каких же случаях возникают имплицитные грамматические значения, какие языковые средства позволяют их распознать и интерпретировать? Можно выявить некоторые характерные условия проявления имплицитной грамматической семантики.

Нейтрализация основных грамматических значений

Прежде всего это случаи нейтрализации основного значения грамматической формы. Например, конкуренция видов, точнее, конкуренция частных видовых значений, когда, несмотря на чёткую противопоставленность совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов, существуют контексты, в которых одинаково возможно употребление обоих видов, хотя и с определёнными оттенками:

– конкуренция конкретно-фактического и обобщённо-фактического частных видовых значений:

«– А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку *целовали* (ср. *поцеловали*. – З. Г., Д. Г.), а я у вас нет»¹.

«А что, кстати, *не просила* ещё она у тебя портрета? – Нет, ещё *не просила*; да, может быть, и никогда *не попросит*»².

Выбор того или иного вида в подобных контекстах не случаен: НСВ в обобщённо-фактическом значении в данных высказываниях уместнее, поскольку содержит общее указание на действие, в отличие от конкретизации единичного факта (*поцеловали*, *не попросила*). Эти тонкие нюансы нужно чувствовать, чтобы выбрать оптимальный для данного контекста вид, а следовательно, способ представления действия.

– конкуренция наглядно-примерного значения СВ и неограниченно-кратного значения НСВ:

«Потом *отведёт* (=отводит. – З. Г., Д. Г.) глаза, потом *опять посмотрит* (=смотрит. – З. Г., Д. Г.) и вдруг стал мне улыбаться. Я повернулся и ушёл»³.

– конкуренция потенциального значения СВ и потенциально-качественного значения НСВ:

«Видно, *так уж бывает* на свете; видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни *обращаются* (=обратятся. – З. Г., Д. Г.) в поэтов; но слово “поэт” будет уже слишком»⁴.

– конкуренция суммарного значения СВ и ограниченно-кратного значения НСВ:

«Она несколько раз *выгнала* (=выгоняла. – З. Г., Д. Г.) его, потом выскочила на порог»⁵.

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.09.2023).

² Достоевский Ф. М. Идиот // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.09.2023).

³ Достоевский Ф. М. Подросток // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁴ Гоголь Н. В. Мёртвые души // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁵ Бунин И. А. Худая трава // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

Конкуренция видов возможна вследствие возникновения в тексте известных вариантов в представлении характера протекания действия во времени, соответственно, в выражении общего смысла высказывания.

Транспозиция грамматических форм глагола

Русский глагол чрезвычайно богат переносными употреблениями грамматической формы (переносное функционирование форм времени, наклонения, лица, числа глагола), возможными благодаря способности граммемы выражать значение другой граммемы в определённом контексте. Такие случаи функционирования грамматических форм являются яркими, экспрессивными, но при этом порой и сложными для распознавания не только для иностранных учащихся, изучающих русский язык, но и для носителей русского языка.

Например, настоящее время в роли будущего:

«...Что я Гаврилу Ардалионовича люблю и бегу с ним *завтра* же из дому! – набросилась на неё Аглая. – Слышали вы?»¹.

Очень распространённой разновидностью транспозиции настоящего времени является настоящее историческое, позволяющее приблизить план прошедшего, «оживить» его, сделать изображаемую картину событий более наглядной, как бы разворачивающейся на наших глазах:

«*Прибегает* к князю Андрею *однажды* рабочий с паромом и *докладывает*, что на той стороне реки губернатор. Князь и *говорит*: – Ну так что же из этого?»².

Функционирование императива часто встречается в значении конъюнктива:

«– Где спрос, там и рынок; *не спроси* (=не спросили бы. – З. Г., Д. Г.) вы, – за сорок копеек не продал бы»³.

«– Только слава что сукно, а *подуй* ветер, так разлетится»⁴.

Императив в тексте может выступать в роли индикатива и выражать модальность реального действия:

«Только вся штука в том, что тут и *подвернись* (=подвернулся. – З. Г., Д. Г.) господин Чебаров, надворный советник и деловой человек»⁵.

«– Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колёса; а ты за него *отвечай* (= должен отвечать. – З. Г., Д. Г.)»⁶.

Преодоление парадигматических ограничений грамматических форм

В конкретных контекстах возможно преодоление парадигматических ограничений грамматических форм (например, способность инфинитива или причастий выражать различные модальные значения, способность настоящего времени выражать целостность действия, достижение им внутреннего предела). В этом случае тоже выражаются имплицитные смыслы. К примеру, формы индикатива, которые выражают реальную модальность, в тексте способны преодолевать свою парадигматическую ограниченность, представляя различные оттенки ирреальной модальности за счёт взаимодействия категории наклонения с видом и временем. Так происходит преодоление парадигматической ограниченности индикатива. Чаще всего осложняются модальными оттенками формы будущего простого:

«Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздражённая, и *оборвёт*... (=может оборвать. – З. Г., Д. Г.)»⁷.

корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁴ Гоголь Н. В. Шинель // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

¹ Достоевский Ф. М. Идиот // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

² Куприн И. А. Картина // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

³ Достоевский Ф. М. Подросток // Национальный

«– Ведь он никого не любит; может, и *никогда не полюбит*, – отрезал Разумихин. – То есть *не способен полюбить?*»¹.

Формы настоящего времени, функционируя в тексте, тоже способны к выражению модальных значений:

«За нищету даже и не палкой *выгоняют*, а метлой *выметают* (=следует выгонять, выметать. – З. Г., Д. Г.) из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя»².

Формы причастий и инфинитива, лишённые категории наклонения, в контексте способны выражать модальную семантику:

«Нужен был документ, *пресекающий* (=который пресекал бы. – З. Г., Д. Г.) догадки о насильственной смерти Анны, но не упоминающий о рождении ещё одного ребёнка»³.

Инфинитив склонен к выражению различных модальных оттенков в тексте:

– желательности:

«Ожили в воспоминаниях картины, над которыми мечталось в детстве... *Проплыть* (=хочется проплыть. – З. Г., Д. Г.) мимо мыса Бурь, *посидеть*, пригорюнясь, на камешке у реки Замбези...»⁴.

– возможности-невозможности:

«Как *не накормить* голодного человека!»⁵.

Процессы лексикализации грамматических форм

Имплицитные значения возникают в случае лексикализации грамматической формы. В языках постоянно происходят процессы грамматикализации и лексикализации. Теория грамматикализации является в настоящее время одним из приоритетных направлений в русистике, объясняющим механизм формирования грамматических систем в различных языках, а также обратный процесс – утрату грамматическими формами их статуса носителей грамматических значений, т. е. процесс лексикализации [8; 11; 12 и др.]. Например, словоформы числа существительных становятся способны не только к выражению различий по числу (единичность-множественность), но и к выражению лексических оттенков значения. Именно на этом основании грамматическая категория числа рассматривается некоторыми учёными как категория классифицирующая, а не словоизменяющая.

Процесс лексикализации можно проиллюстрировать в русском языке на примере перфекта, который в качестве грамматической формы утратился, но двойственная временная семантика осталась и выражается различными языковыми средствами, в особенности краткими и полными причастиями, обозначающими действия, завершающиеся в силу особенностей лексического значения состоянием:

«– Ваша книга, которую я брал у вас на медни, – значительно кивнул он на *принесённую* им и *лежавшую* на столе книгу; – благодарен»⁶.

Перфектное значение может выражаться и личными формами глагола: в СВ это значение обычно обусловлено лексическим значением глагола (*покраснел* – красный, *постарел* – старый, *промок* – мокрый), а в НСВ – это в большей степени перфект опыта: «Всё-таки он многое *видел*, образован»⁷.

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

² Там же.

³ Левин Л. Антон Ульрих – персона известная? // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁴ Толстой А. Н. Гадюка // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁵ Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁶ Достоевский Ф. М. Идиот // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

⁷ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (даты обращения: 11.09.2023).

Частицы

Носителями скрытых смыслов (пре-суппозиций) часто выступают частицы, выражающие различные семантические оттенки, например, в высказывании «*Даже* первоклассники меня поняли» содержатся две пресуппозиции: А) были и другие; Б) от первоклассников труднее всего было ожидать, что они поймут.

Часто в выражении скрытой семантики вместе с частицами участвует и интонация, например:

Ещё / сахару? (=сахар уже брали. – З. Г., Д. Г.).

Ещё сахару? (=брали, но не сахар. – З. Г., Д. Г.).

Заключение

Таким образом, в русском языке существуют разнообразные случаи выражения имплицитной грамматической семантики, вызывающие определённые трудности её распознавания и истолкования. Скрытые смыслы в тексте возникают в случае нейтрализации грамматического значения словоформ, при разнообразных типах транспозиции грамматических форм, при преодолении парадигматических ограничений словоформ, могут проявляться у словоформ, подвергшихся процессу лексикализации. К выражению имплицитных смыслов высказывания склонны и некоторые части речи, например частицы, выражающие различные смысловые оттенки значений.

Необходимо учитывать скрытую грамматическую семантику в процессе преподавания курса морфологии современного русского языка, специально обращая на неё внимание студентов, чтобы сформировать у них понятие имплицитного, а также умения и навыки распознавания скрытых грамматических значений. Особенно это актуально в практике преподавания русского языка как иностранного. Изучение скрытых грамматических значений необходимо не только для практических целей, но и для более адекватного изучения системы современного русского языка, закономерностей функционирования элементов этой системы.

Существование имплицитной (имплицитивной) тенденции можно объяснить тем, что текст – это генератор смыслов, различающихся по степени отчётливости проявления. Очевидно, сказывается и влияние тенденции к экономии языковых средств, стремление к краткости и лаконичности. Ш. Балли отмечал, что «если бы мы каждый раз должны были выражать свои мысли во всей полноте и с указанием всех существующих между ними взаимосвязей, то речевое общение между людьми стало бы невозможным. Человеческий ум постоянно стремится к замене громоздких скоплений речевых фактов более краткими лингвистическими символами» [3, с. 321].

Статья поступила в редакцию 10.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникеева И. Г., Балашова И. В. Передача имплицитной информации в переводе публицистического текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 182–189.
2. Байдавлетов А. Ю. Имплицитность как объект лингвистических исследований // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 1156–1162.
3. Балли Ш. Французская стилистика / пер. К. А. Долинина. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
4. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
5. Бондарко А. В. Эксплицитность / имплицитность в общей системе категоризации семантики // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: материалы международной научной конференции, Калининград-Светлогорск, 15–17 сентября 2005 г. / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград: Российский государственный университет имени И. Канта, 2006. С. 22–33.
6. Видинеева Н. Ю. Языковые средства выражения имплицитности Brexit // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 64–75.

7. Галазов Э. Ю. ИмPLICITные грамматические значения глагола в методике преподавания современного русского языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2019. Вып. 4. С. 103–109.
8. Годизова З. И., Галазов Э. Ю. Системно-функциональные взаимосвязи категорий числа и рода с глагольными грамматическими категориями // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 35–46.
9. ИмPLICITность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. 200 с.
10. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2011. 116 с.
11. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
12. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 4. Вып. 2: Глагол. М.: Просвещение, 1977. 320 с.
14. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского языка. Нежин: Гидромакс, 2010. 183 с.
15. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 114–152.

REFERENCES

1. Anikeeva I. G., Balashova I. V. [Transfer of Implicit Information in Translation of Publicistic Text]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2020, no. 2 (65), pp. 182–189.
2. Baidavletov A. Yu. [Implicitness as an Object of Linguistic Study]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University], 2018, vol. 23, no. 4, pp. 1156–1162.
3. Bally Sh. *Traité de stylistique française* (Rus. ed.: Dolinin K. A., transl. *Francuzskaya stilistika*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1961. 394 p.
4. Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Type and Tense of the Russian Verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 239 p.
5. Bondarko A. B. [Explicitness / Implicitness in the General System of Categorization of Semantics]. In: *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplicitnost' / implicitnost' vyrazheniya smyslov: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, 15–17 sentyabrya 2005 g., Kaliningrad-Svetlogorsk* [Semantic-Discursive Studies of Language: Explicitness / Implicitness of the Expression of Meanings: Materials of the International Scientific Conference, Kaliningrad-Svetlogorsk, September 15–17, 2005]. Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University Publ., 2006, pp. 22–33.
6. Vidineeva N. Yu. [Implicit Linguistic Means in the Genre of Blogs on Brexit]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, no. 5 (77), pp. 64–75.
7. Galazov E. Yu. [Implicit Grammatical Meanings of the Verb in the Methods of Teaching the Modern Russian Language]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov], 2019, vol. 4, pp. 103–109.
8. Godizova Z. I., Galazov E. Yu. [Systemic-Functional Relations of Grammatical Categories of Number and Gender with other Verbal Grammatical Categories]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 35–46.
9. Borisova E. G., Martem'yanov Yu. S., eds. *Implicitnost' v yazyke i rechi* [Implicitness in Language and Speech]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 200 p.
10. Katsnel'son S. D. *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie* [Content of the Word, Meaning and Designation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 116 p.
11. Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical Semantics: Russian Language in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 704 p.
12. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011. 672 p.

13. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 4. Vyp. 2: Glagol* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 4. Iss. 2: Verb]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 320 p.
14. Sokolov O. M. *Implicitnaya morfologiya russkogo yazyka* [Implicit Morphology of the Russian Language]. Nezhin, Gidromaks Publ., 2010. 183 p.
15. Whorf B. L. [Grammatical Categories]. In: *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Systems]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 114–152.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Годизова Зара Иосифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне;
e-mail: godizovazi@rambler.ru

Габисова Дзерасса Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления, информационных технологий и гуманитарных дисциплин Владикавказского института управления;
e-mail: dove74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zara I. Godizova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof. Department of Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University;
e-mail: godizovazi@rambler.ru

Dzerassa V. Gabisova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof. Department of Management, IT and Humanities, Vladikavkaz Institute of Management;
e-mail: dove74@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Годизова З. И., Габисова Д. В. Имплицитные грамматические значения в современном русском языке // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 53–60.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-53-60

FOR CITATION

Godizova Z. I., Gabisova D. V. Implicit Grammatical Meanings in Modern Russian. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 53–60.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-53-60

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-61-68

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЕ НАЧАЛА КОНЦЕПТА *ВЕРА* КАК ДОМИНАНТЫ МАКРОПОЛЯ «ЦЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Колесникова С. М., Тянь Мэнчжу

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить семантическую доминанту макрополя «Ценность» в определении смыслообразующих начал универсального концепта *ВЕРА* в русской лингвокультуре.

Процедура и методы. Исследование концепта *ВЕРА* опирается на использование следующих методов: семный анализ применяется для вычленения смысловых компонентов рассматриваемой языковой единицы; интерпретационный метод используется в ходе описания словарных дефиниций; этимологический анализ слова и компонентный анализ – для определения генетических сем.

Результат. Определение концепта *ВЕРА* как доминанты макрополя «Ценность» в русской лингвокультуре, а также установление основных качественно-характеризующих смыслообразующих компонентов значения лексемы *вера*.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в развитие функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, лингвистической семантики, лексикографии. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курсов «Современный русский язык» (при чтении раздела «Лексикология»), «Семантика текста», «Филологический анализ текста», «Лингвистический анализ текста», «Лингвокультурология», при чтении спецкурсов и семинаров, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, макрополе, смыслообразующие начала, ценность

MEANING-FORMING ELEMENTS OF THE CONCEPT FAITH AS DOMINANTS OF THE MACROFIELD “VALUE” IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

S. Kolesnikova, Tian Mengzhu

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1.1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the semantic dominant of the macrofield “Value” and to determine the meaning-forming principles of the universal concept *faith* in Russian linguistic culture.

Methodology. The study of the “faith” concept is based on the use of the following methods: semic analysis to reveal the meaning components of the unit under study, the method of interpretation to describe the dictionary definitions, etymological analysis of a word and component analysis to identify the genetic semes.

Results. The work presents the definition of the concept “faith” as the dominant of “value” macrofield in Russian linguistic culture, as well as the establishment of the main qualitatively characterizing semantic components of the meaning of the “faith” lexeme.

Research implications. The work contributes to the development of functional grammar, cognitive linguistics, linguistic semantics, lexicography. The results of the study can be used in the practice of teaching the courses “Modern Russian Language” (in “Lexicology” section), “Semantics of the Text”, “Philological Text Analysis”, “Linguistic Text Analysis”, “Cultural Linguistics”, when conducting special courses and seminars, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: concept, linguistic culture, macrofield, meaning-forming principles, value

Введение

Термин *концепт* не является новым. Он появился в эпоху средневекового концептуализма. Основоположниками данного направления выступают Т. Гоббс, П. Абеляр, У. Оккам и другие [7, с. 128]. Понятие *концепт* относится к числу активно разрабатываемых объектов в современной науке и широко применяется в различных научных дисциплинах, что приводит к его неоднозначному толкованию. В современной лингвистике существует два подхода к пониманию концепта: *лингвокогнитивный* (Н. Д. Арутюнова, 1988; В. З. Демьянков, 1994; А. В. Кравченко, 1996; Е. С. Кубрякова, 1999; И. А. Стернин, 2001; З. Д. Попова, 2001; В. А. Маслова, 2001; Е. Г. Беляевская, 2012; Н. Н. Болдырев, 2012; Л. В. Баина, 2012 и др.)¹ и *лингвокультурологический* (Ю. С. Степанов, 1993; А. Вежбицкая, 1999; В. И. Карасик, 2005; С. Г. Воркачëв, 2011 и др.)². Данные подходы не являются взаимоисключающими, а, наоборот, выступают взаимодополняющими, подчёркивающими разные стороны концепта: «*лингвокогнитивный концепт* – это направление от индивидуального сознания к культуре, а *лингвокультурный концепт* – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [11, с. 37]. В исследовании рассматривается *концепт* с опорой на принцип антропоцентризма в лингвокультурологическом и социолинг-

вистическом аспектах с демонстрацией его условности, т. к. данное понятие является прототипической единицей и универсальной понятийной категорией³, состоящий из *ядра* и *периферии*: *ядро* содержит наиболее значимые языковые ассоциации, «первичные наиболее яркие образы»; *периферия* – менее значимые, «более абстрактные признаки»⁴.

Понятие «Ценность» в русской лингвокультуре

Язык не только является способом выражения мыслей, средством общения, но и обеспечивает существование и развитие всех форм проявления культуры, является показателем уровня развития общества, уникальным средством оформления, хранения и передачи культурного наследия, а также созданием новых культурных ценностей: «Разнообразие языков, присущих различным культурам, позволяет каждому народу уникальным способом выражать не только свой исторический опыт, но и общечеловеческие ценности и смыслы» [4, с. 71]. В русской лингвокультуре «ценность» – это то, что *важно* и *очень значимо* для каждого человека в различных сферах бытия (бытовой, социальной, профессиональной, финансовой, культурной и др.), прежде всего в морально-нравственном отношении.

Понятие *ценность* рассматривается учёными разных сфер: философии (Б. В. Орлов, В. Виндельбанд, М. С. Каган, Г. Риккерт и др.), социологии (А. С. Ахиезер, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.), культурологии (А. Г. Здравомыслов, И. Л. Галинская, Б. Л. Губман, В. А. Шестаков, В. Ю. Нешатаева и др.), педагогики (И. Ф. Исаев, Б. Т. Лихачёв, Г. И. Чижакова, Е. Н. Шиянов, С. И. Маслов и др.), психологии (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, А. Маслоу, А. В. Афанасьев и др.), филологии (Е. В. Бабаева, Г. Г. Слышкин, И. А. Андреева, Е. Ф. Серебряникова, В. И. Карасик и др.).

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 378 с.; Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33; Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН – СЛЯ. 1996. № 3. С. 3–24; Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Вып. 2. Тамбов, 2001. С. 69–75; Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.; Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2001. 293 с.

² См.: Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.; Карасик В. И. Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 347 с.; Воркачëв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

³ Ср.: Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 10.

⁴ Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 10.

Понятие *ценность* характеризуется многоаспектностью: не только включает качественно-оценочную и «финансовую» составляющую предмета, но и подчёркивает степень его важности и значимости с точки зрения необходимости / нужности для того или иного предмета (объекта), см.: «**цена** – укр. ціна, др.-русс. цѣна, ст.-слав. цѣна, ... болг. цена, сербохорв. цијена, вин.п. цијену, словен. сепа, чеш. сепа, польск. сепа, др.-польск. сапа ... // Праслав. Сена родственно лит. kaina «цена, польза», kaina – то же, ruskainiu – “за полцены”, авест. kaēna – “возмездие, мечь, наказание”, греч. “покаяние, возмещение, наказание”, далее греч. ... “совершаю покаяние”, ... “оценка, почёт, цена”, ирл. síп м. “вина, долг” ...¹ Философская энциклопедия, Большой Энциклопедический словарь и Большая психологическая энциклопедия позволяют установить ядерные смыслообразующие начала универсального понятия *ценность* в русской лингвокультуре: *важность, цена, достоинство, значение, значимость, самооценност, сверхценност, преимущество*². Например: *Командиру оставалось лишь определять её важност в сравнении с другими...*³; *А нефть у нас уже есть, и она нас худо-бедно кормит. Другое дело – газ. У нас 32 процента мировых запасов. На некоторых месторождения цена добычи составляет 144 рубля за 1000 кубометров*⁴; Несомненно, главным *достоинством* книги является то, что она чрезвычайно практична⁵;

Важное значение имеет для нас выполнение поставленной главами наших государств задачи превращения Каспийского региона в регион мира, дружбы и добрососедства⁶; Она подвела итоги первого этапа исследования и выявила психологические проблемы подросткового возраста, показала их *значимость* для формирования личности ребёнка, для его взросления⁷; Роль искусства в том, что оно порождает неутилитарную *самоценност* творчества, без чего формирование логики невозможно⁸; В это время московская земля будет представлять собой не *сверхценност*, как сегодня, а станет буквально «золотой»⁹; У Мякова есть *преимущества* перед остальными – он настолько самоироничен, что невозможно его смутить и задеть¹⁰.

Связующими универсальными концептами «в мировой антропоцентрической системе «ЧЕЛОВЕК – МИР» выступают концепты ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ, ЖИЗНЬ, ВЕРА и др. [4; 5; 6; 10; 11; 12], во многом схожие в поликультурной интерпретации, уникальность и специфика которых «проявляются в фольклоре и народных традициях» [ср.: 11]: «данные понятия с раннего детства формируют в ЧЕЛОВЕКЕ основы морально-нравственного, этического воспитания, общего и эстетического образования, культуры (от культуры быта, традиции и ценностей до общей и мировой культуры)» [8, с. 19].

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. Б. А. Ларина, пер. с нем., доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. С. 298.

² Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: более 5000 психологических терминов и понятий. М.: Эксмо, 2007. 542 с.; Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия; СПб.: Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.

³ Фаличев О. Мечь «Фаворита» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁴ Блант М. Система ценностей и ценность системы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁵ Людвиг П. Победы прокрастинацию! // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ Лавров С. В. Встреча министров иностранных дел прикаспийских государств // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁷ Боцманова М. Э. Р. Д. Триггер // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁸ Ахизер А. Как мысль в усложняющемся и опасном мире? // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁹ Москва по вертикали // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁰ Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

Концепт ВЕРА как доминанта макрополя «Ценность»

Макрополе «Ценность» включает два образных компонента, образующих ядерную зону концептуального поля, – «материальное» и «духовно-интеллектуальное», содержащие наиболее (ядро) или наименее (периферия) значимые языковые ассоциации, «первичные наиболее яркие образы» или более абстрактные понятия. Периферию концептуального макрополя «Ценность» создают понятия с оттенком субъективного отношения отдельно взятого человека к окружающему. Концептуальное поле «Ценность», сформированное у определённой группы людей, имплицитно представляет «личностные» ориентиры, например: для религиозного человека *ценностями* являются «Бог», «религия», «вера», «красота», «скромность» (плавный переход от ядра к периферии; ядерная зона достаточно обширная – «Бог», «религия», «вера»), а для другого – на периферии концептуального поля «Ценность» будут понятия «наука», «открытие», «польза» и др. Однако и у того, и у другого общее понятие, которое входит в концепт «Ценность», – это «успех», «богатство», «служение»; условная ситуация существования концептуального макрополя «Ценность» возможна и для разных социальных групп, и для разных поколений людей, ср.: ценное и актуальное для молодёжи 2020 гг. будет менее ценным для людей 2030 гг. или было менее ценным для людей 1990 гг., поэтому ценности общества изменчивы; для большинства людей всегда будет важна социальная атмосфера, коммуникация, т. к. человек живёт в обществе.

Антропоцентрическая парадигма и социолингвистический компонент полевой организации концепта «Ценность» позволяет условно определить его **ядро и периферию**: для любого социально адаптированного индивида ценностью являются «родина», «семья» и «вера». Если общество религиозно, то *ценностными* ориентирами выступают и теоцентрические понятия «Бог», «святость», «любовь», «служение» и «милосердие». Если

общество атеистично, то *ценностями* становятся «жизнь», «интеллект», «патриотизм», «свобода», «справедливость», «процветание», «успех», «счастье».

Концепт ВЕРА, доминанта макрополя «Ценность» русской лингвокультуры, с одной стороны, многоаспектно представлен в современной научной парадигме [1; 2], с другой – его значимость и ценность в жизни русского человека чрезвычайно высока в настоящее время, т. к. смыслообразующие понятия его концептуального поля отражают сложную систему духовно-нравственных начал и морально-этических измерений в картине мира и внутренней жизни той или иной личности, ср.: «**вера** – укр. *віра*, др.-русс., ст.-слав. **вѣра**, болг. *вяра*, сербохорв. *vjěra*, словен. *vera*, чеш. *víra*, польск. *wiara* *wjęra* // Родственно авест. *var* – “верить”, осет. *urnyn* “верить”, см. Мейе, Et. 169. Далее, вероятно, сюда же д.-в.-н. *wağa* ж. “правда, верность, милость”, др.-исл. *var* “обет, торжественное обещание”, д.-в.-н. *war* “правдивый, верный”, др.-ирл. *fir* “правдивый, истинный”, лат. *verus* “истинный, правдивый”, гот. *tuzwerjan* “сомневаться”, *unzwerjan* “досадовать”¹. Например: *За веру, верность и «Верность», за всё ваше кино, за то, что вы сделали для нас, за вашу нескончаемую любовь, за то, что вы есть*²; *Можно верить и в отсутствие веры, можно делать и отсутствие дела...*³; *В их глазах и вера, и любовь, и надежда – я не могу устоять*⁴.

Концепт ВЕРА сложен для описания, т. к. в основном признаке, в «активном» слое, концепт актуально существует для всех пользующихся русским языком, языком русской культуры, как средством взаимопонимания и общения [3]. См.: *Какое великое торжество народа, обновлённого истинной верой,*

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. Б. А. Ларина; пер. с нем. О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. С. 292–293.

² Весенний призыв // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

³ Запись LiveJournal // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁴ Волков А. Одеться с иголки и без ниточки // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

видится вперёд просвещённому богослову¹; Но что такие публикации не только не подрывают доверия к институционализированной науке, а только укрепляют веру в торжество знания, можно не сомневаться².

Смыслообразующие начала концепта ВЕРА в русском языке: лексикографическое описание

В русской лингвокультуре лексикографические источники «позволяют установить ядерные смыслообразующие начала универсального понятия» [7, с. 55]. Так, в Толковом словаре русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова) лексема **вера** имеет следующие значения: «*веры*, жен. – 1. **Состояние** сознания верующего, **религия** (книжн.). “Лишь вера в тишине отрадою своей живит унывший дух и сердца ожиданье.” Пушкин. Вера в бога. // То или иное религиозное учение, верование. Христианская вера. Человек иной веры. // перен. Мировоззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве (книжн. шутол.). Он изменил канттианской вере и стал гегельянцем. 2. **Убеждение** в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью. Вера в чёрта. Вера в загробную жизнь. Вера в научную гипотезу. // **Твёрдое убеждение** в непременно осуществлении, неизбежности чего-нибудь предстоящего (книжн.). Вера в мировую революцию. “Мы полны твёрдой веры в правоту нашего дела, твёрдой веры в неминуемую победу всемирной советской власти”. Ленин. **Уверенность** в исполнении возлагаемых на кого-нибудь надежд, ожиданий (книжн.). Вера в самого себя. “За римским разрывом шло христианство, за христианством – вера в цивилизацию, в человечество.” Герцен. 3 **Доверие** (офиц. устар.). Торговля держится на вере. Товарищество на вере. * **Принять на веру** – признать что-нибудь истинным, не требуя

доказательств. **Дать, придать веру чему** (устар.) – чему-нибудь поверить, признать истинным что-нибудь сообщённое. **Дать на веру кому что** (устар.) – одолжить кому-нибудь без законных гарантий возраста, на честное слово³.

Следует отметить, что определение **веры** как ‘веры в Бога’ даётся как одно из основных для этого слова. Ср.: в Словаре русского языка (под ред. А. П. Евгеньевой) выделяются те же значения, но в иной иерархии (выделения в тексте наши. – С. К.): 1. **‘Твёрдая убежденность**, уверенность в чём-либо, в исполнении чего-либо; 2. **Состояние сознания**, связанное с признанием существования бога, убеждения в реальном существовании **чего-либо сверхъестественного...** // То или иное **религиозное учение; религия**; 3. Устар. и разг. **Доверие**. ... ***Символ веры; Верой и правдой** (служить) (устар.) – **честно, преданно**. На веру (принимать, брать и т. д.) – **полностью доверяя**, не требуя доказательств⁴.

В толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой данная дефиниция представлена несколько иначе: **вера** – ‘1. а) **признание** чего-л. истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; б) **убеждение** в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью; в) **твёрдое убеждение** в непременно осуществлении, неизбежности чего-л. предстоящего. 2. а) **Состояние** сознания верующего; **религия**; б) **определённое религиозное учение, вероисповедание**; в) **перен. Направление** в общественной жизни, науке, искусстве⁵. Например: Когда в былые дни печали у нас клонилась голова, какою **верою** звучали твои будящие слова⁶; Он сохранил и блеск лазурных глаз, и звонкий детский

¹ Смирнов С. Конец серебряного века // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

² Филиппов А. Участие эксперта // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

³ Вера // Словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/4432-VERA> (дата обращения: 03.01.2022).

⁴ Вера // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. С. 149.

⁵ Вера // Новый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/vera.html> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ Бедный Д. Работнице // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

смех, и речь живую, и **веру** гордую в людей и жизнь иную¹; Меж горцев пленник наблюдал их **веру**, нравы, воспитанье²; Фидеизм есть учение, ставящее **веру** на место знания или вообще отводящее известное значение вере³.

Данные дефиниции не отражают в полной мере всех оттенков концепта ВЕРА. Для выявления дополнительных смыслов представим синонимический ряд; лексема **вера** является его доминантой: **ВЕРА** – вероисповедание, закон, исповедание, религия, верованье, убеждение, правоверие, православие, ересь, доверие, кредит, уверенность [9]. Ср.: Шнейдер же, несмотря на фамилию и **вероисповедание**, парень наш⁴; Сомневался ещё и потому, что определить **вероисповедание** умершего было невозможно⁵; Мы верим в Церковь как в мистическое тело Христово; мы знаем Церковь так же, как собрание верующих того или другого **исповедания**⁶; Да будет она царствующей и господствующей в России, а не уравненной с иноверными **исповеданиями** и неверными...⁷; Я нашла подходящий момент и начала разговор в непринуждённой форме о **религии** и его отношении⁸; Древнеевропейцы выработали общую терминологию в области сельского хозяйства, социальных отношений и **религии**⁹; – Но у вас-то какие-нибудь **верованья**

есть?¹⁰; Фатальным людям настоящего закла не следует выказывать подобные **верованья**: они должны внушать их другим...¹¹; Его **правоверие** возбуждало в последнее время всё большее и большее сомнение¹²; Тогда ограничились тем, что подчеркнули в преамбуле к документу особую роль **православия** в истории России¹³; Смертельно опасна эта **ересь** только для богословских заинтересованных людей¹⁴; **Доверие** к учёному – не столько личное **доверие** к человеку, сколько **доверие** к стоящей за ним системе¹⁵; **Кредит доверия** – на сегодняшний день лучшая валюта¹⁶; Через год я уже с **уверенностью** могла сказать, что я любила Рому¹⁷.

Заключение

На основании анализа словарных дефиниций выделяются следующие смысловые начала концепта ВЕРА: 1) убеждённость в существовании высших сил, божества; 2) вероисповедание; 3) признание чего-либо истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; 4) твёрдое убеждение в непременном осуществлении, неизбежности чего-либо предстоящего.

Вербализация концепта ВЕРА представляет собой осмысление его сущностных

¹ Лермонтов М. Памяти А. И. Одоевского // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

² Пушкин А. Кавказский пленник // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

³ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁴ Арифджанов Р. Москва азербайджанская // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁵ Яхина Г. Дети мои // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ Соловьёв В. Три речи в память Достоевского // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁷ Глушкова В. Костромская земля // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁸ Наши дети: Подростки // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

⁹ Седов В. Этногенез ранних славян // Национальный

корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁰ Алданов М. Бегство // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹¹ Тургенев И. Стук... стук! // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹² Наживин И. Евангелие от Фомы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹³ Пылаев И. Число избранных // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁴ И. Исаев // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁵ Филиппов А. Участь эксперта // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁶ Форум: 12 часов в день? // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

¹⁷ Зуева О. Скажи, что я тебе нужна... // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.01.2022).

признаков, которые объективируются в виде соответствующих языковых единиц в современном русском языке: «Вера как фрагмент внутреннего мира человека, его внутренней жизни в истории развития культуры и социума понимается и подразумевается как один из основополагающих аспектов жизни и признаётся одним из первичных факторов в человеческих взаимоотношениях, что отражено и в языковой концептуализации» [2].

Таким образом, семантическое образование ВЕРА имеет важное значение в русской лингвокультуре и выступает в качестве доминанты макрополя

«Ценность». Полевая организация концепта «Ценность» зависит от лингвокультурологических, социолингвистических, теоцентрических характеристик и имеет антропоцентрическую, «личностную», парадигму; ядро и периферия данного концептуального поля условно.

Смыслообразующими началами концепта ВЕРА выступают качественно-характеризующие семы 'вероисповедание / религиозное учение', 'убеждение' и 'твёрдое убеждение', 'мировоззрение', 'признание' и 'доверие', 'уверенность', 'направление' и т. п.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголюк Ю. Е. Концепт «вера» в античной философии и библейском дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91). Вып. 14. С. 115–122.
2. Гоголюк Ю. Е. Лингвокультурологическое исследование концепта «вера» // Труды Белгородской духовной семинарии. 2022. № 14. С. 52–56.
3. Голованова А. В. Ценности и оценки в языковом отражении: на материале русского и польского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 16 с.
4. Колесникова С. М., Чибисова А. В. Макроконцепт «хлеб» в поликультурном пространстве // Культуры и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 71–79.
5. Колесникова С. М. Концепт «любовь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 17–27.
6. Колесникова С. М., Тянь М. Категории «качество» и «ценность» в лингвистике [Электронный ресурс] // Языковые единицы и категории русского языка: грамматическое описание / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. 1 электрон. оптич. диск (CD-ROM).
7. Колесникова С. М. Смыслообразующие начала понятия *семья* в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
8. Колесникова С. М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. 240 с.
9. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объёма содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 128–135.
10. Мерзлякова И. С. Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. 2008. № 2. С. 36–39.
11. Средства репрезентации идиоглосс «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С. М. Колесникова, Е. А. Бурская, В. В. Леденёва, О. В. Шаталова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. № 1. Т. 20. С. 47–62.
12. Талапова Т. А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2008. 22 с.

REFERENCES

1. Gogolyuk J. E. [Concept "Faith" at the Ancient Philosophy and Biblical Discourse]. In: *Nauchnye ведомosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2010, no. 20 (91), no. 14, pp. 115–122.
2. Gogolyuk J. E. [Linguoculturological Investigation of the Concept "Faith"]. In: *Trudy Belgorodskoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary], 2022, no. 14, pp. 52–56.
3. Golovanova A. V. *Cennosti i ocenki v yazykovom otrazhenii: na materiale russkogo i pol'skogo yazykov:*

- avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Values and Assessments in Linguistic Reflection: On the Material of the Russian and Polish Languages: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Perm, 2002. 16 p.
4. Kolesnikova S. M., Chibisova A. V. [Macro-concept "Bread" in the Multicultural Space]. In: *Kul'tury i civilizatsiya* [Culture and Civilization], 2017, vol. 7, no. 6A, pp. 71–79.
 5. Kolesnikova S. M. [Concept "love"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2006, no. 1, pp. 17–27.
 6. Kolesnikova S. M., Tian M. [Categories "Quality" and "Value" in Linguistics]. In: *Yazykovye edinitsy i kategorii russkogo yazyka: grammaticheskoe opisanie* [Language Units and Categories of the Russian Language: Grammatical Description]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2022. 1 CD-ROM.
 7. Kolesnikova S. M. [Meaning-Forming Sources of the Family Concept in the Russian Linguoculture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 53–59.
 8. Kolesnikova S. M. *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoe issledovanie* [From Meaning to Text: Linguistic and Cognitive Research]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2023. 240 p.
 9. Kryukova G. A. [Concept. Determination of Content Denotation]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 59, pp. 128–135.
 10. Merzlyakova I. S. [The Linguocultural Concept and Its Methodological Significance National Culture Research]. In: *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], 2008, no. 2, pp. 36–39.
 11. Kolesnikova S. M., Burskaya E. A., Ledeneva V. V., Shatalova O. V. [Means of representation of idio-glossas "Children", "Family", "Life" in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2021, no. 1, vol. 20, pp. 47–62.
 12. Talapova T. A. *Koncept "vera / neverie" v russkoj yazykovoj kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Concept of "Faith / Disbelief" in the Russian Language Picture of the World: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Abakan, 2008. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; e-mail: asya28@list.ru

Тянь Мэнчжу – ассистент кафедры восточных языков Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; e-mail: tianmengzhu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Kolesnikova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University; e-mail: asya28@list.ru

Tian Mengzhu – Assistant, Department of Oriental Languages, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University; e-mail: tianmengzhu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесникова С. М., Тянь Мэнчжу. Смыслообразующие начала концепта *вера* как доминанты макро-поля «Ценность» в русской лингвокультуре // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 61–68. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-61-68

FOR CITATION

Kolesnikova S. M., Tian Mengzhu. Meaning-Forming Beginnings of the Concept Faith As Dominants Of The Macrofield "Value" in Russian Linguistic Culture. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1. pp. 61–68. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-61-68

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-69-84

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Незговоров С. В., Петров А. В.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть специфику функционирования безличных предложений в публицистическом стиле на материале портретных очерков, опубликованных в архангельской областной газете «Правда Севера» в 1970–80-е гг.

Процедура и методы. Методом сплошной выборки из газетных текстов были выделены безличные предложения и распределены по структурно-семантическим разновидностям. Последовательно рассмотрены особенности функционирования различных типов безличных предложений в портретных очерках.

Результаты. Проведённый анализ показал, что наиболее частотными в газетном тексте являются безлично-модальные предложения, выражающие различные отношения между отстранённым субъектом и действием, среди них лидируют конструкции, обслуживающие модальность необходимости, при этом субъектный компонент в них часто реально не представлен. Безличные предложения помогают выразить авторское отношение к описываемому, создать убедительную речевую характеристику героя публикации, передать условия реализации той или иной ситуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в раскрытии образно-выразительного и эмоционально-экспрессивного потенциала безличных предложений в публицистическом тексте. Практическая значимость материалов статьи обусловлена возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: безличные предложения, модальность, публицистический стиль, речевая характеристика, субъект

THE FUNCTIONING OF IMPERSONAL SENTENCES IN A JOURNALISTIC STYLE

S. Nezgovorov, A. Petrov*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
nab. Severnaya Dvina 17, Arkhangelsk 163002, Russian Federation, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the specifics of the functioning of impersonal sentences in a journalistic style based on the material of portrait essays published in the Arkhangelsk regional newspaper “Pravda Severa” in the 1970s–80s.

Methodology. By the method of continuous sampling from newspaper texts, impersonal sentences were isolated and distributed according to structural and semantic varieties. The features of the functioning of various types of impersonal sentences in portrait essays are consistently considered.

Results. The analysis has shown that impersonal-modal sentences expressing various relations between the detached subject and the action are the most frequent in newspaper texts, among them are constructions serving the modality of necessity, while the subjective component is often not really represented in them. Impersonal sentences help to express the author’s attitude to the described,

to create a convincing speech characteristic of the central figure of the publication, to convey the conditions for the implementation of a particular situation.

Research implications. The theoretical significance lies in the disclosure of the figurative-expressive and emotional-expressive potential of impersonal sentences in a journalistic text. The practical significance of the article materials is due to the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: impersonal sentences, modality, journalistic style, speech characteristic, subject

Введение

Безличные предложения, будучи самими разнообразными по структуре и семантике русскими синтаксическими конструкциями, широко употребляются в различных подсистемах русского языка, активно используются практически во всех стилях русской речи, они обладают немалым образным и эмоционально-экспрессивным потенциалом.

Стихия разговорной речи в большей степени по сравнению с книжной, письменной традицией склонна к широкому употреблению форм безличности, в произведениях художественной литературы и публицистики безличные конструкции часто выполняют функцию речевой характеристики персонажей и адекватной передачи живой речи.

«Эмоционально-экспрессивные возможности безличных конструкций в выражении состояний субъекта, возникших независимо от его целенаправленных действий, делают их одним из основных средств психологического анализа» [2, с. 128]. П. А. Лекант утверждает: «Наличие форм безличности в сфере эмоциональности – это свидетельство грамматической силы и уникальности категории безличности в русском языке» [7, с. 6].

Основные функции публицистического стиля – информативная и воздействующая – обуславливают его тесную связь с реальной действительностью. Особое место в публицистическом стиле занимает язык газеты, который ориентирован, прежде всего, на речевые навыки массового читателя.

«Королём» журналистских жанров часто называют очерк, который по своим признакам близок художественной литературе, однако остаётся в рамках публи-

цистического дискурса. Ю. А. Гордеев даёт такое определение: «Очерк – жанр художественной публицистики, предназначенный для исследования социально значимых личностей и явлений путём создания журналистом их документального образа» [3, с. 117]. В. И. Коньков отмечает: «Очерк, потеряв связь с первоначальными координатами социального пространства-времени, благодаря наличию образного компонента начинает жить по законам художественного произведения» [4, с. 40]. Особое место занимает портретный очерк, который «появляется в итоге образного анализа личности, опирающегося на анализ различных её сторон (нравственной, умственной, созидательной и пр.), т. е. в итоге раскрытия характера героя» [5, с. 296].

Рассмотрим специфику функционирования безличных предложений в публицистическом стиле. В качестве материала для нашего исследования мы избрали портретные очерки, опубликованные в архангельской областной газете «Правда Севера» в рубрике «Твои люди, Север» в 1970–80-е гг. (в примерах указывается дата выхода выпуска газеты с конкретным очерком).

В проанализированных нами 23 очерках методом сплошной выборки выделено 303 безличных предложения. Их структурно-семантические разновидности [см.: 8, с. 184–185] представлены в следующем соотношении: 1) бессубъектные – 0,7%; 2) локативно-субъектные – 2,3%; 3) дативно-субъектные – 9,2%; 4) объектно-субъектные – 2,3%; 5) инструментально-субъектные – 1%; 6) неопределённо-субъектные – 2%; 7) безлично-результативные – 3,6%; 8) инструментально-тематические – 0,3%; 9) безлично-генитивны – 11%; 10) безлично-модальные – 48%; 11) безлично-

оценочные – 13%; 12) контактно-относительные – 7%. Эти результаты во многом совпадают со статистическими данными, отражающими употребление безличных предложений в художественном тексте [см: 9, с. 78–79], что свидетельствует о близости публицистического и художественного стилей.

Как видим, подавляющее большинство употреблений приходится на безличномодальные предложения – почти половина примеров, эта разновидность безличных конструкций действительно наиболее частотная и разнообразная по структуре и семантике.

Безличные предложения с разными способами представления субъекта в газетном тексте

Проследим, каким образом реализуются семантические признаки и изобразительно-выразительный потенциал структурно-семантических разновидностей безличных предложений в газетных очерках поздней советской эпохи.

В идеальном концентрированном виде семантика безличности представлена в **бессубъектных безличных предложениях**, в нашем материале обнаружилось только два примера таких конструкций.

Вечерело. Мы вдвоём сели на плот и поплыли в травянистую, островную лахту удить (21 января 1981 г.) – здесь выражено состояние природы, связанное с суточным круговоротом времени, носителем предикативного признака выступает само природное явление; нераспространённое изолированное предложение указывает на время действия.

И вправду, к полудню разъяснило... (17 июля 1974 г.) – независимое атмосферно-метеорологическое явление, наступление ясной погоды, факультативный темпоратив приурочивает состояние к временным рамкам описываемой ситуации – в данном случае констатируется то, что прогноз героя публикации сбылся, это маркируется вводной конструкцией со значением подтверждения реальности.

Облигаторным структурным компонентом **локативно-субъектных безличных предложений** является локатив, совмещающий субъектное и обстоятельственное значения и выражающий носителя предикативного признака: **На Печоре было ветрено и беспокойно** (7 октября 1982 г.) – характеризуется природное состояние, ограниченное пространственно, носителем предикативного признака в данном случае выступает река Печора; **На базе Дорогорского участка становится тихо и пусто** (19 января 1986 г.) – формирующееся состояние, связанное с наполненностью пространства людьми и отсутствием в нём звуков: **база тихая и пустая; И хоть всё тесней становилось под крышей того домика, да никогда не было там ни тени вражды, скуки или праздности** (1 января 1986 г.) – характеристика состояния в доме, обусловленная увеличением количества членов многодетной семьи.

Для выражения пространственных отношений требуются дополнительные второстепенные члены предложения: **Сейчас в этой комнате старого дома в посёлке 26-го лесозавода далеко и от моря, и от штурмов** (8 июля 1973 г.) – здесь передаётся состояние в определённом пространстве, обусловленное отношением к расстоянию от определённого объекта: **комната далека от моря.**

Локативно-субъектные предложения способны передавать отношение к объективной действительности через призму субъективного восприятия: **Надо сказать, что здесь было всегда строго, но уютно: во время уроков часто звучала виолончель, а в паузах – убедительный и страстный голос хозяина** (10 августа 1988 г.) – отношение к обстановке, сложившейся в определённом сообществе, речь идёт о репетициях оркестра, анафорический локатив **здесь** указывает на репетиционный зал, однако носителем признака становится не сам зал, а люди в нём (метонимический перенос); **Зелено, просторно, красиво за деревней Рудниковской...** (25 июля 1975 г.) – состояние обстановки, связанное с эстетическим восприятием пространства говорящим:

пространство за указанной деревней представляется красивым, вызывает позитивные эмоции.

Подобные конструкции могут выражать состояние человека, локатив при этом представлен обозначением какой-либо части человеческого организма, испытывающей физическое или психическое ощущение: *Вот ведь как: вроде и не сказал человек ничего особенного, а **полегчало** у Русанова на душе* (27 июня 1971 г.) – двойное раздельное обозначение субъекта: локатив + посессивное дополнение в генитиве с предлогом *У*; в данном случае передаётся благоприятное состояние души; ***Пусто** в руках, и никак эту пустоту ему не заполнить* (27 июня 1971 г.) – герой публикации – рабочий, уходящий на пенсию, ощущает пустоту в руках без привычного рабочего инструмента, однако здесь физическое состояние обуславливает и психоэмоциональное – пустота в руках переходит в ощущение душевной пустоты, неприкаянности, ненужности, о чём свидетельствует содержание второй части сложносочинённого предложения.

Многочисленные **дативно-субъектные безличные предложения** представляют психофизическое состояние субъекта-лица, который выражен формой дательного падежа. Субъект в дативно-субъектных безличных предложениях – это пассивный отстранённый субъект, испытывающий определённое состояние, формируемое некими стихийными силами как вне самого субъекта, так и внутри его.

Субъект состояния нередко представлен личными местоимениями 1 лица: – *Мне и **смешно**, и **радостно**. Поучу её, да и отправлю в дорогу. А **страшно**: как учить скоро буду – отстаю от детей* (1 января 1970 г.) – адекватно передаются разнообразные чувства рассказывающей о себе героини очерка; – *Там вместе мы и жили. **Дружно** нам **было*** (22 декабря 1985 г.) – нарушающее грамматические нормы окказиональное употребление предикатива подчёркивает непосредственность разговорной речи героя публикации.

Чаще всего такие местоимения реально отсутствуют, пропущены в тексте, поскольку их замещает имплицитный определённо-личный субъект, равный субъекту речи: *«**Стыдно-то** как, ведь ничего не знаю»* (25 июля 1975 г.) – мне стыдно, экспрессивность высказывания подчёркивается разговорной постпозитивной частицей и наречием-интенсивом; – *Во какая! Широкая, светлая. **Хорошо** теперь!* (27 февраля 1971 г.) – нам хорошо, в подчёркнуто эмоциональном восклицательном предложении речь идёт о квартире. В качестве определённо-личного субъекта может выступать и адресат высказывания: – ***Понравилось** в Москве? – Нет, **тесно** там* (22 декабря 1985 г.).

Грамматические значения дативно-субъектных безличных предложений реализуются с помощью связок: ***Было** очень **радостно** за Марию Ивановну, прожившую большую и такую интересную жизнь, много давшую детям, внукам, всем людям* (19 апреля 1981 г.) – прошедшее время; – ***Было бы** плохо здесь – не приезжали б, – улыбается Анна Павловна. – Чистый воздух, молоко...* (1 января 1986 г.) – условное наклонение; *Но и ей **бывало** в море **круто*** (8 июля 1973 г.) – повторяемость действия в прошлом.

Близость публицистического и разговорного дискурсов по-особому проявляется, когда предикат таких предложений выражен:

– фразеологизмом: *...вилы в руки – и чтоб **небу жарко стало!*** (17 июля 1974 г.) – подчёркивается интенсивность, сила проявления признака, динамизм высказывания передаётся пунктуационно с помощью тире;

– предикативом с суффиксом субъективной оценки: *...ему вот, мол, **далековато** ещё до пенсии* (27 июня 1971 г.) – отношение к промежутку времени до определённого момента;

– местоимением: *А **каково было** первым?* (5 января 1988 г.) – риторический вопрос, указывающий на трудности, с которыми встретились первопроходцы.

Особое положение занимают предложения с предикативами *трудно, легко, кото-*

рые выражают не столько состояние субъекта, сколько оценку обстоятельств, его порождающих: – *Мужчинам всё же легче...* Но в конце чартера **приходится** и им **трудно**: люди становятся раздражительными (8 июля 1973 г.); – *Самостоятельными выросли. А ведь не всегда легко. Кабы знать, когда им трудно, прибежала бы на помощь...* (1 января 1970 г.) – речь идёт о дочерях героини; – *Всё искал где полегче и побольше платят* (21 января 1981 г.).

Предикатив *жалко* обозначает сожаление, досаду при утрате чего-нибудь, а также сочувствие, сострадание к кому-либо, облигаторным компонентом конструкции с ним выступает «предмет жалости»: – *Жалко досок, а всё равно красиво... В море всё красиво...* (8 июля 1973 г.); – *Уходишь, Анатолий Павлыч? Жалко...* (27 июня 1971 г.).

Широко распространены конструкции, выражающие склонность к тому или иному действию, лёгкость, непринуждённость действия, субъект при этом может быть пропущен, однако легко восстанавливается из контекста или ситуации речи: *Конечно же, детство продолжалось – и бегалось ещё, и со сверстниками игралось, но теперь только после трудового дня...* (22 октября 1982 г.); *Привыкла с людьми в дружбе жить. От этого работается лучше* (25 июля 1975 г.); кроме того, субъект может быть обобщён: *У костра да в таёжных избушках всегда легко говорится* (21 января 1981 г.).

Часто встречаются дативные конструкции, выражающие отношения, обусловленные реализацией везения, счастья, благополучия: *Парнишке повезло – рядом с ним оказался незаурядный человек, душой щедрый* (22 декабря 1985 г.); *И тут ему повезло: нос к носу столкнулся с Тюшовым, тоже из смены Сухарева* (27 июня 1971 г.) – во второй части бессоюзного сложного предложения поясняется, в чём именно проявляется везение. Подобные высказывания могут распространяться компонентами, называющими «предмет везения»: *В этом отношении главному инженеру действительно не повезло* (5 января 1988 г.); – *Не везло мне на помощников, – признаётся Дмитрий Иванович* (21 января 1981 г.).

Облигаторным компонентом структуры **объектно-субъектных безличных предложений** выступает объект в винительном падеже, заключающий в себе элемент субъектного значения, денотат винительного падежа не просто испытывает состояние, но подвергается ему: *«Легонько мечем, на подпоры поднимаем – его и продувает... И сено хорошее»* (17 июля 1974 г.) – имеется в виду продуваемое ветром сено.

Такие конструкции способны выражать и состояние человека, в данном случае в качестве производителя действия выступают физиологические и психоэмоциональные стихийные процессы внутри чувствующего субъекта: *А тут ещё парнишечка молоденький появился, при виде которого у неё сердце от жалости щемило* (19 января 1986 г.).

Многозначный глагол *тянуть* в безличной конструкции способен выражать влечение к чему-либо или к кому-либо как стихийный, неконтролируемый процесс, оказывающий сильное воздействие на человека, важным компонентом предложения становится «предмет влечения», выраженный различными предложно-падежными сочетаниями: *Но странно устроен человек: на берегу его неодолимо тянет в море* (8 июля 1973 г.); *Да и к технике его больше тянуло* (19 января 1986 г.); *«До восьмого класса отличницей была, а тут в трактористы её потянуло!»* (25 июля 1975 г.).

Объектно-субъектная конструкция может подвергаться фразеологизации, при этом компонент в аккузативе включается в предикат: *У кого дух не захватывало, когда по перволёдку мчался на коньках* (19 января 1986 г.) – передаётся особое эмоциональное состояние субъекта.

Одна из ситуаций, которые передают **инструментально-субъектные безличные предложения**, – воздействие стихийных природных сил посредством орудия на объект, вызывающее его перемещение, изменение, разрушение, порчу: *...с радости поспешил тогда, побежал с добычей к матери, а рюжу унесло течением* (7 октября 1982 г.) – компонент в творительном падеже совмещает объектно-орудийное

и субъектное значения: *течение унесло рюжу*.

Отсутствие актанта в творительном падеже обычно толкуется как действие неизвестной силы, но в большинстве случаев эта сила либо эксплицитно представлена, либо может быть восстановлена по контексту или по семантике глагола: – *Вот утром сегодня прыснуло, а я всё равно зову людей на пожню* (17 июля 1974 г.); *На пожне, если даже дождём прыснет, и гребут, и мечут* (17 июля 1974 г.).

Неопределённо-субъектные безличные предложения прямо сопоставимы с односоставными неопределённо-личными структурами.

Основная семантика причастных конструкций – волеизъявление неопределённого субъекта, сориентированное на выполнение какого-либо действия воспринимающим субъектом. Облигаторными компонентами структуры описываемых предложений являются причастный предикат с семантикой волеизъявления, прирывающий к нему объектный инфинитив и воспринимающий субъект в форме датива, одновременно являющийся объектом волеизъявления и субъектом результативного состояния, при этом субъект волеизъявления воспринимается как неопределённый: «субъект, обычно фиксируемый словоформой в творительном падеже, опускается ввиду его неизвестности, неважности с целью актуализации самого процесса или намеренно не называется по субъективным причинам» [6, с. 25]: *Н. Н. Приорову, тогда молодому, но уже опытному врачу, было поручено во время одной из операций следить за пульсом В. И. Ленина...* (10 июня 1975 г.). Незанятость позиции инфинитива и объекта волеизъявления чаще всего связана с неполнотой предложения: «*Куда это шофёр поехал? Туда ли, куда велено?*» (17 июля 1974 г.).

Неопределённо-субъектные причастные конструкции могут передавать и ситуацию принятия решения, которая напрямую не связана с волеизъявлением, и поэтому здесь не может быть объекта волеизъявления, поскольку субъект и объект решения фактически совпадают, в

конструкции при этом используется субъектный инфинитив: *Решено поместить в здании музыкального училища* (10 августа 1988 г.) – о мемориальной доске; *Правда, уже решено было, что с завода он не уйдёт пока* (27 июня 1971 г.) – инфинитив замещает придаточное предложение.

Как неопределённо-субъектные глагольные безличные предложения функционируют в речи бесподлежащие конструкции, вводящие прямую речь, которые привносят в высказывание дополнительные смыслы: *Уже совсем ему немного дойти осталось, да тут раздалось над самым ухом: – Что, Анатолий Павлович, уже?* (27 июня 1971 г.) – реплика человека звучит неожиданно для слушающего, застаёт его врасплох.

Специализированные безличные предложения в газетном тексте

Предикат **безлично-результативных предложений** представлен, прежде всего, краткой формой страдательного причастия, обуславливающей семантику конструкции, которую можно определить как результативное состояние или состояние как результат действия. Основная семантика таких предложений в целом – отношение говорящего к сложившейся в результате определённых действий ситуации, к сформировавшемуся результативному состоянию: *...в Чуласе уже накошено впрок* (17 июля 1974 г.) – состояние в пространстве, сформированное в результате человеческой деятельности; *Как много места уделено здесь одной семье!* (19 апреля 1981 г.) – результативное состояние, возникшее в результате определённых действий человека; *Давно замечено: дни детства всегда почему-то помнятся солнечными* (22 октября 1982 г.) – состояние как результат действия речевой коммуникации.

Результативное состояние могут выражать и безличные глагольные формы: *Три рывка стартера – и зафонтило за кормой, только успевай к рулю* (7 октября 1982 г.); *Кажется, дошло, человек взялся*

за ум... (14 января 1971 г.); – *А то ведь как некрасиво **получается**: некоторые живут, как у Христа за пазухой* (14 января 1971 г.).

Отношение к результативному состоянию эффективно передаёт местоимённое наречие *так*, выступающее в функции присвязочного именного компонента, оно характеризует обстоятельства того или иного состояния дел или сложившейся обстановки, которые разъясняются либо в придаточной части сложноподчинённого предложения, либо во второй части бессоюзного сложного предложения: *Нередко **так бывает**: человеку, пережившему беду, очень нужно заботиться о ком-то* (22 декабря 1985 г.) – обычность ситуации; *Ещё **так удачно сложилось**, что семейные заботы Параскеву Степановну не очень отвлекают...* (17 июля 1974 г.) – неизбежность, закономерность ситуации; ***Случилось так**, что сложные и дорогие эти приборы начали на судне выходить из строя* (22 октября 1982 г.) – случайность ситуации.

Мы обнаружили единственный пример употребления **инструментально-тематических безличных предложений**, выражающих отношение к ситуации (положению дел), облигаторным компонентом структуры здесь выступает творительный темы или тематив: *«Когда я приехала в Борок, то на первых порах с дисциплиной **не ладилось**»* (15 декабря 1970 г.) – у учительницы была проблема с дисциплиной на уроках.

Основная семантика **безлично-генитивных предложений** – отрицание бытия (наличия) предметов, явлений, признаков. В качестве предиката выступает, прежде всего, отрицательное глагольное слово *нет*, включённое в парадигму глагола *быть* с отрицанием: *Если же **нет** этой самой работы – сам её сыщёт* (22 октября 1982 г.) – значение настоящего времени; *... пусть знает, поблажки **не будет** никому* (17 июля 1974 г.) – значение будущего времени; – *Старики говорили, что меры у ясака **не было**, оттого очень разорвался народ* (22 декабря 1985 г.) – значение прошедшего времени.

В предикативной функции также употребляются безличные формы других гла-

голов с отрицанием: *И **не бывает** в году месяца, не отмеченного свадьбой* (13 мая 1971 г.); *Ещё и десятка лет **не наберётся**, когда...* (1 января 1986 г.); именные безличные формы: *Но вот и её **не стало видно*** (22 октября 1982 г.); фразеологизмы: *Дышать стало легче, когда её, самостоятельности, **не было в помине**, всё новое давалось **недёшево*** (5 января 1988 г.); ***Не видно ни зги**, не просматриваются даже ближние фермы...* (5 января 1988 г.); фразеосхема «ни + генитив»: *...**ни малейших исключений** из правила* (5 января 1988 г.).

Отрицательный глагольный или именной компонент обязательно предполагает форму родительного падежа имени существительного, местоимения или субстантивата. В рассматриваемых предложениях безличная семантика представлена обязательно в комплексе отрицательного и генитивного компонентов: «Генитивный компонент объединяется с глаголом в составной семантический предикат, выражающий состояние субъекта. Без генитива предикат не является семантически завершённым» [1, с. 95].

Особо отметим предложения с безличными формами в значении достатка и полноты, которые употребляются как с отрицанием, так и без него: *Хотя **не достало** ещё храбрости другим девчатам в трактористки идти...* (25 июля 1975 г.); *...я почувствовал, что знаний мне **недостаточно*** (12 июля 1972 г.); *И ни слова не произнёс, **достаточно было** одного его появления* (15 декабря 1970 г.); *Двадцать три года служат, внукам ещё **хватит*** (19 января 1986 г.) – о печках; *«**Не хватало** знаний – пошёл учиться на инженера-механика...»* (12 июля 1972 г.).

В контексте основной смысл высказываний с предикатами существования обрастает дополнительными значениями и оттенками значений, соотносимых с семантикой состояния, модальной или оценочной семантикой. Рассмотрим примеры: *И хоть всё тесней становилось под крышей того домика, да никогда **не было** там ни тени вражды, скуки или праздности* (1 января 1986 г.) – оценка отношений

внутри семьи, отрицание усиливается местоимённым отрицательным наречием и частицей *ни*; *Поскольку ночлежного дома в Пакшеньге нет, приезжие к Горбуновым пропустят частенько* (5 января 1988 г.) – характеристика состояния дел в определённом месте; *Буровые «на уголь» он видел, когда ещё и Воркуты не было, но разве можно их сравнивать!* (22 мая 1976 г.) – состояние дел в определённое время.

Модальность невозможности, связанная с неблагоприятно складывающимися обстоятельствами: *Тресту, недавно созданному, не хватало кадров, опытных специалистов, техники и механизмов* (14 января 1971 г.) – нет возможности нормально работать; *...а замены подходящей нет* (16 января 1973 г.) – невозможно заменить; *– Комнаты приезжих у нас нет, придётся ночевать у меня* (5 января 1988 г.) – нет возможности устроить на ночлег официально.

Модальность невозможности, связанная с категоричным запретом действия: *– А самовольных воскресений чтобы не было* (7 октября 1982 г.) – форма индикатива выражает значение императива.

Категоричность, безапелляционность в принципе характерны для безлично-генитивных предложений, с помощью них говорящий / пишущий выражает свою полную уверенность в отсутствии того или иного предмета, явления: *К Шориной таких претензий нет, а получает она ровно столько, сколько зарабатывает* (5 января 1988 г.); *...в торакальный хирургии маленьких операций нет* (12 сентября 1982 г.); *Не было случая, чтоб сено сгнило...* (17 июля 1974 г.).

Довольно часто в таких конструкциях используются разные способы усиления отрицания, призванные подчеркнуть категоричность высказывания: *Нет ничего удивительного в том, что в районе к собраниям привыкли: иных хлебом не корми, позови только позаседать – тому и рады* (5 января 1988 г.); *Работа может считаться выполненной только тогда, когда бетон полностью заполнит ровные клетки арматуры, когда не будет в нём ни пустот, ни раковин* (14 января 1971 г.).

Органично безлично-генитивные предложения участвуют в создании такого выразительного средства, как гипербола: *Нет такой серии судов, которую бы он не делал...* (27 июня 1971 г.) – о мастерстве и богатом опыте рабочего; *Нет в наших ненюкских краях тех троп и визиров, по которым бы не ходил Дмитрий Иванович Нечаев. Нет тех избушек и шалашей, в которых ему, леснику, не приходилось обитать* (21 января 1981 г.) – о широте охвата деятельности лесника; *Потому что прекраснее профессии спасать – ничего на свете нет* (12 сентября 1982 г.) – о преимуществах профессии врача.

Самыми частотными в публицистическом дискурсе являются **безлично-модальные предложения**, которые совмещают семантику безличности с семантикой внутрисинтаксической модальности, выражающей различные отношения между отстранённым субъектом и действием (возможность, необходимость, целесообразность, желательность). Для эксплицитного представления модальных значений в таких предложениях используются специальные модальные слова, которые одновременно выступают формой безличности, выражающей значения наклонения и времени: *Грамотности можно научить, чувства же надо воспитывать* (15 декабря 1970 г.) – настоящее время; *Старому доктору на встрече этой удалось быть* (22 декабря 1985 г.) – прошедшее время; *Так за ребячьей возней и не познакомился он тогда с морем и нечего было б рассказать о нём своим сверстникам – соломбальцам, если бы не случай* (22 октября 1982 г.) – сослагательное наклонение.

Предикативность в безлично-модальном предложении выражается аналитически (безлично-модальный элемент + инфинитив), обязательным компонентом расширенной структурной схемы является субъектный компонент, преимущественно представленный формой дательного падежа: *По долгу службы мне довелось встречаться с ним, человеком яростной энергии и беззаветной преданности труднейшему делу* (10 июня 1975 г.).

Как показывает анализ языкового материала, субъектный компонент чаще всего в газетных текстах либо пропущен, однако легко восстанавливается из контекста или ситуации речи, что свидетельствует о грамматической неполноте предложения, либо представлен имплицитно как определённый-личный, неопределённый и обобщённый субъект. Рассмотрим примеры.

Неполнота предложения: ...*втянули его домашние дела, которые наконец-то можно было все переделать* (27 июня 1971 г.); *И тут её поджидает работа – ребятишек накормить надо, перестирать, переитопать, корову свою подоить* (16 января 1973 г.).

Определённо-личный субъект – нет необходимости в реальном выражении субъектного детерминанта, поскольку субъект очевиден, он тождествен либо субъекту речи: – *И почему я всю жизнь тороплюсь, посидеть некогда?..* (1 января 1970 г.); либо адресату высказывания: – *Комнаты приезжих у нас нет, придётся ночевать у меня* (5 января 1988 г.).

Неопределённый субъект – контаминация субъектного значения со значениями других членов предложения: *Но опыт передовых хозяйств говорит: и на северной земле можно вести дело прибыльно* (5 января 1988 г.) – локатив, указывающий и на жителей местности, и на условия осуществления действия; ...*семейство, в котором никому не надо объяснять, как управляться с коровой* (1 января 1986 г.) – косвенный объект, обозначающий общность людей.

Обобщённый субъект – субъектный детерминант является семантически избыточным, когда в качестве модального субъекта может выступать любое лицо, оказавшееся в данной ситуации: – *Детей надо держать в строгости. Да, и в труде...* (1 января 1986 г.); *Нет, всё-таки привыкнуть к чужой боли нельзя* (12 сентября 1982 г.).

В безлично-модальном предложении основное семантическое содержание заключено именно в инфинитиве, поэтому отсутствие его реального выражения весьма ощутимо и чаще всего связано с грамматической неполнотой предложения: – *Можно начинать?* – *вопрос анестезиологу.* –

Можно (12 сентября 1982 г.); – *Ну, к примеру, сено косить надо? Надо* (21 января 1981 г.); – *Подсказать, помочь, если нужно, могу, но уговаривать работать не буду* (1 января 1970 г.).

Инфинитив может быть семантически избыточным при эллипсисе:

– модальный компонент + прямой объект: – *Будильника не надо: в голове этот будильник* (1 января 1970 г.); – *Для начала и надо-то немного: запастись материалами, перетаскивать вышки и тяжести только зимой* (22 мая 1976 г.);

– модальный компонент + локатив: – *Вставай, Милушка, вставай, доченька, на ферму пора, пятый час уже...* (1 января 1970 г.); *Близилась полночь, когда, наконец, председатель спохватился, что пора домой* (5 января 1988 г.);

– модальный компонент + темпоратив: – *А уж если припечёт и надо летом, то, уж будьте добры, проложите дорожку, а не гоняйте по всей тундре* (22 мая 1976 г.) – о перевозке тяжёлых грузов по тундре;

– модальный компонент + обстоятельство образа действия: – *Молодой пока. Опыт набираю. Надо внимательно – без аварий чтоб* (27 февраля 1971 г.) – о работе лётчика.

Обходятся без инфинитива и устойчивые обороты, которые возникли «на основе обобщённо-субъектных эллиптированных предложений» [1, с. 90], выражающих долженствование: *Назначили ему, как и положено, пенсию, но насчёт проводов решили повременить* (16 января 1973 г.); *Юра Хлопин, как и положено судоремонтнику, восстанавливал торговый флот...* (22 октября 1982 г.).

Инфинитив может быть замещён объяснительной придаточной частью сложноподчинённого предложения, в ней говорящий даёт расширенное толкование действия или состояния, модальная оценка которого даётся в главной части: *И потому-то Русанову очень хотелось, чтобы сказал чего Тюшов* (27 июня 1971 г.).

Семантическая классификация безлично-модальных предложений зависит от классификации значений внутрисинтак-

сической модальности, выражающих различные отношения между отстранённым субъектом и действием, от которого отстраняется субъект. Модальность предиката реализуется в двух разновидностях – положительной и отрицательной, включая скрытое отрицание: возможность – невозможность, необходимость – отсутствие необходимости, целесообразность – нецелесообразность, желательность – нежелательность действия.

Универсальный предикатив *можно* способен выражать разные значения **модальности возможности**:

– обстоятельства благоприятствуют действию: *Пойдут на неделе неспешные дела, а пока и **отдохнуть можно*** (17 июля 1974 г.); *В лес за ягодами, за грибами теперь **можно ходить** в своё удовольствие* (27 июня 1971 г.);

– возможность реализации действия обусловлена качествами человека: *Такому **можно поручить** не только воспитание внуков* (16 января 1973 г.); *Судя по энергичным движениям, её седину **можно было** скорее **отнести** не к возрасту, а к обстоятельствам, в которых прошла её жизнь* (19 апреля 1981 г.);

– скрытое отрицание, выраженное вопросительными частицами: – *Да **можно ли** заново жизнь **строить**, если этот поворот дороги каждый день перед тобой, а в доме – трое дочерей, одна другой дороже...* (1 января 1970 г.); *Буровые «на уголь» он видел, когда ещё и Воркуты не было, но **разве можно их сравнивать!*** (22 мая 1976 г.).

Охарактеризуем семантику других безлично-модальных предикатов из анализируемых публицистических текстов.

Возможность выполнения действия, которая реализуется объективными, независимыми от субъекта обстоятельствами, выпавшими ему на долю: *В молодости и за плугом **ходить доводилось**, и траву **косить**, и сено **метать**, **увязывать** хлеб в снопы* (16 января 1973 г.); *В те дни, когда мне **довелось побывать** у них...* (19 января 1986 г.).

Возможность реализации действия, связанная с удачей: ...*тем лучше начина-*

*ешь понимать, как это **удалось** Андрею Ивановичу и Клавдии Ивановне **воспитать** таких замечательных сыновей и дочерей* (16 января 1973 г.).

Возможность выполнения действия субъектом зависит от наличия у него для этого свободного времени: – *Уж раз лето **пришло – сидеть некогда*** (17 июля 1974 г.).

Возможность реализации действия субъектом зависит от наличия косвенного объекта, на который оно направлено [10, с. 128]: – *А я свои руки, когда с кем **разговариваю**, на вид кладу – **красоваться** вроде и **нечем**, а сколько молока перекачали...* (1 января 1970 г.); – *Значит, не зря жила, Лидия, **есть что вспомнить, чем гордиться*** (1 января 1970 г.).

Запрет действия связан с определёнными правилами: *Ему-то, Русанову, сегодня спешка ни к чему, а остальным **опаздывать**, конечно, **нельзя*** (27 июня 1971 г.).

Возможность выполнения действия зависит от эмоционального состояния субъекта: *И **невозможно было** без улыбки **слушать** трогательные слова Сергея...* (22 декабря 1985 г.).

Самые частотные безлично-модальные глаголы, связанные с **модальностью необходимости**, которые встретились нам в газетном тексте, – *прийтись, приходиться*; рассмотрим различные оттенки выраженного ими модального значения:

– вынужденность действия из-за неблагоприятных обстоятельств: *Чаще всего груз поступает ночью – **приходится поднимать** людей, **уговаривать*** (17 июля 1974 г.); *Работал на аккумуляторе, **заводить** стартером **приходилось*** (25 июля 1975 г.) – о тракторе;

– необходимость, обусловленная складывающимися жизненными обстоятельствами, поворотами судьбы: ***Приходилось работать** и мотористом на электростанции, и на стройке **помогать*** (19 января 1986 г.); *После гражданской войны работала в коммуне, в колхозе, где **приходилось и пахать, и сеять, и сено возить*** (19 апреля 1981 г.);

– обстоятельства благоприятствуют действию: *Он нередко делал ссылки: это от*

отца узнал, это Русанов говорил, а это от стариков **слышать приходилось** (22 декабря 1985 г.); Около цеха свернул к скамейкам, на которых немало **сживать приходилось** во время обеденных перерывов (27 июня 1971 г.);

– отсутствие необходимых условий для осуществления действия: «Вот только с подвеской ещё **не приходилось летать**» (27 февраля 1971 г.); Нет, не жалел я о том, что **не пришлось** в этот приход на Гаврилово **поудить** по утренней заре... (21 января 1981 г.);

– объективная избыточность действия: **Рассказывать** односельчанам свою биографию ему **не пришлось** (19 января 1986 г.) – все и так всё знают о жизни героя.

Довольно часто в газетных текстах встречается и безлично-модальный предикатив **надо**, который способен выражать разные значения модальности необходимости: А вот сейчас **надо отправлять** дочку, только что окончившую девятый класс, в трудовой лагерь... (8 июля 1973 г.) – объективно складывающиеся обстоятельства; Помпы не успевают откачивать воду, дела плохи – **надо** на лёд **высаживаться** (8 июля 1973 г.) – вынужденность действия; – Вот дочери мои часто говорят меж собой, слышу: «Свое призвание **надо найти**». А я думаю: призвание – это ведь не просто любить работу, иногда **надо** себя и **заставить** (1 января 1970 г.) – субъект осознаёт необходимость выполнения действия; **Надо иметь** хорошую физическую подготовку, чтобы ходить пешком иногда по двадцати и более километров в день (21 января 1981 г.) – особые условия, необходимые для рационального осуществления действия.

В подавляющем числе случаев в предложениях с предикативом **надо** субъект реально не выражен, в этом видится специфика функционирования подобных конструкций – подчёркивается их лаконичность, динамичность, категоричность: ... субботник ли молодёжь провела – **надо взглянуть**, каковы результаты (17 июля 1974 г.); С морем **надо было** знакомиться (22 октября 1982 г.); И вот всё уже сда-

но, **надо отходить** от кладовой (27 июня 1971 г.).

Рассмотрим ещё ряд семантических разновидностей модальности необходимости, выраженных в безлично-модальных предложениях.

Настоятельная объективная необходимость действия в будущем: **Продолжат** подвижнические традиции старших поколений **предстоит** им, молодым (10 августа 1988 г.); «Без операции, Серёжа, не обойтись. Ногу **придётся отнять**» (22 декабря 1985 г.); Скоро экзамены, в первый раз **придётся** надолго **уезжать** из дома (25 июля 1975 г.).

Необходимость выполнения действия, регламентированная различными нормами и социальными установлениями: ... прежнее, дескать, указание признано ошибкой, её **надлежит исправить** (5 января 1988 г.); За вынужденный простой **положено** **платить** (5 января 1988 г.); ...негоже руководителю **опускаться** до мелочности (5 января 1988 г.).

Необходимость выполнения действия зависит от объективных внешних для субъекта обстоятельств: После войны **потребовалось** не только **возродить** всё, что разрушено, унесено лихолетьем, но и **наверстать** упущенное... (10 августа 1988 г.); Опалёнными испытаниями молодёжи **нужно было** **дать** необходимые познания эстетических основ (10 августа 1988 г.).

Объективная избыточность действия: Тем более что деньги у колхоза есть – **не надо выбивать**, как другим, кредиты (5 января 1988 г.); За подтверждением далеко **ходить не надо**... (27 июня 1971 г.).

Осознанная необходимость охарактеризовать кого-либо или что-либо словесно: ...**следует сказать**: у этих уже свои мальчики и девочки (1 января 1986 г.); **Надо** **сказать**, что здесь было всегда строго, но уютно (10 августа 1988 г.); И никак **нельзя не** **обратить** на то внимание, что многие из них повторили мать и отца в их негромких профессиях (1 января 1986 г.); ... но всё же к тому суждению сегодня **нелишнее** **добавить** (1 января 1986 г.).

Необходимость действия, осознанная самим субъектом: – *Должны... Мы часто говорим это. Но раз должны, так надо делать* (14 января 1971 г.); – *Дверь-то запереть надо*, не ровен час, войдёт кто, расспрашивать станет, что случилось (1 января 1970 г.); *После этого случая поняла: как можно больше спрашивать надо* (25 июля 1975 г.)

Волеизъявление говорящего, определяющее необходимость того или иного действия: *Им нелишне избавиться от того, ненужного, декларативного, что ко всем нам наприлипало в годы застоя* (5 января 1988 г.); *А он, летая по округу на первом самолёте, с первым лётчиком, объяснял тундровикам, что бояться этой «птицы» нечего* (22 мая 1976 г.); – *Так надо было съездить, а не терять лишний день...* (17 июля 1974 г.).

Долженствование действия по времени: *Вот и порешили они на том совете, что пора и ему осваивать материнское ремесло* (22 октября 1982 г.).

Модальность целесообразности предполагает оценку действия с точки зрения его практической полезности, разумности выполнения, соответствия поставленной цели. В примерах, извлечённых из анализируемых текстов, субъект сам определяет целесообразность выполнения действия для себя и для других: *Иначе зачем ему в шестьдесят восемь лет заканчивать финансово-экономический институт, в семьдесят один лететь в Заполярье, добираться на буровые, навещать страх товарищей или их родственников, оставшихся в живых, рыться в архивах и музейных фондах, планировать пеший переход через Канин, а этим летом – поездку в Кару и Амдерму, постоянно, неутомимо и жадно встречаться с молодёжью. Зачем?* (22 мая 1976 г.); – *А чего говорить, – пожимает он плечами. – Работаем* (22 октября 1982 г.).

Универсальными безличными глаголами, обсуживающими сферу **модальности желательности**, является глагол *хотеться* и его производные, они выражают желательность, связанную с различными волевыми импульсами субъекта:

– потребность: *...именно про учителя порой хочется сказать что-то красивое и высокое* (15 декабря 1970 г.); *Иногда просто ушам своим не хочется верить* (12 сентября 1982 г.);

– стремление: *И ему хочется не только понять сегодняшний, но и заглянуть в завтрашний день* (22 мая 1976 г.); *Но не хотелось Николаю уезжать из родных мест даже на короткое время* (19 января 1986 г.);

– мечтание: *Хотелось подгонять это медленное время, как оленью упряжку...* (22 мая 1976 г.); *И думать ни о чём не хотелось* (19 января 1986 г.);

– намерение: *...хотелось получить в себе разобраться* (25 июля 1975 г.); *Но останавливаться для разговору Русанову не хотелось, поэтому он кивнул только головой, а задерживаться не стал* (27 июня 1971 г.);

– зарождение желания: *Видно, очень захотелось ему в «окошко» поглядеть* (22 мая 1976 г.); *...захотелось решить всё-таки, хорошо это или плохо, что он ушёл на пенсию* (27 июня 1971 г.).

В безлично-модальных предложениях выражается и желательность, связанная с эмоциональным отношением субъекта к действию – сожаление по поводу действия: – *А жаль улетать. И в архиве бы надо ещё посидеть, и в музее...* (22 мая 1976 г.); *Хоть и жалко было отпускать, добрым словом проводили: учись, будем ждать* (25 июля 1975 г.); *И как тут ни крути, а жалко уходить с завода, вот что...* (27 июня 1971 г.).

Облигаторными компонентами структуры **безлично-оценочных предложений** являются именное оценочное слово, связка в форме безличности (в т. ч. нулевая), пропозитивный инфинитив, составляющие предикат, и дательный субъекта: *Вилку вспоминает с великой благодарностью: не окажись тогда с ним рядом ненец – Большой Человек, – может, и труднее было бы Сергею утвердиться в жизни* (22 декабря 1985 г.).

Отсутствие субъектного компонента связано либо с его избыточностью, когда он совпадает с говорящим или собеседником – определённо-личный субъект: –

К вершине стремимся. И коль понимаешь это, **жизнь интересно** (1 января 1970 г.); когда на месте субъекта оценки может оказаться любой человек – обобщённый субъект: **Нелегко**, конечно, **сочетать** производственную работу с общественной (14 января 1971 г.); либо с неполнотой предложения – субъект ясен из контекста или ситуации речи: ...**снегу в лесу по колено, и, не расчистив его, валить дерево нелегко...** (5 января 1988 г.).

Причины незанятости позиции облигаторного инфинитива:

– неполнота предложения – инфинитив ясен из контекста или ситуации речи: – Как, думаю, **возвращаться?** **Стыдно** ведь. Свою землю как не узнать, как не найти? (27 февраля 1971 г.); В ветераны вот только записали – **рановато** вроде бы (22 октября 1982 г.);

– эллиipsis: – Положим, с лодырями **проще**: захотят есть, станут работать (5 января 1988 г.) – оценочное слово + косвенный объект;

– самодостаточность оценочного слова – эмоциональная оценка ситуации: Конечно, первое время **не просто приходилось**, так как знания были, а опыта – мало (12 июля 1972 г.); Спрашивал у главного механика – как, мол, там? **Ничего**, речники к заводу претензий не имеют... (27 июня 1971 г.);

– темпоральная оценка: – Пока **не поздно**, надо так разведку и промышленность вести, чтобы не погубить тундру (22 мая 1976 г.).

Представим разновидности оценочных значений.

Общая положительная оценка действия: – **Хорошо работать** с бригадой Созыкина (14 января 1971 г.); ...но **лучше** его **подстраховать, просить** поверх аппаратного шва ручным (12 сентября 1982 г.).

Оценка возможности действия с точки зрения лёгкости его выполнения:

– физическая лёгкость: Он знал, что на заводе скрепки не пересчитывают, и было жалко себя, а ещё больше маму – **хоть на десяток, хоть на одну железку ей легче бы нести!** (22 октября 1982 г.);

– психоэмоциональная лёгкость: **Дышать стало легче**, когда её, самостоятельности, не было в помине, всё новое давалось **недёшево** (5 января 1988 г.);

– интеллектуальная лёгкость: Но **най-ти** тот дом в глубинке **было нетрудно...** (1 января 1986 г.).

Оценка возможности действия с точки зрения трудности его выполнения – одно из самых частотных значений в анализируемых газетных текстах:

– объективная трудность, связанная с выполнением служебных обязанностей: **Непросто быть хирургом** (12 сентября 1982 г.); **Не просто обеспечить** рентабельность колхоза или совхоза, где производство продукции сопряжено с рядом объективных трудностей, обусловлено погодными аномалиями (5 января 1988 г.);

– физическая трудность: **Не потому, что трудно работать** на тракторе... (25 июля 1975 г.); А зимой, да ещё девчонке, **сделать** это совсем **не просто** (25 июля 1975 г.);

– психоэмоциональная трудность: – Да и **легко ли ей уезжать** от меня было? (1 января 1970 г.) – скрытое отрицание; **Трудно**, конечно, **приходить** гостем туда, где вся жизнь прошла (27 июня 1971 г.);

– интеллектуальная трудность: С вопросом, в котором человеку одному **разобраться трудно**, идут они к П. А. Дурасову... (13 мая 1971 г.); **Трудно переоценить** значение оркестра тех лет для нашего города (10 августа 1988 г.);

– трудность, связанная с осознанием непривычного явления: И правда, **трудно представить** Параскеву Степановну на покое (17 июля 1974 г.); **Трудно, конечно, представить**, как это отдыхать изо дня в день, он ведь человек рабочий... (27 июня 1971 г.).

Оценка действия, обусловленного состоянием окружающей среды – состоянием земной поверхности: **Идти** полем непривычно **убродно**, но вдвоем одолели расстояние незаметно (5 января 1988 г.) – используется диалектный предикатив в значении ‘вязко, рыхло’; пространствен-

ная оценка: ...до кровельного пристанища **идти ещё далеко** (21 января 1981 г.).

Сенсорная оценка действия, обусловленного психическим состоянием человека: страх: *Где-то недалеко слышен волчий вой, и представил себе, как **жутко** в поле, потонувшем в сплошном мраке, **идти** одному* (5 января 1988 г.); тягостные эмоциональные ощущения: **Тошно быть врачом, когда беспомощен** (12 сентября 1982 г.); гедонистическое состояние: **Приятно было тогда Русанову слушать всё это – о нём ведь говорили** (27 июня 1971 г.).

Ментальная оценка действия как интересного, увлекательного: **Слушать Вылку было очень интересно** (22 декабря 1985 г.); как странного, необычного: ...**странно** уж больно для него **не работать в такой погожий день** (27 июня 1971 г.).

Этическая оценка соблюдения моральных, нравственных норм: ...**неудобно ей было обжитое место брать** (1 января 1970 г.).

Основная семантика **контактно-относительных безличных конструкций**, выступающих в качестве главной части сложноподчинённого предложения, – ментальное или эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности, изложенным в изъяснительной придаточной части, которая в некоторых случаях заменяется поясняющей частью бессоюзного сложного предложения.

Дательный субъекта активно представлен в глагольных конструкциях, передающих ситуации, когда что-либо представляется воображению в мечтах, грёзах, при этом выражаются различные варианты семантики кажимости: **Мне без труда представлялось, как в будущем встанет опять плотной стеной рудовый сосняк-макушечник на Гавриловой гари...** (21 января 1981 г.); ...кому-то **показалось, что он нынче неглубок** (5 января 1988 г.) – о снеге; **Но думается** нам, что далеко не последнюю роль играет в этом воспитательном процессе уклад семейной жизни, где сделал свои первые шаги, вырос человек (16 января 1973 г.).

Субъект определённо-личный, равный говорящему, – чувство уверенности в истинности, правильности чего-либо, испытываемом кем-либо: **Верится, что и в эти дни она [бригада] добьётся новых успехов** (14 января 1971 г.); **Верится, что задуманное будет исполнено в ближайшее время** (10 августа 1988 г.); воспоминания: **И до сих пор при случае ... вспоминается, как когда-то одевала к первому классу младшего братишку** (17 июля 1974 г.).

Бессубъектные контактно-относительные предложения с глагольным предикатом передают ситуации ментального обнаружения, выяснения, предположения – субъект здесь избыточен: **Но скоро выясняется, что гостьба-то не случайна** (17 июля 1974 г.); **Оказалось, снимок этот сделала жена Семёна – Рена** (27 февраля 1971 г.); способность человека осмыслить различные внешние по отношению к нему проявления: **Чувствуется, что бригада – это единый организм, где каждый знает точно определённое ему место** (14 января 1971 г.); **Чувствовалось, с огромной гордостью он воспринимает перемены в судьбе родного народа** (22 декабря 1985 г.).

Именные контактно-относительные конструкции, как субъектные, так и бессубъектные, передают ментальное отношение, связанное с восприятием фактов действительности как известных, очевидных, удивительных, важных, странных, понятных, смешных, интересных: **Хотя известно – охотнику на дальних переходах даже ружьё изминает плечи** (21 января 1981 г.); **«Интересно, почему доктор в неурочный час пришёл?»** (19 января 1986 г.); **Понятно, что положение старшего ребёнка в семье – а их у родителей было десятеро – ко многому обязывало** (19 апреля 1981 г.); прямая оценка ситуации: **Хорошо, сами больные помогают...** (12 сентября 1982 г.); – **И хорошо, когда в этих людях есть доброта** (22 мая 1976 г.); слуховое восприятие действительности: **И стало слышно, как ветер осыпает летучим песком резину рыбацких комбинезонов** (7 октября 1982 г.).

Заключение

Безличные предложения играют важную роль в формировании публицистического стиля, в котором совмещаются черты разговорного и художественного стилей. Они обладают немалым изобразительным и экспрессивным потенциалом, помогают выразить большое количество смысловых нюансов. Самыми частотными безличными предикатами, которые встретились нам в анализируемых газетных очерках, являются: *надо, можно, нет, трудно, приходится, приттись*. Вне конкуренции среди других безличных конструкций – безлич-

но-модальные предложения, выражающие отношения между отстранённым субъектом и действием, в них лидируют по частотности употребления конструкции, выражающие модальность необходимости, в которых субъектный компонент реально не представлен. Безличные предложения помогают выразить авторское отношение к описываемому, создать убедительную речевую характеристику героя публикации, передать условия реализации той или иной ситуации.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арват Н. Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев: Вища школа, 1984. 160 с.
2. Воронина Е. Б. Стилистическая функция безличных конструкций в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 5. Арзамас: Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, 2003. С. 121–129.
3. Гордеев Ю. А. Жанровые разновидности современного очерка в печатных и интернет-изданиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 117–120.
4. Коньков В. И. Изображение и образ в медийной среде // Медiasреда. 2020. № 17. С. 37–41.
5. Котаева А. Р. Очерки в прессе и на ТВ: сравнительный речеваналитический анализ // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 294–299.
6. Лаврентьев В. А. Семантика неопределённости лица и средства её выражения в различных типах простого предложения // Русская филология и национальная культура. 2022. № 4 (5). С. 22–34.
7. Лекант П. А. Семантика эмоционального состояния – в форме безличности // Объект исследования – безличность: сборник научных статей / отв. ред. А. В. Петров. Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 4–6.
8. Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Поморский университет, 2007. 295 с.
9. Петров А. В. Стилизирующая роль безличных предложений в художественном тексте (на материале романа В. Набокова «Камера обскура») // Мысль. Слово. Текст. К юбилею Элины Николаевны Осиповой: сборник научных статей / отв. ред. А. В. Петров. Архангельск: КИРА, 2009. С. 77–88.
10. Шаповалова Т. Е. К вопросу о модально-временной характеристике безлично-инфинитивных предложений // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 127–129.

REFERENCES

1. Arvat N. N. *Semanticheskaya struktura prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Semantic Structure of a Simple Sentence in Modern English]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1984. 160 p.
2. Voronina E. B. [Stylistic Function of Impersonal Constructions in A. S. Pushkin's Story "The Captain's Daughter"]. In: *Pushkin na poroge XXI veka: provincial'nyy kontekst. Vyp. 5* [Pushkin on the Threshold of the 21st century: Provincial Context. Vol. 5]. Arzamas, Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaidar Publ., 2003, pp. 121–129.
3. Gordeev Yu. A. [Genre Variety of Contemporary Essays in Print and Online Publications]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2015, no. 4, pp. 117–120.
4. Konkov V. I. [Image and Image in the Media Environment]. In: *Mediasreda* [Mediasreda], 2020, no. 17, pp. 37–41.

5. Kotaeva A. R. [Comparative Analysis of Newspaper and TV Essays]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2019, no. 4 (24), pp. 294–299.
6. Lavrentiev V. A. [The Semantics of the Uncertainty of the Face and the Means of its Expression in Various Types of Simple Sentences]. In: *Russkaya filologiya i nacional'naya kul'tura* [Russian Philology and National Culture], 2022, no. 4 (5), pp. 22–34.
7. Lekant P. A. [Semantics of Emotional State – in the Form of Impersonality]. In: *Ob»ekt issledovaniya – bezlichnost'* [Object of Research – Impersonality]. Arhangelsk, Pomor University Publ., 2004, pp. 4–6.
8. Petrov A. V. *Bezlichnost' kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya russkogo yazyka* [Impersonality as a Semantic and Grammatical Category of the Russian language]. Arhangel'sk, Pomor University Publ., 2007. 295 p.
9. Petrov A. V. [The Style-Forming Role of Impersonal Sentences in a Literary Text (based on the Material of V. Nabokov's Novel "Camera Obscura")]. In: *Mysl'. Slovo. Tekst. K yubileyu Eliny Nikolaevny Osipovoj* [Thought. Word. Text. To the anniversary of Elina Nikolaevna Osipova]. Arhangel'sk, KIRA Publ., 2009, pp. 77–88.
10. Shapovalova T. E. [On the Question of the Modal-Temporal Characteristics of Impersonal-Infinitive Sentences]. In: Shapovalova T. E. *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about Time. Selected Articles]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2022, pp. 127–129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: a.petrov@narfu.ru

Незговоров Сергей Владимирович – аспирант кафедры литературы и русского языка гуманитарного института Филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске; e-mail: s.nezgovorov@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Petrov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; e-mail: a.petrov@narfu.ru

Sergey V. Nezgovorov – Postgraduate Student, Department of Literature and the Russian Language, Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk; e-mail: s.nezgovorov@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Незговоров С. В., Петров А. В. Функционирование безличных предложений в публицистическом стиле // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 69–84.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-69-84

FOR CITATION

Nezgovorov S. V., Petrov A. V. The Functioning of Impersonal Sentences in a Journalistic Style. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 69–84.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-69-84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(091)

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ АВТОРА «ДУШЕНЬКИ» В СТАТЬЕ Н. М. КАРАМЗИНА «О БОГДАНОВИЧЕ И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ»

Джанумов С. А., Петухов А. Д.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности жанра литературного портрета в критическом наследии Н. М. Карамзина на материале его статьи «О Богдановиче и его сочинениях» (1803).

Процедура и методы. Основной метод анализа указанной статьи Карамзина – биографический, так как в ней художественное произведение (в данном случае, поэма И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783)) ставится в прямую зависимость от внутреннего мира автора, от его индивидуальной судьбы и черт личности.

Результаты. Делается вывод, что статья Карамзина носит синкретический характер, т. е. сочетает в себе литературный портрет, некролог и критический разбор поэмы Богдановича «Душенька». Действительно, очерк (можно определить статью Карамзина и так) «О Богдановиче и его сочинениях» говорит о недавно умершем писателе, содержит биографические сведения о нём и оценку его деятельности, что полностью соответствует жанру некролога. И всё же главная заслуга Карамзина при создании литературного портрета Богдановича – это подробный, обстоятельный, профессиональный разбор его главного произведения – поэмы «Душенька», с обильными цитатами, с попутными, весьма ценными комментариями и разъяснениями. Цель этих цитат – наглядно показать художественные достоинства «Душеньки», оправдать то предпочтение, которое оказывает автор статьи поэме Богдановича по сравнению с повестью французского писателя Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669), которая послужила одним из основных источников «Душеньки». Карамзина с его статьёй «О Богдановиче и его сочинениях» бесспорно можно считать основоположником жанра литературного портрета в русской критике.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе представлен целостный анализ статьи Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях», которую можно рассматривать как своеобразное продолжение его статьи «Пантеон российских авторов» (1802), где Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы. Но в отличие от «Пантеона...» внимание Карамзина сосредоточено на литературном портрете одного автора – русского поэта, переводчика, журналиста Ипполита Фёдоровича Богдановича (1743–1803). Подчёркивается, что статья «О Богдановиче и его сочинениях» полностью соответствует эстетическим принципам сентиментализма и художественным вкусам самого Карамзина как писателя и критика, является в какой-то степени программной в его литературно-критической деятельности. Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нём наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества как И. Ф. Богдановича, так и Н. М. Карамзина в вузовских курсах по истории русской литературы и критики.

Ключевые слова: критическая статья, литературный портрет, некролог, поэма, сентиментализм, творческая индивидуальность

LITERARY PORTRAIT OF THE AUTHOR OF “DUSHENKA” IN N. M. KARAMZIN’S ARTICLE “ABOUT BOGDANOVICH AND HIS WORKS”

S. Dzhanumov., A. Petukhov

Moscow City University

pr. Vtoroi Selskokhozyaystvennyi 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the features of the literary portrait genre in the critical heritage of N. M. Karamzin on the material of his article “About Bogdanovich and his works” (1803).

Methodology. The main method of analyzing this article by Karamzin is biographical, since in it a work of art (in this case, I. F. Bogdanovich’s poem “Dushenka” (1783)) is directly dependent on the inner world of the author, on his individual fate and personality traits.

Results. It is concluded that Karamzin’s article is of a syncretic nature, that is, it combines a literary portrait, an obituary and a critical analysis of Bogdanovich’s poem “Dushenka”. Indeed, the essay (Karamzin’s article can be defined in this way) “About Bogdanovich and his works” speaks about the recently deceased writer, contains biographical information about him and an assessment of his activities, which fully corresponds to the obituary genre. And yet, the main merit of Karamzin in creating a literary portrait of Bogdanovich is a detailed, thorough, professional analysis of his main work – the poem “Dushenka”, with abundant quotations, with accompanying and very valuable comments and explanations. The purpose of these quotations is to clearly show the artistic merits of “Dushenka”, to justify the preference that the author of the article gives to Bogdanovich’s poem in comparison with the story of the French writer Jean de La Fontaine “The Love of Psyche and Cupid” (1669), which served as one of the main sources of “Dushenka”. Karamzin with his article “About Bogdanovich and his works” can undoubtedly be considered the founder of the literary portrait genre in Russian criticism.

Research implications. The paper presents a holistic analysis of Karamzin’s article “About Bogdanovich and his works”, which can be regarded as a kind of continuation of his article “The Pantheon of Russian Authors” (1802), where Karamzin acts not only as a critic, but also as a historian of Russian literature. But unlike the “Pantheon ...”, here Karamzin’s attention is focused on the literary portrait of one author – the Russian poet, translator, journalist Ippolit Fedorovich Bogdanovich (1743–1803). It is emphasized that the article “About Bogdanovich and his works” is fully consistent with the aesthetic principles of sentimentalism and the artistic tastes of Karamzin himself as a writer and critic, and is to some extent flagship in his literary and critical activity. The practical significance of the study lies in the fact that its observations and conclusions can be used in the further study of I. F. Bogdanovich’s and N. M. Karamzin’s works in university courses on the history of Russian literature and criticism.

Keywords: critical article, literary portrait, obituary, poem, sentimentalism, creative individuality

Введение

Статью Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях»¹ можно рассматривать как своеобразное продолжение его статьи «Пантеон российских авторов» (1802), где Карамзин выступает не только как критик, но и как историк отечественной литературы (более подробно об этом сочинении Карамзина см. в нашей статье [2, с. 87–97]).

Но в отличие от «Пантеона...» внимание Карамзина сосредоточено на литературном портрете одного автора – русского поэта, переводчика, журналиста Ипполита Фёдоровича Богдановича (1743–1803). Н. Д. Кочеткова в одной из глав «Очерков истории русской литературной критики» отмечает, что статья «О Богдановиче и его сочинениях» носит синкретический характер, соединяет в себе «...и некролог, и литературную биографию (литературный портрет), и критический разбор поэмы И. Ф. Богдановича “Душенька”» [4, с. 145].

¹ Впервые: Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. № 9. С. 3–18; 1803. № 10. С. 75–111.

Действительно, данный очерк Карамзина по многим признакам отвечает всем перечисленным выше жанровым разновидностям критической статьи. «Довольно отчётливые формы» литературного портрета находил в этом сочинении Карамзина Л. П. Гроссман в статье «Жанры художественной критики»¹: «Мы с полной отчётливостью ощущаем этот живой, красочный, экспрессивный критический вид, схватывающий в писательской индивидуальности самые выразительные черты её творческого облика и запечатлевающий их в той тонко организованной системе, которая раскрывает нам в синтетической зарисовке весь характер оригинала» [1, с. 71].

В последние годы некоторые исследователи всё больше склоняются к тому, что статья Карамзина по существу является некрологом. Так, К. А. Онипко в статье «Первые русские некрологи: герои и контексты» (2018) полагает, что биографический очерк «О Богдановиче и его сочинениях» можно отнести к жанру некролога на основании того факта, «...что публикация его состоялась почти сразу после смерти его героя. Привязка к смерти является конститутивной особенностью некролога» [7, с. 83].

Такого же мнения придерживается и Е. Е. Надточий в статье «К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина» (2021), делая вывод, что «...Карамзин переносит акцент со служебных заслуг на “жизнь сердца” своего героя, смерть которого становится поводом для рассказа об истории личности» [6, с. 43]. Показательно, что Е. Е. Надточий сопрягает, объединяет в некрологическом очерке Карамзина две указанные выше жанровые разновидности критической статьи: «В майском номере журнала («Вестник Европы». – С. Д., А. П.) Карамзин публикует уже развёрнутый очерк “О Богдановиче и его сочинениях”, который представляет новую версию некрологического жанра – литературный портрет (курсив наш. – С. Д., А. П.)» [6, с. 43].

¹ Впервые: Гроссман Л. П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–71.

Действительно, очерк (можно определить статью Карамзина и так) «О Богдановиче и его сочинениях» говорит о недавно умершем писателе, содержит биографические сведения о нём и оценку его деятельности, что полностью соответствует жанру некролога.

Жизнь и творчество Богдановича в статье Карамзина

Первые несколько страниц анализируемой статьи Карамзина посвящены отдельным фактам биографии Богдановича, его сближению с М. М. Херасковым, оказавшим огромное влияние на начинающего поэта: «Итак, счастливая звезда привела молодого ученика муз к их знаменитому любимцу, который, имея сам великий талант, умел открывать его и в других»². Много места в статье Карамзина уделено стихотворному переводу Богдановичем «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера: «Уже дарование его (Богдановича. – С. Д., А. П.) с блеском обнаружилось тогда в переводе Вольтеровых стихотворений, а всего более – в поэме на разрушение Лиссабона, которую Богданович перевёл так удачно, что многие стихи её не уступают красоте и силе французских»³. В подтверждение своего суждения Карамзин приводит несколько фрагментов из перевода Богдановичем этой поэмы.

Внимание Карамзина в статье обращено также на первые самостоятельные поэтические опыты Богдановича, опубликованные среди прочих в журнале «Невинное упражнение» («Вместе с переводами напечатаны в сем журнале и многие его сочинения, из которых иные отличаются нежностью и хорошими мыслями...»⁴), а также на его журналистскую деятельность: «...выдавал 16 месяцев журнал под титулом Петербургского вестника...»⁵ (в названии журнала Карамзин не совсем точен:

² Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 129.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 134.

на самом деле журнал назывался «Собрание новостей». Но эта неточность объясняется тем, что в данном случае Карамзин целиком доверился «Автобиографии» Богдановича, где этот журнал ошибочно назван «Санкт-Петербургский вестник»).

Наконец, после более или менее кратко изложения некоторых фактов биографии Богдановича Карамзин приступает к основной цели своей статьи – подробному и обстоятельному рассмотрению главного произведения Богдановича – поэмы «Душенька» (1783), о которой восторженно отзывались не только его современники, но и последующие писатели и критики. Достаточно вспомнить хорошо известную высокую оценку поэмы В. Г. Белинского в его первой крупной статье «Литературные мечтания» (1834): «Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всех громким одоением; уже начинали думать, что русский язык неспособен к так называемой *лёгкой поэзии* (курсив Белинского. – С. Д., А. П.), которая так цвела у французов, и вот в это время является человек с сказкою, написанною языком простым, естественным и шутливым, слогом, по тогдашнему времени, удивительно лёгким и плавным: все были изумлены и обрадованы. Вот причина необыкновенного успеха “Душеньки”...»¹.

Характеризуя творческую индивидуальность Богдановича и посвящая большую часть своей статьи знаменитой поэме-сказке «Душенька», Карамзин стремится показать внутренний мир писателя, его житейские, личностные качества. Поскольку статья Карамзина принадлежит к жанру литературного портрета, автору статьи важно не только сделать акцент на поэме Богдановича как «произведении души» автора, но и рассказать, в какой житейской атмосфере, на каком эмоциональном фоне создавалась «Душенька»: «Богданович с удовольствием говаривал после о времени её сочинения. Он жил тогда на Васильевском острове, в тихом, уединённом домике (сразу приходит на ум по-

весть романтика-любомудра В. П. Титова «Уединённый домик на Васильевском» (1829), название которой, возможно, подсказано этими строками Карамзина из его статьи. – С. Д., А. П.), занимаясь музыкою и стихами, в счастливой беспечности и свободе; имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но ещё более возвращаться домой, где муза ожидала его с новыми идеями и цветами...»².

Навевая этими и следующими ниже пассажами идеализированный образ творца «Душеньки», Карамзин тут же указывает и основные источники поэмы Богдановича: знаменитый роман а одиннадцати книгах «Метаморфозы» (более известный под названием «Золотой осёл») римского писателя Луция Апулея (ок. 125 – ок. 180), одна из новелл которого воссоздаёт миф об Амуре и Психее (книги 4–6), и также «складную повесть» французского писателя и баснописца Жана де Лафонтена (1621–1696) «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Но если Апулей («славный остроумец и колдун, по мнению народа римского»³) упоминается в статье Карамзина лишь однажды, то далее весь анализ «Душеньки» построен на сопоставлении поэмы Богдановича именно с повестью Лафонтена. Признавая, что «Любовь Психеи и Купидона» «служила образцом для русской “Душеньки”», Карамзин подчёркивает своеобразие и даже в чём-то превосходство поэмы Богдановича по сравнению с повестью Лафонтена: «...но Богданович, не выпуская из глаз Лафонтена, идёт *своим* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) путём и рвёт на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта. Скажем без аллегии, что Лафонтеново творение полнее и совершеннее в эстетическом смысле, а «Душенька» во многих местах приятнее и живее и вообще превосходнее тем, что писана стихами: ибо хорошие стихи всегда лучше хоро-

¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 51.

² Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 134.

³ Там же.

шей прозы; что труднее, то имеет и более цены в искусствах»¹.

Далее статья Карамзина на протяжении почти пятнадцати страниц заполнена обширными выписками, цитатами из поэмы Богдановича и повести Лафонтена с краткими комментариями, пояснениями и критическими пассажами. Цель этих цитат – наглядно показать художественные достоинства «Душеньки», оправдать то предпочтение, которое оказывает автор статьи поэме Богдановича по сравнению с «Лафонтеновым творением» (которое, естественно, цитируется на французском языке): «Желая украсить гроб сего любезного поэта собственными его цветками (курсив Карамзина и одновременно неизбежная дань жанру некролога. – С. Д., А. П.), напомним здесь любителям русского стихотворства лучшие места "Душеньки". ... В таком сочинении всё правильно, что забавно и весело, остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко – и в самом деле, не трудно, – но только для людей с талантом»².

Приводя многочисленные фрагменты из «Душеньки», Карамзин, как правило, сопровождает их восторженными восклицаниями, риторическими вопросами. Красной нитью в статье Карамзина проходит мысль о неоспоримых преимуществах стихов над прозой: «Надобно также заметить, что некоторые изображения и предметы необходимо требуют стихов для большего удовольствия читателей и что никакая гармоническая, цветная проза не заменит их. ... Лафонтен сам это чувствовал и для того нередко оставляет прозу; но он сделал бы гораздо лучше, если бы совсем оставил её и написал поэму свою от начала до конца в стихах»³.

Ещё одна особенность некролога Карамзина, на которую впервые обратила внимание К. А. Оніпко в указанной выше статье «Первые русские некрологи: герои и

контексты»: это предпочтение, которое он оказывает эпитету «приятный» перед другими художественными и образными определениями. К. А. Оніпко объясняет это тем, что жизнеописание Богдановича в статье Карамзина ориентировано преимущественно на женскую читательскую аудиторию: «Недаром самым распространённым эпитетом жизнеописания является слово "приятный" (стихи в "Душеньке" "умны и приятны", приятна жизнь Богдановича в Дрездене, приятные стихи поэта рождаются за счёт вдохновения, вызванного чувствительностью "к любезности женской")» [7, с. 84].

Это наблюдение исследователя можно подкрепить и умножить ещё целым рядом примеров из статьи Карамзина: «И как всё приятно сказано!» (выше автор статьи писал: «... Хорошо сказано». – С. Д., А. П.)⁴; «Ужасы Душенькина путешествия изображены во французской сказке как действительные ужасы, а в русской – с приятною шутливостию...»⁵; «Последний (Богданович. – С. Д., А. П.) отделался от читателей приятною шуткою...»⁶; «Просто и так мило, что, может быть, никакое другое место в "Душеньке" не делает в читателе столь приятного впечатления»⁷; «...но вообще столь приятна («Душенька». – С. Д., А. П.), что благоразумный критик ... не захочет на счёт её доказывать своей тонкой разборчивости...»⁸; «От 1775 до 1789 году он (Богданович. – С. Д., А. П.) сочинил "Историческое изображение России", часть I (опыт лёгкий, несовершенный, но довольно приятный)...»⁹; «Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: "Мне минуло пятнадцать лет"»¹⁰; «Приятный климат, любезные воспоминания детства ... влекли Богдановича к счастливым странам Малороссии...»¹¹; «...надежда быть – если не прелестным, то хотя приятным ... заво-

¹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 134–135.

² Там же. С. 135.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Там же. С. 151.

¹¹ Там же. С. 152.

дит иногда и не поэтов весьма далеко...»¹; «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его ... какую-то невинную весёлость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе»²; «...ибо творец „Душеньки“ будет известен потомству – как стихотворец приятный...»³.

Слово «приятный» неслучайно является одним из ключевых в статье Карамзина. Хорошо известен и не раз цитируется в работах исследователей тот фрагмент из его письма к И. И. Дмитриеву от 22 июня 1793 г., где Карамзин пространно рассуждает о «приятности» одних слов в русском языке, в литературе и грубости, даже «отвратительности» других – просторечных (причём и те, и другие могут употреблять крестьяне («поселяне»): «*Пичужечки* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) не переменяй, ради Бога не переменяй! ... Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышу его в чистом поле от добрых поселян. ... Один мужик говорит: *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно»⁴.

Другие ключевые слова и эпитеты в статье Карамзина, характеризующие Богдановича, его жизнь и творчество, также связаны с эстетикой и стилистикой сентиментализма: «чувствительный» (поскольку чувствительный герой является идеалом эпохи сентиментализма. Вспомним хотя бы психологический очерк Карамзина «Чувствительный и холодный. *Два характера*» (1803)): «Но мы ещё должны заметить одну черту характера его (Богдановича. – С. Д., А. П.), едва ли не во всех поэтах явную и резкую, чувствительность к любезности женской, которая всегда служила вдохновением для сти-

хов приятных»⁵; «Он (Богданович. – С. Д., А. П.) приехал в Сумы с намерением вести там жизнь свою в кругу ближайших родных и наслаждаться её тихим вечером в объятиях природы, всегда любезной для чувствительного сердца, особливо для поэта»⁶; «...всегда можно любить, пока сердце живо, и взор чувствительной женщины изъясняет нам симпатию»⁷; «Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность...»⁸.

Литературный портрет Богдановича был бы неполным без выдвижения на первый план некоторых других нравственных качеств автора «Душеньки», прежде всего, его добродушия, нежности и простосердечия. Это полностью согласуется с программной статьёй Карамзина «Что нужно автору?»⁹: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, проникающий разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей...»¹⁰.

Комментируя данное суждение Карамзина, Н. Д. Кочеткова замечает: «Исходя из этого принципа, Карамзин как бы воссоздаёт облик писателя по его произведениям» [5, с. 148]. Сам Карамзин поясняет приведённые выше слова в статье «Что нужно автору?» следующим образом: «Творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей», – а ниже формулирует основной постулат своей статьи: «Ты берёшься за перо и хочешь быть автором – спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я?* (курсив

¹ Карамзин Н. М. О Богдановиче и его сочинениях // Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» // сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 153.

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 154.

⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / изд. с прим. Я. Грот, П. Пекарский. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1886. С. 39.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 130–131.

⁶ Там же. С. 152.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 153.

⁹ Впервые: Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Аглая. 1794. Кн. 1. С. 27–31

¹⁰ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 60.

Карамзина. – С. Д., А. П.) ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего»¹.

Этот тезис Карамзина справедлив и по отношению к его статье «О Богдановиче и его сочинениях». В жизнеописании Богдановича постоянно обращается внимание на его «нежную душу»², «редкое добродушие»³, «невинную весёлость»⁴, на то, что автор «Душеньки» был «...стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый»⁵.

Конечно, такой литературный портрет мог бы показаться несколько идеализированным, если бы Карамзин доверялся только собственным впечатлениям от чтения «Душеньки» и собственному восприятию характера Богдановича, иными словами, полагался бы только на собственный художественный вкус. Но Карамзин специально оговаривает, что получил информацию о Богдановиче от людей, которые довольно хорошо знали творца «Душеньки»: «Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора»⁶.

Как мы уже отмечали выше, сравнивая поэму Богдановича и повесть Лафонтена, Карамзин, как правило, отдаёт предпочтение русскому писателю. И не из-за «квасного патриотизма» (выражение П. А. Вяземского), а потому, что в соответствии с эстетикой сентиментализма и собственным непогрешимым художественным вкусом он объективно всегда на стороне «творца „Душеньки“». Вот только несколько примеров: «Любезное имя, которым Богданович назвал свою героиню, представляет ему счастливую игру мыслей, которой Лафонтен мог бы позавидовать»⁷; «Жалобы Венеры в русской поэме луч-

ше, нежели во французской сказке...»⁸; «Богданович и мыслями и выражениями побеждает опасного совместника»⁹; «...Венерино шествие у Лафонтена эскиз, у Богдановича картина»¹⁰; «Французские стихи хороши, но русские ещё игривее и живее...»¹¹; «Что француз остроумно говорит прозою, то русский не менее остроумно, и ещё милее, сказал в стихах»¹²; «В описании Душенькиных бедствий некоторые черты также гораздо счастливее у Богдановича...»¹³.

И весь этот сопоставительный анализ подкрепляется и обосновывается многочисленным и обширными выписками из поэмы Богдановича и повести Лафонтена. Но та же присущая Карамзину критика объективности побуждает его указать и на отдельные недостатки и слабые в художественном отношении места в поэме Богдановича: «Заметив хорошие и прекрасные места в „Душеньке“, скажем, что она, конечно, не вся писана такими счастливыми стихами...»¹⁴. Кроме того, Карамзин, верный эстетическим принципам и художественным вкусам сентиментализма, при цитировании поэмы Богдановича опускает те слова и выражения, которые кажутся ему слишком грубоватыми и просторечными. Так, приводя в сокращении жалобы Душеньки на свои несчастья, о которых она рассказывает старому рыбаку, Карамзин восхищается некоторыми стихами поэмы, например, такими:

«“Но кто ты?” – старец спросил.

“Я Душенька – люблю Амура”».

Последний стих прекрасен и трогателен, несмотря на шуточный тон автора»¹⁵. Но

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 60; 61.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 136.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Там же. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 138.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Там же. С. 139.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 147.

при этом Карамзин намеренно обрывает цитату и «забывает» привести последующие строки:

«Потом заплакала, как дура,
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся Натура»¹.

(В связи со стихом «Потом заплакала, как дура», нельзя не вспомнить фразу Екатерины II, которую она, после прочтения оды Г. Р. Державина «Фелица» (по воспоминаниям автора этой оды), обронила в присутствии Е. Р. Дашковой: «...кто бы меня так коротко знал, который умел так приятно описать, что, ты видишь, я как дура плачу»²).

И это не единственное место в поэме, где налицо сниженная лексика. Слова «дурость», «дура» ещё не раз встречаются в поэме: «Оставив Душеньку за дурость и за грех...»³; «Но Душенька дотоль в раю / Была супругою Амура, И участь Душенька свою / Утратила потом как дура»⁴.

В своей статье Карамзин отмечает и те места поэмы Богдановича, которые окрашены национальным колоритом, так или иначе связаны с русским фольклором: «Русская Душенька *служит* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) только трудные, опасные *службы* богине, совершенно в тоне русских старинных сказок, и прекрасно: идёт за живою и мёртвою водою, к змею Гарыничу, и так хорошо, с женскою хитростию, ублажает его...»; «Богданович, приводя Душеньку к злому Кашею, не сказывает нам его загадок: жаль! Здесь был случай выдумать нечто остроумное»⁵. И даже тот стих из поэмы Богдановича, который особенно нравится

Карамзину и который он выделяет среди других «нежных, прекрасных стихов» «Душеньки» («Всего же более люблю обращение поэта к красавице: “Во всех ты, Душенька, нарядах хороша...”»⁶), опять-таки не случайно помечен, так сказать, «знаком качества». Карамзин как будто предвидел, что это шутливо-восторженное обращение поэта к своей героине станет крылатым выражением, а также будет использовано в качестве эпиграфа к одной из пушкинских «Повестей Белкина» – «Барышне-крестьянке».

Любовь Богдановича к фольклору, по мнению Карамзина, проявилась и в том, что уже после создания «Душеньки» автор поэмы взялся за литературную обработку русских пословиц: «Исполняя также волю сей монархини (Екатерины II. – С. Д., А. П.), он издал “Русские пословицы” (имеется в виду сборник 1785 г. в трёх частях. – С. Д., А. П.), в которых сохранились драгоценные остатки ума наших предков, их истинные понятия о добре и мудрые правила жизни»⁷.

Суждение Карамзина о высоких художественных достоинствах, о мудрости русских пословиц бесспорно, но к сборнику Богдановича оно имеет весьма отдалённое отношение, поскольку как фольклорист автор «Душеньки» в данном случае проявил себя не лучшим образом. Богданович позволял себе искажать традиционную форму пословиц, переключивать их в стихотворные двустопия или даже четверостишия, т. е. подвергать их литературной обработке.

Более справедливо мнение Карамзина об исключительной популярности стихотворения Богдановича «Пятнадцать мне минуло лет...» (вариант первой строки в народной переработке: «Мне минуло пятнадцать лет». – С. Д., А. П.): «Но некоторая из приятных безделок Богдановича не была так известна и славна, как его песня: “Мне минуло пятнадцать лет”. Она *сделалась народною* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.), и доныне – несмотря на множество

¹ Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 97.

² Державин Г. Р. Избранная проза / сост., вступ. ст., прим. П. Г. Паламарчука. М.: Советская Россия, 1984. С. 255.

³ Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 87.

⁴ Там же. С. 88–89.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 149; 149.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же. С. 150–151.

новых любимых песен – сохраняет своё достоинство»¹.

Заключение

Таким образом, Карамзина с его статьёй «О Богдановиче и его сочинениях» с полным основанием можно считать основоположником жанра литературного портрета в русской критике. Б. Ф. Егоров в книге «О мастерстве литературной критики...» отмечал, что именно Карамзин открыл «...русскому читателю ещё один критический жанр – *литературный портрет*»² (курсив Б. Ф. Егорова. – С. Д., А. П.), т. е. очерк жизни и творчества писателя. В новом своём журнале «Вестник Европы», открывающем XIX в., Карамзин опубликовал статью «О Богдановиче и его сочинениях», первую обширную критическую статью такого рода. ... Понятно, что и жанр литературного портрета тоже глубоко был связан с сентименталистским методом: здесь то же подчёркивание индивидуального, личного, особенного» [3, с. 23].

И всё же главная заслуга Карамзина при создании литературного портрета Богдановича – это подробный, обстоятельный, профессиональный разбор его главного произведения – поэмы «Душенька», с обильными цитатами, с попутными, весьма ценными комментариями и разъяснениями. Полагая, что именно «Душенька» положила начало поэзии личных чувств

и переживаний, Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» считал, что «благоразумный критик, чувствительный к красотах искусства и дарования», «... не забудет, что Ипполит Богданович *первый* (курсив Карамзина. – С. Д., А. П.) на русском языке играл воображением в лёгких стихах...»³.

И хотя многие исследователи считают создателем так называемой «лёгкой поэзии» (*франц. poésie fugitive*) в русской литературе К. Н. Батюшкова, сам поэт в «Речи о влиянии лёгкой поэзии на язык» (1816) отдавал пальму первенства в этом отношении «Душеньке» Богдановича: «Стихотворная повесть Богдановича, первый и прелестный цветок лёгкой поэзии на языке нашем, озаменованный истинным и великим талантом...»⁴.

Но как бы то ни было, нельзя не признать совершенно правомерным суждение современного литературоведа А. Л. Зорина: «В своём лучшем произведении он (Богданович. – С. Д., А. П.) с точностью истинного поэта поставил памятник веку, умевшему сочетать несочетаемое: грубость и грацию, простодушие и утончённость, циническую усмешку и неприступную чувствительность. “Душеньку” можно любить только вместе с её эпохой. В этом слабость поэмы, но в этом и её прелесть, не выцветшая за два столетия»⁵.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссман Л. П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–81.
2. Джанумов С. А., Петухов А. Д. Идеино-эстетическая программа Н. М. Карамзина в статье «Пантеон российских авторов» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 87–97.
3. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 231 с.
4. Кочеткова Н. Д. Критика 1780–1790-х годов. Сентиментализм // Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. Т. 1. XVIII – первая четверть XIX в. / под ред. Ю. В. Стенника. СПб.: Наука, 1999. С. 120–150.

¹ Карамзин Н. М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / сост., комм. Г. П. Макогоненко. Л.: Художественная литература, 1984. С. 151.

² Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. (1-е изд.: Л.: Сов. писатель, 1980). 231 с.

³ Там же. С. 150.

⁴ Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии / сост., вступ. ст., комм. В. А. Кошелева. М.: Современник, 1985. С. 163.

⁵ Зорин А. Л. Незабвенная «Душенька» // Богданович И. Ф. Душенька: Древняя повесть в вольных стихах. М.: Ладомир, 2002. С. 20.

5. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 282 с.
6. Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 42–46.
7. Онипко К. А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Литературоведение. 2018. № 1 (170). С. 83–87.

REFERENCES

1. Grossman L. P. [Genres of Artistic Criticism]. In: *Iskusstvo* [Art], 1925, no. 2, pp. 61–81.
2. Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. [Ideological and Aesthetic Program of N. M. Karamzin in the Article “Pantheon of the Russian Authors”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 1, pp. 87–97.
3. Egorov B. F. *O masterstve literaturnoj kritiki. Zhanry, kompozitsiya, stil'* [On the Skill of Literary Criticism. Genres, Composition, Style]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 231 p.
4. Kochetkova N. D. [Criticism of the 1780–1790s. Sentimentalism]. In: *Ocherki istorii russkoj literaturnoj kritiki. T. 1. XVIII – pervaya chetvert' XIX v.* [Essays on the History of Russian Literary Criticism. Vol. 1. XVIII – First Quarter of the XIX century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, pp. 120–150.
5. Kochetkova N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma. (Esteticheskie i hudozhestvennye iskanija)* [Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and Artistic Quests)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p.
6. Nadtochi E. E. [To on the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by Nikolay Karamzin]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 463, pp. 42–46.
7. Onipko K. A. [The First Russian Obituaries: Heroes and Contexts]. In: *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Literaturovedenie* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Literary Studies], 2018, no. 1 (170), pp. 83–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Петухов Александр Дмитриевич – аспирант департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Seyran A. Dzhanumov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University;

e-mail: DjanumovSA@mail.ru

Alexander D. Petukhov – Postgraduate Student, Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City University;

e-mail: alexpetukhov44@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А., Петухов А. Д. Литературный портрет автора «Душеньки» в статье Н. М. Карамзина «О Богдановиче и его сочинениях» // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 85–94.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94

FOR CITATION

Dzhanumov S. A., Petukhov A. D. Literary Portrait of the Author of “Dushenka” in N. M. Karamzin’s Article “About Bogdanovich and His Works”. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 85–94.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-85-94

УДК 821.161.1.09-1+929

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105

ЛИРО-ФИЛОСОФСКАЯ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ Б. ОКУДЖАВЫ

Иванов Е. Е.¹, Иванова Г. П.²

¹Московский международный университет

125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация

²Новосибирское высшее военное командное училище

630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, д. 49, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обозначить происхождение доминантных философем в контексте всего творчества поэта и рассмотреть поэзию Б. Окуджавы как эстетико-философский феномен.

Процедура и методы. Для комплексного выявления художественно-философской целостности поэзии Б. Окуджавы выделены магистральные лейтмотивные линии в герменевтическом освещении.

Результаты. Впервые производится объяснение роли знака многоточия в заголовочно-финальном комплексе ряда стихотворений. Многоточие предвещает вербальный текст как метаэлемент и связывает отдельные стихотворения в общий многозначительный и многоплановый дискурс. Обозначены ирреалистические черты поэтики и мифопоэтики как детерминантные в построении авторского неомифа. Специфическое восприятие Кавказа в лирических сюжетах Б. Окуджавы и его «арбатский текст» солидаризированы в космогоническом ключе совместной трапезы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введённое понятие лиро-философской метатекстуальности позволяет производить литературоведческий анализ поэтических произведений в ракурсе жанрово-родовой конвергенции.

Ключевые слова: автоцитация, гнозис, идиостиль, ирреализм, лиро-философский, метатекст, мифопоэтика

LYRIC-PHILOSOPHICAL METATEXTUALITY IN THE POETRY OF B. OKUDZHAVA

E. Ivanov¹, G. Ivanova²

¹Moscow International University

prosp. Leningradsky 17, Moscow 125040, Russian Federation

²Novosibirsk Higher Military Command School

ul. Ivanova 49, Novosibirsk 630117, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the origin of dominant philosophemes in the context of the poet's entire work and to consider the poetry of B. Okudzhava as an aesthetic and philosophical phenomenon.

Methodology. For a comprehensive identification of the artistic and philosophical integrity of B. Okudzhava's poetry, the main leitmotif lines in hermeneutical perspective are highlighted.

Results. For the first time, the role of the ellipsis sign in the title-final complex of a number of poems is explained. The ellipsis precedes the verbal text as a meta element and links individual poems into a general meaningful and multifaceted discourse. The authors identify the unrealistic features of poetics and mythopoetics as determinant in the construction of the author's neo-myth. The specific perception of the Caucasus in the lyrical plots of B. Okudzhava and his "Arbat text" are aligned in the cosmogonic key of a joint meal.

Research implications. The introduced concept of lyric-philosophical metatextuality allows to conduct literary analysis of poetic works from the perspective of genre-generic convergence.

Keywords: autocitation, gnosis, idiosyncrasy, unrealism, lyric-philosophical, mythopoetics, metatext

Введение

«О, философичен шансонье Окуджавы» [3, с. 38], – восхищаясь Б. Окуджавой, Г. Гачев сравнивает его с А. Пушкиным: “... ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под лёгким покрывалом”¹. В наследии Б. Окуджавы присутствуют произведения как стихотворные, так и прозаические, но для ответа на вопрос самого автора – «в чём философия была?» («Собрался к маме – умерла») возьмём за установку утверждение С. С. Аверинцева «стих выбран для рассуждения, именно стих, просто потому, что в нём концентрированнее и осязаемее присутствует то начало, без которого невозможна, конечно, и проза...» [1].

Поэтическое творчество как единое художественное послание

В инструментарном отношении мы опираемся на концепцию А. В. Радионовой, в которой лиро-философский метатекст обозначен как «сверхтекстовое образование, в котором поэты в поэтической форме рассматривают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства» [11, с. 19]. За неимением в литературоведении термина, который позволил бы обобщить диффузно распределённые лиро-философские метатексты в поэзии Б. Окуджавы, для интеграции элементов философского дискурса мы используем термин *метатекстуальность*. Перенос понятия «текст о тексте» из теории метатекстуальности и практики анализа прозы мы находим возможным потому, что зачастую писатель и поэт как одно и то же лицо сам стремится к авторефлексивному соединению литературного материала, доказательством чему служит ряд лирических стихотворений Б. Окуджавы, например, «Я пишу исторический роман», «Пишу роман. Тетradка в клеточку...». В одних он обсуждает писательскую «кухню» – использование художественной детали и актуализацию прошлого в произведении («Римская им-

перия времени упадка...», «Читаю мемуары разных лиц...»), в других сосредоточен на процессе создания романа («Работа») и автобиографичности («Прогулки фрайеров»), в третьих взволнован проблемой сюжетности («Я горой за сюжетную прозу...»). А в «Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки, и струны...» лирический герой ставит сущностный вопрос: «кто знает – что проза такое? Кто знает, что значит стихи?»².

Поэзия Б. Окуджавы полна недоговорённости, загадок и многоточий. Для дешифровки его текстов требуется метатекстуальный подход, сравнение и интерпретация стихотворений в контексте всего творчества поэта. Лиро-философская метатекстуальность – это объединение онто-бытийных компонентов в поэтическом мире как интенции, маркированной «автоаллюзиями писателя к собственным текстам» [9, с. 1361]. Так, стихотворение «Взяться за руки не я ли призывал вас, господ?» отсылает к «Старинной студенческой песне»; а слова «до свидания, девочки! Выбора нет! Постарайтесь вернуться назад!»³ («Сладкое бремя, глядишь, обернётся копеечкой...») – автоцитация «До свидания, мальчики»; строки «Новогодняя ель – на помойке. / Ни надежд, ни судьбы, ни любви»⁴ («Мне не нравится мой силуэт...») напоминает о «Прощании с новогодней ёлкой», а в «Калифорния в цвету. Белый храм в зелёном парке...» читаем: «Я уже писал о том, как объятья наши жарки / от предчувствия разлуки. Ничего, что повторяюсь»⁵.

Но это атрибутированные автором повторы. В поэзии Б. Окуджавы наличествует пласт неочевидных смысловых структур, рассеянных по всему корпусу поэтических текстов, и ряд отдельных загадочных стихотворений, которые требуют «медленного чтения», герменевтических усилий в поиске раскрывающего их авторского ключа.

² Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 460.

³ Там же. С. 504.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ Там же. С. 478.

¹ Пушкин А. С. К Каверину // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. 1813–1820. Л.: Наука, 1977. С. 211.

Многоточие и автоцитация в функции смысловых скреп

Разбор лиро-философской метатекстуальности позволяет охватить движение авторской мысли как идиостилевого феномен. В этом плане сразу привлекает необычный приём, когда стихотворение начинается с многоточий, которые качественно отличаются от многоточия в конце стихотворений, как в «Красных цветах», где его функционал не превышает общепотребимого значения этого знака как «открытого финала». Лирические тексты как выплески индивидуализированного эмоционального состояния с помощью многоточия в начале индексируют связь со сферой уже вышедших в свет стихотворений, знак многоточия фиксирует звенья дискретного процесса творческого осознания мира, выводит личное в обобщённо значимое, объективирует эмоциональный план авторского субъекта и абстрагирует конкретно выраженные чувства в стихах. Как модус текста он переводит лирическое начало в повествовательное, являясь фактором авторской стратегии, которая у Б. Окуджавы заключается в том, чтобы заинтриговать читателя, вывести его из автоматического восприятия вещей.

Иллюстрацией такого расширения поэтического текста и сближения его с прозаическим служит, например, начало стихотворения «Летний сад»: «...Это было тогда»¹. Здесь синтетический знак многоточия можно отнести к заголовочному комплексу, интерпретируя его семиотическую роль не только в контексте уже написанных стихотворений Б. Окуджавы, но и к топосу «Летнего сада» как части «петербургского текста» в русской культуре. Стихотворение «Арбатский дворик» начинается элегической строкой «...А годы проходят, как песни»², которое включает данное стихотворение прежде всего в окказиональный «арбатский текст» Б. Окуджавы, ставший его «фирменным знаком». Многоточие в

«...И когда удивительно близко...» и в «...Вот я добираюсь...» индексирует инвариант «дороги», которая у Б. Окуджавы всегда реализуется как лиро-философский метатекст с коннотациями жизненного пути, становления и познания мира, а также, как миссия творца в фокусе его «Предназначенья». Многоточие, таким образом, позиционируется не только метатекстуальным ингредиентом, но и философской составляющей авторской мысли, является идеографическим знаком. В стихотворении «...И когда под вечер над тобою...» («Ситцевые женщины») многоточие в сильной позиции начала служит композиционной организацией этого текста, который заканчивается строками: «Я – алхимик. / Ты – моя проблема / вечная... / Тебя не разрешить»³, – в котором смысловой доминантой является слово «вечная...» в сочетании с семантически нагруженным многоточием, повторяющим начало и усиливающим значение «вечных вопросов», постановкой которых занимаются философы.

В некоторых случаях автоцитации проявляются в форме нового взгляда на уже воплощённую в культуре идею. Так, выражение из Евангелия: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от “лукавого” воспроизводится в двух текстах «Есть “да” и “нет”» и «В земные страсти вовлечённый...» (Матф. 5: 37). В последнем максимализм и категоричность утверждения смягчаются более значимой для автора логикой – «Надежда есть»⁴. «Надежда» – центральный элемент лейтмотива «Вера, Надежда, Любовь», который восходит к археосюжету о Софии-премудрой, дочерьми которой являются эти три сестры-мученицы. В авторском неомифе Б. Окуджавы она устраняет проблему непримиримости противоречий («да» и «нет») на новом диалектическом уровне. «Надежда» в конце стихотворения «В земные страсти вовлечённый...» есть «неуверенная медиация между полю-

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 171.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 487.

сами» [4, с. 457] в невозможности аннигилировать зло.

В стихотворении «Голубой человек» отразился гностический миф о временном пленении души телом, которая после смерти возвращается «домой». У Б. Окуджавы часто возникает диалог между фигурой говорящего, который в данной условной ситуации задаёт вопросы в маске обывателя, филистера, пребывающего в неверном свете иллюзорной кажимости обывденного мира, и персонализированным Духом, который здесь представлен бескомпромиссным «голубым человеком» в его стремлении достичь неба – истинного «дома». «Голубой человек» – «Я» как «Иной» в сказовой маскировке маргинального бездомного. В теософском воззрении ментальное тело человека обладает собственной невидимой формой. Изолированность Духа от физического тела обусловлена его стремлением выбраться из оков земного существования. Поэтому «Голубой человек» пренебрежительно отмахивается от праздных вопросов лирического субъекта как низшего существа в медиативно-отчуждающем модусе «Вы»: «Не порите ерунды!»¹. Интерсубъектная позиция Автора-творца направлена не к диалогу со своим небесным визави (это невозможно), а к идеальному читателю, умеющему воспринимать художественные коды литературы индивидуально-творческой эпохи. В стихотворении «Тьмою здесь всё занавешено...» антуражная «тьма» есть «тьма вещей» сиюминутной жизни, скрывающей параллельный видимой тьме свет, из которого иногда проявляется гностическая София-премудрая в её эманации Вечной женственности – «Ваше величество женщина». Вопросы к божественной персоне – риторические («Кто вы такая? Откуда вы?»)², их функция в том, чтобы продемонстрировать доступность Иного. Вездесущсть Иного и имманентный порядок в кажущемся хаосе транслирует и стихотворение «А вот Резо – король марионеток...»: «И нами управляет Провиденье, / хоть ниточек и скрыта череда...»³.

Ирреалистические элементы в лирике Б. Окуджавы

Художественная картина мира Б. Окуджавы складывается из следующих констант: душа, символизированная образом «розы», «огня», «крыльев», и дух в символике «креста», «земли и неба», «тьмы и света», метафизический принцип «вечного возвращения» и контрастная упорядоченность мироустройства «Провиденьем». Особое место и в кругозоре лирического героя, и в образе автора-творца занимает ирреалистическое представление о том, что невидимый мир великих поэтов соприсутствует с повседневностью, что «утраченный рай» далёкого прошлого (культурно-исторического) и недалёкого (арбатское детство поэта) чудесным образом оживают в лирических сюжетах и бытийных ситуациях, задействующих лиро-философские метатексты. К ирреализму поэзии Б. Окуджавы относятся и энигматические произведения, предполагающие рецепцию разгадывания, и произведения «парадигмы невыразимого (общей для русского лиро-философского метатекста)» [11, с. 32], в которых видимый мир чреват тайнами и загадками, и основная задача художника – «разгадать не жизни цель, а свет предназначенья!»⁴ («История, перечень ей – не перечень...»). «Возможные миры» ирреализма охватывают интуитивно-эйдетическое поле сознания, приближая сферу неочевидных смысловых структур, которые организуются в поэтику дионисийского типа с её таинственной природой, мерцающей аллюзиями и неизвестностью. Это пограничный поэтологический феномен, морфология и способы действия которого лежат между реализмом, постулирующим правдоподобие и мимезис, с одной стороны, с другой – он не совпадает с фантастикой, основу которой составляют обнажённый вымысел, фантазия, сказочность.

К текстам о трансцендентном, «невыразимом» относятся «Ночной разговор», «Песенка о присяге», «На странную музыку сумрак горазд...», «Песенка о моей

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 308.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 519.

⁴ Там же. С. 512.

душе», «Мой почтальон», «Подмосковье», «Всё поле взглядом невзначай окинь...».

В «Ночном разговоре» романтический всадник на прагматический вопрос о цели его столетних поисков «отвечает: /– Ах, если б я знал это сам...»¹, поскольку в иллюзионистском воззрении жизненные цели могут быть ложными, не совпадать с истинным предназначением человека в этой жизни. В метатекстуальном разрезе ответ можно отыскать в стихотворении «История, перечень ей – не перечень...», которое заканчивается пафосной фразой: «Да здравствует, кто сможет разгадать / не жизни цель, а свет предназначенья!», манифестирующей «просто движенье»² из другого текста («Умереть – тоже надо уметь...»). Лирический герой сообщает: «ищу золотое зерно». («Мне нравится то, что в отдельном...»³). Совокупный семиотический объём разрозненных загадок приводит к алхимическому поиску философского камня, смысл которого невозможно выразить тривиальным способом, поэтому сам процесс и есть ценность, по сути своей эзотерическая, постигаемая высокой интуицией в инсайте или «случайно», «невзначай», как это характерно для речи лирического героя.

В гностической парадигме человеку, пребывающему в иллюзионизме эго, закрыто понимание его миссии земной жизни, это понимание даётся в «пути» к просветлению, в лексеме «дорога». «Свет предназначенья» разгадывал у Б. Окуджавы и Циолковский, и декабристы, и поэты, с которыми он ведёт нерешённый диалог.

Они проявляются из вечности и составляют компанию лирическому герою в его творческом и философском одиночестве. На эту тему у Б. Окуджавы немало стихотворений. Начало было положено поэмой «Весна в октябре» о научном энтузиазме пионера космонавтики Циолковского. В стихотворении «Зной»: «Выхожу я на ули-

цу / и вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот / извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается... / Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт»⁴. В «Песенке о Моцарте» музыкант предстаёт философом с жестом мыслителя (ладони на лбу), к которому обращается лирический герой. Лейтмотив «музыка» у Б. Окуджавы – это музыка сфер. По мнению М. В. Яковлева, музыкальные «созвучия», синтезированные в поэзии, выражают «иррациональное чувство ноуменального единства мира» и являются «формой духовного гнозиса» [15, с. 180].

Инвариантная «субъектно-бытийная ситуация» (А. В. Радионова), свойственная поэзии Б. Окуджавы, интуитивно прочитывается и понимается в символическо-парадоксальном коде: «любая вещь, любая реалья посюстороннего мира и земной жизни есть знак, т. е. часть универсального языка, в той мере, в какой она представляет “мировой текст” космоса» [14, с. 8]. В «Песенке о присяге» («И только где-нибудь потом, случайно кто-нибудь в пути / слова присяги этой найдёт в моей груди»⁵), судя по всему, речь идёт о сотворческой рецепции Слова Автора идеальным читателем-слушателем. Загадка заключена в диминутиве «песенка», и можно предположить о влиянии «Эха» А. Пушкина, где Автор является медиатором между природой и читателем.

В стихотворении «На странную музыку сумрак горазд...» гетерологически нарушено представление о пространственной локации лирического героя, потому что автор не оговаривает ирреалистическое наличие внутреннего помещения во внешнем экзистансе. Лирический герой репрезентирован и как человек в обычном понимании этого слова в паре «я и мой дом», и как внутренний человек (душа), который метафоризирован в «доме» как плюралистичном я, на что указывает множественное число предикатов «страдают ... стонут и плачут»:

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 233.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 461.

⁴ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 283.

⁵ Там же. С. 153.

Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.
Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в дому моём стонут и плачут¹.

«Дальние кто-то» – разрозненные и незнакомые друг с другом существа-сознания в оболочке человека, обманчиво идентифицирующего себя целостно как личность. В ирреалистическом хронотопе Б. Окуджавы креативной трансформации подвергается не только «дом», но и «город»: «город, но не тот, в котором я живу, / а который громоздится во мне»². Эготизм человека облачается в метафору «города», играющего роль ангела-хранителя. Это стихотворение – завуалированный самоотчёт в виде философского метажанра. Вообще, лирический герой Б. Окуджавы обладает невысокомерным достоинством, и частотные диминутивы в его тезаурусе («песенки», «мальчишка», «часики», «человечек» и др.) всегда подразумевают тварную перспективу микрокосм / макрокосм, а не обыденное самоуничижение.

В стихотворении «Молитва (Пока Земля ещё вертится...)» лирический герой говорит: «Не ведая, что творим»³. В «Песенке о моей душе» и в «Моём почтальоне» лирический герой предлагает себя в ограниченной наличной жизнью субъектности, не ведающей вполне об истинном смысле своего существования как части макрокосма. Ложное я рассматривается отдельно от вечной души, которая в образе «человека задумчивого» и молчаливого посланника из Иного пытается своим присутствием не дать забыть о высоком «Предназначении» «каждого»⁴. «Мой почтальон» транслирует кафкианский образ alter ego Автора. Его странное поведение в лирическом сюжете не мотивировано: «пишем ко мне не приносит, а только молчит. / Топчется

в тёмной прихожей в молчании строгом». Возможно, он инфернальный посланник с напоминанием «помни о смерти» как сквозной темы у Б. Окуджавы, хотя не произносит ни слова. Молчаливость и недиалог с посланником потустороннего мира объясняется нуминозно-тварным способом общения с существами высшего порядка. «Нуминозное – это первородное чувство божественного, дорелигиозное. Оно подразумевает восхищение и оторопь перед творением, “совершенно иное” эмпирическому миру, непостижимое, но в связке с идеей “тварности”, включающее человека в себя как часть в целое» [5, с. 55].

В стихотворном цикле «Подмосковье. 4-6» душа иносказательно предстаёт в образе невидимого «учителя»⁵, который в гармоничной атмосфере единения с природой может наделить «счастьем, которому имени нет»⁶.

В стихотворении «Горит пламя, не падит...» возникает вопрос: кто «она»? Судьба, душа? Сполохи огня изоморфны хиастической конструкции «Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...» в сильной позиции финала стихотворения «Заезжий музыкант целуется с трубою...»⁷, которая, по мнению А. В. Радионовой, один из признаков лиро-философского метатекста на уровне текстовых структур, а субстанция огня у Б. Окуджавы зороастрийски знаменует субстанцию души. В нелинейном подходе к творчеству поэта и то и другое предположение имеет право на существование.

Стихотворение «Есть муки у огня...» заставляет задуматься, что подразумевается под «разлукой», парадоксально связывающей «нас». Вероятно, это речь идёт не только о возможной возлюбленной, но и о некой эзотерической связи, как в «Голубом человеке» и в стихотворении «Тьмою здесь всё занавешено...» с вечным «домом», куда душа возвращается после смерти и куда просветлённый дух визионера безотчётно стремится и в земной жизни, как всадник из «Ночного разговора».

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 473.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Там же. С. 283.

⁷ Там же. С. 340.

Кавказ и Арбат в топосах авторского неомифа

Шеллинг писал, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию»¹. Лиро-философская метатекстуальность Б. Окуджавы построена на авторском мифе, который имеет двусоставную природу. В нём сосуществуют две генетические сферы: родовая (кавказские корни поэта) и мира детства в «арбатском тексте» («утраченный рай»). Образы синкретического единства, поэтологически они образованы разными способами.

«Мало кто из российских поэтов не оставил цикла стихотворений о Кавказе, и они, как правило, были одними из лучших в их поэтическом творчестве» [1, с. 21]. Это объясняется тем, что Кавказ – это «окно» на Восток, в Другое Западному миру, и эта восточная «прививка» развивает русскую культуру как синтетический культурный феномен, который так или иначе взаимодействует с западной рецепцией Востока, которая, в отличие от русской, непосредственная и неэкзистенциальная. Представления о Восточном Логосе приходят на Запад в переводах в основном как ориентально-экзотические. Поэтому особенно ценно, когда восточный мир транслируется художником, идентифицирующим себя не только по происхождению, но и антропологично «жителем земли». Задушевность Б. Окуджавы заложена в его восточных корнях, а масштабная интенция «человека мира» вписывается в исконную транскультуральную традицию русской литературы и её «всемирную отзывчивость» от А. Пушкина до А. Блока.

Родина предков Б. Окуджавы предстаёт в идиллическом свете, который достигается путём «мифологической реставрации, направленной на воспроизведение, рецитацию общих закономерностей, схем, эпизодов не некоторого архаического мифа, проактуализированного в своей конкрети-

ке, а общего указания на миф как вместилище архетипов» [10, с. 29]. Здесь репрезентированы соборно-народные («Каравай») и крестьянско-охотничьи («Фрески») картины. При этом архаические мотивы необязательно олицетворяют только древнейшие преперсональные представления о мире. Так, в «Вобле» пралогическое мышление совмещает «равнодушие» войны, мистерияльно-христианские мотивы («спасение», «земля обетованная») и убийство отрубанием головы («плаха»), потому что «действие еды есть одновременно и жертвоприношение» [13, с. 56].

Арбатская локация лирического героя «соотносима с соответствующими теориями мифологического мышления как партиципационного (путь мифологических аналогий)» [10, с. 29]. В ней ставится проблема циклизации времени, в которой городской модус существования человека связан с самостно-интеллектуальной деятельностью, идеалами которой выступают классики русской литературы. Соединение городской и патриархальной модели в неомифе эксплицирует такой важный компонент архаического мировосприятия, как совместное принятие пищи. В арбатском сюжете вид ритуальной обрядности принимает чаепитие во дворе, а в стихотворениях и поэмах о быте кавказских жителей преобладает архаика еды как жертвоприношения. «Еда – центральный акт в жизни общества – осмысливается космогонически; в акте еды космос (= тотем, общество) исчезает и появляется» [13, с. 64].

После А. Пушкина «было уже невозможно писать о Кавказе не по личным впечатлениям» [2, с. 68]. Отличительной особенностью окуджавского Кавказа является его неолитературность. Герой как бы забывает богатую кавказскую традицию комплиментарно-сочувственного изображения Кавказа как восточной экзотики. В «Грузинской песне», например, плывущие «наяву Белый буйвол, и синий орёл, и форель золотая» одновременно и образы древнего бриколажа, и сюрреалистическая эстетика в стиле С. Дали, контаминированные в результате настройки

¹ Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 147.

сознания «по принципу мифической отрешённости» [8, с. 1119].

Начатое как лаконичная справка «Храмули» («Храмули – серая рыбка с белым брюшком») заканчивается возвышенным пафосом: «Её не едят, а смакуют в вечерней тиши, / как будто беседуют с ней о спасенье души»¹.

В раблезианско-вакхической очищающей атмосфере «Руиспири» с ирреалистически трансформированным хронотопом («Вся земля – между небом и мною ... Но отсюда, как бог, я гляжу на себя самого с высоты»²) происходит излечение от городской жизни. Как пишет О. М. Фрейденберг, «еда получает семантику космогоническую, смерти и обновления вселенной, а с ней и каждого человека в отдельности» [13, с. 64]. «Сердце, душа» подаётся в кулинарно-хирургической метафорике: «Он в ладонь моё сердце берёт, / он берёт мою душу, / как врач, осторожно... Сыплет зелень на сердце моё / и на душу, с лихвою»³.

Поскольку «человеческое восприятие мира изначально двойственно – и натурально и ирреалистично» [7, с. 124], в неомифе Б. Окуджавы городская навь не противопоставляется яви патриархального существования. Эти сферы в синхронии современного мира и пути повествующего Я соседствуют по принципу энантиодромии («бег навстречу»), а противопоставление осуществляется во временной системе координат: время – вечность. На диахронном уровне – культура прошлого (Ренессанс и Золотой век) и оскудевший в нравственном отношении городской быт современности, на малом круге исторического времени – московские нравы середины XX в. и Москва перестроечная. Утраченными идеалами предстают рыцарство, культ Прекрасной дамы, дворянский кодекс чести, открытость людей друг другу, душевность общения.

В философии Б. Окуджавы мир видится панорамой феноменов (музыка, огонь, человек и т. д.), которые требуют внима-

ния и осмысления. Конвергенцию лирики, эпики и философии в «образах лирика» описал Ф. Ницше как «истинно сущее и вечное, покоящееся в основе вещей Я, сквозь отображение которого взор лирического гения проникает в основу вещей»⁴. Особенностью адресации лирического героя в том, что вопросы, которые он задаёт Высшим силам, не диалогической и не дискурсивной природы. Эти вопросы обращены исключительно к идеальному читателю, который способен остановиться и в повседневно разглядеть Иное. Ещё Кантемир, который перевёл книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, Парижской академии наук секретаря» и сделал к ней предисловие и примечания, писал: «если бы мы всё то, что видимъ, совершенно видѣли, то уже то знали бы, да лихо мы все инакъ видимъ, нежели въ самомъ дѣлѣ есть»⁵. Лирический герой Б. Окуджавы не претендует на истину в последней инстанции. Лиро-философская метатекстуальность как синтез матричных форм познания мира, реализованная в философском эстетизме поэтического слова, нацелена у него на нуминозное постижение «врождённой символики врождённых идей»⁶.

«Когда бы я был поэтом... Но я всего стихотворец»⁷, – скромно номинируя себя в «Подмосковной фантазии», лирический герой на самом деле не отказывается от визионерской роли посредника между «небом и землёй»: «И что-то есть, наверное, во мне / от старого глехо и от Сократа»¹⁸ («На

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 240.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 291.

⁴ Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 74.

⁵ Кн. А. Д. Кантемиръ. Разговоры о множествѣ мировъ господина Фонтенелла, парижской академіи секретаря, съ французскаго перевелъ и потребными примѣчаниями изъяснилъ Князь Антиохъ Кантемиръ въ Москвѣ 1730 году [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/fontenelx_b_l/text_1730_razgovory_o_mnozhestve_mirovoldorfo.shtml (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ Гейне Г. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. М.: Л., 1939–1949. С. 249.

⁷ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 436.

⁸ Там же. С. 436.

полотне у Аллы Беляковой»). За «модальностью» [4, с. 457] (в терминологии «поэтики выразительности» А. К. Жолковского) субъектной позиции его героев стоит прежде всего зашифрованное обращение к читателю подвергать сомнению обманчивую реальность, не торопиться с выводами в восприятии ненадёжного положения вещей в феноменальном мире.

Заключение

Подведём итог проделанному исследованию. Феноменология лиро-философской метатекстуальности поэзии Б. Окуджавы осмыслена через категорию нуминозного, которая объединяет философы разного происхождения в единое художественное послание. Разграничены лиро-философские метатексты «жизненная цель» и миссия «Предназначенья», данная свыше, в связи с чем образы Циолковского, декабристов и классиков предстают в ракурсе вечности. Выделена медиативная функция образа «Надежды» в контрастной противоречивости бытия. Отдельно разобраны автоаллюзии автора к собственным текстам. Смысловые инварианты в текстах стихотворений рассмотрены в их единстве как предмет интерпретации философского компонента в художественной картине мира и идиостиля поэта. Определена роль гностического элемента в формировании геройной сферы как множественного я, персонализированного в посланниках трансцендентного Иного («Почтальон», «Тьмою здесь все занавешено...», «Голубой человек»). Подчёркивается иллюзионистский

вектор в самосознании повествующего я, который в стилевом отношении интерпретируется в эстетике ирреализма. Разведены формы адресации вопросов лирического героя на имплицитно направленных к читателю и вопросов, смысл которых не предполагает ответа «здесь и сейчас», т. к. их адресат находится вне досягаемости человека. Трактуются энигматические произведения со сложной интересубъектной структурой.

Художественная философия Б. Окуджавы не лежит на поверхности. Мы затронули только некоторые аспекты этой проблемы. Окуджавский лирический герой многоипостасен, он помнит о своих кавказских корнях, он воспекает столицу России Москву («арбатский текст») и он «человек мира, житель планеты» [6, с. 341]. Кажущаяся простота его стихов скрывает полиреальность художественной картины мира, в основе которой лежит связь с предками, знание жизни от участия в войне до проверки на духовную прочность славой эстрадного исполнителя, глубокая филологическая осведомлённость, философская отрешённость и большой круг друзей в среде интеллектуалов. При герменевтически внимательном отношении к его «песенкам» и другим произведениям открывается совсем не шуточная глубина творческой мысли и открытости реальной жизни, которые в своей обобщённости обретают форму Логоса и художественного послания, понимание которого доступно каждому.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Ритм как теодицея [Электронный ресурс] // Новый мир. 2001. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/2/ritm-kak-teodiczey.html (дата обращения: 22.02.2023).
2. Аринштейн Л. Кавказ в русской поэтической традиции в связи с творчеством Пушкина // Aleksandr Puskin und der Kaukasus. Literatur. Geschichte. Bilder: University of Bamberg Press Bamberg, 2018. С. 61–71.
3. Гачев Г. Д. Склад Окуджавы и склад его песни // Миры Булата Окуджавы: материалы III международной научной конференции, Переделкино, 18–20 марта 2005 г. М.: Соль, 2007. С. 32–40.
4. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛЮ, 2011. 608 с.
5. Иванов Е. Е. Нуминозное в прозе Г. Газданова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. Серия: Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 54–59.

6. Иванов Е. Е. Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 338–347.
7. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Языки славянской культуры, 2021. 696 с.
9. Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Метароман vs метатекст: дискуссионный аспект изучения прозы В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1359–1363.
10. Погребная Я. В. Пути и принципы ремифологизации литературы в XX–XXI веках // Миф в истории, политике, культуре. 2019. № 2. С. 28–30.
11. Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск, Смоленский университет, 2019. 412 с.
12. Сиземская И. Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца». М.: ИФРАН, 2007. 340 с.
13. Фрейдсберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
14. Ханзен-Лебе А. Русский символизм: Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм начала века: Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.
15. Яковлев М. В. Поэтическая музыка и мистика как формы духовного гнозиса // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVII международной научной конференции, Орехово-Зуево, 17–19 мая 2017 г. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. С. 179–180.

REFERENCES

1. Averincev S. S. [Rhythm as a Theodicy]. In: *Novyj mir* [New World], 2001, no. 2. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/2/ritm-kak-teodiczeya.html (accessed: 22.02.2023).
2. Arinshtejn L. [The Caucasus in the Russian Poetic Tradition in Connection with the Work of Pushkin]. In: *Aleksandr Puskin und der Kaukasus. Literatur. Geschichte. Bilder*, University of Bamberg Press Bamberg Publ., 2018, pp. 61–71.
3. Gachev G. D. [Okudzhava's Warehouse and the Warehouse of His Song]. In: *Miry Bulata Okudzhavy: materialy III mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Peredelkino, 18–20 marta 2005 g.* [Worlds of Bulat Okudzhava: Materials of the III International Scientific Conference, Peredelkino, March 18–20, 2005]. Moscow, Sol' Publ., 2007, pp. 32–40.
4. Zholkovsky A. K. *Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. Moscow, NLO Publ., 2011. 608 p.
5. Ivanov E. E. [Numinous in the Prose by G. Gazdanov]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya, lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Vestnik of State University of Humanities and Technology. Series: Philology, Linguistics and Intercultural Communication], 2021, no. 1, pp. 54–59.
6. Ivanov E. E. [Emanation of L. Tolstoy's "Folk Thought" in the Works of B. Okudzhava]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2023, vol. 9, no. 2, pp. 338–347.
7. Kompanyon A. *Demon teorii. Literatura i zdravyy smysl* [Demon Theory. Literature and Common Sense]. Moscow, im. Sabashnikovyyh Publ., 2001. 336 p.
8. Losev A. F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Dialectics of Myth. Addition to "Dialectics of Myth"]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2021. 696 p.
9. Osmuhina O. Yu., Maryushkina A. P. [Metaroman vs Metatext: A Contentious Aspect of Studying]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2022, vol. 15, iss. 5, pp. 1359–1363.
10. Pogrebnaya Ya. V. [The Ways and Principles of the Revival of Myth in Literature in the 20th and 21st Centuries]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture], 2019, no. 2, pp. 28–30.
11. Radionova A. V. *Liro-filosofskij metatekst v russkoj literature* [Lyric-Philosophical Metatext in Russian Literature]. Smolensk, Smolensk, Smolensk University Publ., 2019. 412 p.
12. Sizemskaya I. N. *Russkaya filosofiya i liricheskaya poeziya: "soglasie uma i serdca"* [Russian Philosophy and Lyric Poetry: "Harmony of Mind and Heart"]. Moscow, IFRAN Publ., 2007. 340 p.
13. Frejdenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p.

14. Hanzen-Leve A. *Russkij simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskij simvolizm nachala veka: Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism: System of Poetic Motifs: Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century: Cosmic Symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 816 p.
15. Yakovlev M. V. [Poetic Music and Mysticism as Forms of Spiritual Gnosis]. In: *Yazyk i myshlenie: psichologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Orekhovo-Zuevo, 17–19 maya 2017 g.* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects: Materials of the XVII International Scientific Conference, Orekhovo-Zuevo, May 17–19, 2017]. Orekhovo-Zuevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2017, pp. 179–180.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Евгений Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Московского международного университета;
e-mail: ayaom@list.ru

Иванова Галина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Новосибирского высшего военного командного училища;
e-mail: tervhen66@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy E. Ivanov – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: ayaom@list.ru

Galina P. Ivanova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Novosibirsk Higher Military Command School;
e-mail: tervhen66@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванов Е. Е., Иванова Г. П. Лиро-философская метатекстуальность в поэзии Б. Окуджавы // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 95–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105

FOR CITATION

Ivanov E. E., Ivanova G. P. Lyric-Philosophical Metatextuality in the Poetry of B. Okudzhava. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 95–105.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-95-105

УДК 821

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-106-113

ПРОБЛЕМАТИКА И ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РАССКАЗА МИХАИЛА ЕЛИЗАРОВА «МЕНЯЛА»

Крылова С. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Интерпретация заключительного рассказа сборника М. Ю. Елизарова «Мы вышли покурить на 17 лет», в котором отразилась трагическая нравственная метаморфоза целого поколения, чья юность пришлась на период слома эпохи и прежних ценностей.

Процедура и методы. За основу взяты феноменологический и сравнительный подходы. С учётом отзывов литературоведов о специфике творчества Елизарова последовательно разобрана художественная логика рассказа «Меняла» и сделано сопоставление его содержания с важными этическими тезисами елизаровского эссе об Аркадии Гайдаре, написанного почти параллельно.

Результаты. Художественная правда рассказа подтверждает сложность отношения автора к поруганной советской Атлантиде, её духовно-нравственной силе и воздействию на личность. Юный герой «Менялы», воспитанный на советско-гайдаровском культурном коде, из-за жестокого насилия над собой претерпевает кризис веры в высоту человеческих отношений. Он вынужденно отказывается от советской художественности и кодекса чести в личном поведении. Через 17 лет бывший наивный романтик выходит победителем из сходной ситуации. Однако финал рассказа говорит о том, что рассказчик-автор осознаёт в себе некое духовное поражение, обмен, уступку злу, средства преодоления которых он ищет до сих пор.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование констатирует незавершённость духовно-нравственных поисков Михаила Елизарова, вносит новые штрихи к малоисследованному у этого автора мотиву подмены.

Ключевые слова: М. Елизаров, мотив подмены, проблема идеала, «противоядие от распада», символ

PROBLEMS AND SPIRITUAL MEANING OF MIKHAIL ELIZAROV'S STORY "THE MONEY-CHANGER"

S. Krylova*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To interpret the final story of M. Elizarov "We Went out to Smoke for 17 years", which reflected the tragic moral metamorphosis of a whole generation whose youth fell on the period of the breakdown of the era and former values.

Methodology. Phenomenological and comparative approaches are taken as a research basis. Taking into account the opinions of literary critics about the specifics of Elizarov's work, the artistic logic of the story "The Money-Changer" is sequentially analyzed and its content is compared with the important ethical theses of Elizarov's essay on Arkady Gaidar, written almost simultaneously.

Results. The artistic truth of the story confirms the complexity of the author's attitude to the desecrated Soviet Atlantis, its spiritual and moral strength and impact on the individual. The young protagonist

of “The Money-Changer”, brought up on the Soviet-Gaidar cultural code, undergoes a crisis of faith in the depth of human relations due to cruel violence against himself. He is forced to abandon Soviet artistry and the code of honor in personal behavior. After 17 years, the former naive romantic emerges victorious from a similar situation. However, the ending of the story suggests that the narrator-author acknowledges in himself a certain spiritual defeat, exchange, concession to evil, the means of overcoming which he is still looking for.

Research implications. The article states the incompleteness of the spiritual and moral searches of Mikhail Elizarov, introduces new touches to the motive of substitution, little studied in the works by this author.

Keywords: Lupolova, Parasha Lupalova, Parasha's plot, works of the first half of the 19th century, stable plot

Введение

Рассказ «Меняла» завершает сборник относительно небольших текстов Михаила Елизарова «Мы вышли покурить на 17 лет» (2012). Сборник сразу привлёк к себе внимание и читателей, и литературоведов, в том числе и потому, что был прочитан как поколенческий срез, художественное осмысление типажей и сюжетов новой, постсоветской реальности. «Меняла» занимает в этом сборнике особое место.

Итоговость рассказа обозначена не только положением в конце книги, но и некоторыми знаками внутри: сроком семнадцать лет, который встречается в тексте трижды, признаниями, что автобиографический герой полностью дублирует повзрослевшего автора: женат, живёт в Москве, у него вышла первая книга. Т. е. «Меняла» завершает одну из существенных тем сборника, да и всего раннего творчества Елизарова – тему становления, взросления героя. Такие тексты всегда адресованы «глубокому читателю, способному погрузиться в мир гротескных отражений» [4, с. 281].

Рассказ резко делится на две части, разделённые семнадцатью годами. В первой части двенадцатилетний герой пережил потрясение, перевернувшее весь его прежний книжно-телевизионный советский мир, во второй он реально и ментально закрывает дверь в драму семнадцатилетней давности.

Предвестники сдвига

Фраза-зачин грубо фиксирует страшное воспоминание прошлого: «Мне было двенадцать лет, и меня именно что от...

здили»¹. Этот матерный глагол будет повторён на протяжении всего текста шесть раз, в том числе и в форме причастия. Выбран он намеренно, т. к. передаёт не только пережитые в детстве боль и унижение, но рухнувшую вместе с ними картину мира. Грубость вторжения иной реальности отслежена прежде всего на языковом уровне: «Не поколотили – это безобидное слово из лексикона гайдаровских дачных потасовок: яблочные хулиганы колотят пионеров, а пионеры дают хулиганам по шеем»². На том же основании отвергнуты глаголы *лунить*, *отлунить*, *задавать трёпку*, *отвешивать тумачков*, *избить*. Елизаров с первых же строк вскрывает несоответствие слов из книжек издательства «Детская литература» тому, что произошло с ним. Матерный глагол отражает ту жестокую процедуру, этапы которой потом будут описаны в рассказе, но ещё до начала ретроспекции автор обозначил ментальные последствия того события: «И прежний мир лопнул, как хрупкий ёлочный пузырь, – телевизионный ирий Петровых и Васечкиных, эдем кудрявых Электроников и глазастых Алис – всё вымышленное советское детство разлетелось на брызги и осколки»³.

¹ Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 271. Автор статьи позволила себе заменить матерные слова многоточиями. Отсутствие этого милосердного правила в современных изданиях разряда «18+», на наш взгляд, является насилием над читателем, которое работает не на пресловутую «правду жизни», а на легализацию обценной лексики в культурном пространстве, увеличению количества зла и пошлости в мире.

² Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 271.

³ Там же. С. 271–272.

Этот же матерный глагол, данный в единственном числе мужского рода прошедшего времени, вводит и второго героя рассказа – пятнадцатилетнего подростка Витю с внешностью «крепенького юного мужичка»¹. Именно он совершил над рассказчиком физическое и моральное насилие, перевернувшее мир.

Рассказчик описывает обстоятельства, вынудившие его увидеть друга в незнакомом мальчике: переезд с окраины в центр города, смена школы, несложившиеся отношения с новыми одноклассниками, в которых уже проявилось нечто незнакомое, о чём не писали ни Гайдар, ни другие детские писатели советской поры (за исключением, пожалуй, В. Железникова): цинизм, расчётливость, плотскость, жестокость. Неслучайно герой называет их «будущими солдатами капитализма»². А новый знакомец подкупил его тем, что был как раз похож на «кинотипаж хулиганистого, но славного парня. Того самого, который “даёт по шее”, неважно учится. Его отчитывают на комсомольском собрании, и он стыдится. А потом совершает бытовой подвиг. Или поступает в лётное училище...»³.

Елизаров показывает травматический слом, произошедший сначала в сознании массового школьника и чуть позже коснувшийся начитанных мальчиков и девочек с иерархичным сознанием и матрицей советских идеалов. Это когда в жизни вместо дружбы и взаимовыручки появляются корысть и конкуренция, когда новенькому и одинокому не протягивают руки, а ставят подножку, когда даже учитель не защищает жертву коллективного презрения, а занимает нейтральную позицию.

Катастрофа

Герой, попавший в полосу отчуждения, пытается преодолеть её с помощью известных образцов советского ребёнка. Так, решение спеть на уроке музыки про-

диктовано воспоминанием о знаменитой сцене из «Приключений Электроника». Герой рассчитывал на свои вокальные способности, которые должны были восхитить одноклассников. Но реакция новой породы детей иная, подменная: «...они смеялись так, будто с меня упали штаны. Обескураженный, я сел и получил записку с мерзким словом»⁴. Елизаров фиксирует крайнюю подавленность героя: «я был контужен враждебным приёмом. Не понимал, чём провинился, как мне себя вести? Я не понравился ни учителям, ни школьникам...»⁵. Общее смятение вызвано и тем, что начитанный мальчик соотносит собственный неуспех с подобными же состояниями, описанными в детской советской культуре.

Елизарова принято считать поклонником советской культуры (он не раз признавался в этом и сам). Но в «Меняле» она показана гротескно не соответствующей изменившейся реальности. Знаки советского прошлого – киногерои эпохи развитого социализма, гайдаровская повесть «Школа», обрывочные образы благородной модели поведения при схватке с заведомо сильнейшим противником, фраза «Ты можешь меня избить, но...». Елизарову вообще свойственно затрагивать культурную матрицу героев (даже самых примитивных, напичканных клишированными рекламными слоганами и попсой), раскрывать мироощущение персонажа «через культурные претексты» [3, с. 25].

В «Меняле» зверское избиение героя подростком-вымогателем, который только что притворялся новым всепонимающим другом (интуитивно Витя выстроил своё знакомство с героем по лекалам персонажей советского кинематографа), не вписывается ни в какую прежнюю модель литературного или киношного детства. В гайдаровской повести «Школа» мнимый красный Юрий Ваальд оказывается белым, признаётся в этом и едва не убивает Бориса Горикова от страха за себя. Только отцовский маузер спасает Борису жизнь,

¹ Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 272.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 276.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же.

и он сам становится убийцей обидчика и обманщика.

Ситуация признания повторена и в «Меняле», но в ней нет политического контекста. В силу вступает инфернальное начало, чистое зло: «Он произнёс, словно распротёр надо мной перепончатые демонические крыла: ... Я тебе соврал! Я действительно пробыл год, но не в мореходке, а в колонии!»¹. Витя и смеётся над захлёбывающимся и лепечущим благородные слова героем, как бес, и терзает его, как хищник. Если в гайдаровской «Школе» Ваальд едва не убил Бориса дубинкой, то Витя бьёт лежащего «комнатного» мальчика кроссовками в лицо. Тем не менее героика советского кодекса чести не покинула рассказчика. Ощущая «литературщину, перепев Гайдара» (вероятно, более поздняя оценка), он «шептал, как заклинание: ... Ты можешь меня избить, но... – и расквашенный нос ронял на землю, на пиджак красные многоточия»². Как и в большинстве нашумевших произведений Елизарова, «феномен советского вступает в напряжённые отношения с постсоветским временем» [8, с. 90]).

Детские драки и подлость встречались во многих произведениях мировой литературы (ближайшее к нам по времени – знаменитое железниковское «Чучело»). Сам Елизаров резко делит детские книги на литературу о детях и для детей. В ярком эссе о творчестве и личности Гайдара «На страже детской души» (2013) он с огромным пиететом выводит характер этого человека, дерзко рассказавшего юным читателям о смысле жизни советского ребёнка, учившего детей ради идеи не бояться ничего, в том числе и смерти. Потрясающая сказка о Мальчише-Кибальчише и военной Тайне ещё в пять лет дала будущему эпатажному писателю понимание: «Ребёнок – это военная элита, духовный спецназ, воин часа Икс»³. Исключительная сила воздействия

сказки на юную душу отражена в описании своего чувства после первой встречи с талантливым текстом о Кибальчише: «В тот вечер я постарел на целую детскую жизнь. Меня прежнего не стало. С подоконника прыгнул маленький смертник и конспиролог. Отныне были Тайна, Смерть и Твёрдое Слово»⁴.

После избияния в тупичке не осталось места Тайне и благородной смерти за идею. За полтинник ведь не погибают. И что-то произошло со Словом и его воздействием. Автор назовёт это ощущение «огромным червём, проникшим в нежное яблоко книжно-телевизионного вымысла»: «Не я истекал кровью на том пустыре, а советская художественность – её опустошённая утроба, из которой я вывалился на свет»⁵. Дважды повторён корень «пуст»: пустырь, опустошение ведут только к запустению.

Отказ от советской художественности (вернее её уход из сердца вместе с кровью от подлого удара) лишил мальчика храбрости. Несмотря на поддержку отца, он боится идти искать обидчика, в течение года опасается встречи с ним, в безумном страхе убегает и до темноты прячется в подъезде, когда «бесовское Витино лицо»⁶ мелькнуло в трамвае. Для защиты он ходит сначала с молотком, затем меняет его на складной нож. Ретроспективная часть заканчивается разрывом с тем благородным детским миром, который некогда сформировал его: «И навсегда простился с прозрачным миром элоев и пионеров...»⁷.

Через 17 лет: реванш или подмена?

Вторую, значительно меньшую по объёму часть можно интерпретировать как реванш героя через 17 лет. Приезд в Харьков из Москвы к родителям в качестве начинающего писателя, женатого человека, встреча с почти не изменившимся своим

¹ Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 279.

² Там же.

³ Елизаров М. На страже детской души // Литературная матрица: Советская Атлантида / сост.

В. Левенталь, П. Крусанов. СПб.: Лимбус Пресс, 2014. С. 31.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 280.

⁶ Там же. С. 281.

⁷ Там же.

«детским кошмаром» – ушлым Витей у пункта обмена валют, попытка обманной сделки, во время которой «по мусорному баку пробежала пепельная крыса»¹. Повторены и некоторые детали прошлого: нож-складень у рассказчика и его же полтинник (только теперь это евро, которые Витя пытался поменять по мошенническому курсу), само место – «кирпичный тупичок со слепыми окнами»².

Но многое изменилось в самом герое: он стал сильнее физически, выше, крепче. Он готов и к обману, и к отпору. Так и происходит: Витя не узнал свою жертву, но и рассказчик теперь не может играть эту роль. Герой предотвращает обманную сделку, заставляя вернуть себе купюру, которая оказывается, как у нечисти, спрятанной в розовокожей дыре у Вити под сердцем. В ход вступает и матерный язык, который использует меняла: «Забирай на х... свой полтинник»³. И именно прикосновение к дыре, этой изнанке мелкого беса поднимает в рассказчике волну памяти, некое «озарение», он «понял, что до настоящего момента ... ровным счётом ничего не помнил о страшном Вите и дворике, где много лет назад был растоптан, от...зжен...

Но, прикоснувшись к розовокожей дыре, я будто заново прожил минувшие семнадцать лет, и мне сразу же стало ясно, почему я оказался в этом тупичке возле мусорных баков. Один на один с менялой»⁴.

Понятно герою. Но что становится понятно нам?

Что повторная встреча с бесом была неизбежна? Что детское унижение сделало его личностью? Но ведь «тупичок возле мусорных баков» и крыса – символы грязи, отходов, помойки, обиталище нелюдей, отсутствие выхода. Почему именно так закончен сборник, в котором рассказано столько личного и неличного: встреча с безумной манипуляторшей Машей («Маша»), бездарно проживаемая жизнь («Паяцы»,

«Кэптен Морган»), новые типажи нулевых («Заноза и Мозглявый», «Рафаэль»), начало творческого горения («Зной»), небезопасные путешествия по чужим странам («Готланд», «Берлин-трип. Спасибо, что живой»), физическое преображение рассказчика из слабенького интеллектуала в прокачанного готического берсерка («Мы вышли покурить на 17 лет») и др. Подобно вечно экспериментировавшим художникам Серебряного века, Елизаров интересен в воплощении «контрастного видения несовершенного мира и многочисленных вариаций его художественного преподнесения» [7, с. 123]. Финальный «Меняла» это только подтверждает.

Как и некоторые другие рассказы сборника, он «построен по модели обряда перехода из профанного мира в мир сакральный» [1, с. 163]. Зло наказано, мелкий бес посрамлён. Герой вправе праздновать победу. Но в финале нет этого ощущения. Тупик, левая рука, возвращающая гривны, правая, вынимающая купюру с евро. Писателя остро интересует «символический пласт» любого события [8, с. 93]. Учёные подчёркивают в елизаровских текстах «суггестивное влияние на героев повествования и на читателей» [2, с. 56].

Кто и что обменял в этом тупике? И кто меняла? Только ли криминальный обманщик Витя? Виктор – победитель (лат.). Но во второй части он отказывается от этого имени: «Ты обознался, мужик»⁵. Однако ощущения победы нет и в герое. Кстати, в энергичной песенке, давшей название всему сборнику, тоже есть мотив неправоты и какой-то потери, пусть и исполняемой автором под мажорные аккорды: «Мы вышли покурить на 17 лет, / Вернулись домой – вместо дома зима. / Мы вышли покурить на 17 зим, / Вернулись домой – вместо дома жара»⁶ (1991). Что-то произошло за эти 17 лет (с 1985 по 2002) не только в стране, но и в душах целого поколения.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ Елизаров М. Мы вышли покурить на семнадцать лет... (песня) [Электронный ресурс] // Михаил Елизаров. сообщество читателей и слушателей: [сайт]. [Berlin, 2012]. URL: <https://ru-elizarov.livejournal.com/278824.html?ysclid=levidj07s6107379283> (дата обращения: 05.03.2023).

¹ Елизаров М. Меняла // Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет. М.: Астрель, 2012. С. 283.

² Там же.

³ Там же. С. 284.

⁴ Там же. С. 285.

Заключение

Остроту поставленных в сборнике проблем оценили критики и литературоведы. П. В. Басинский, лестно отзывающийся о таланте М. Елизарова, его феноменальность видит в искренности. И именно в книге «Мы вышли покурить на 17 лет» критик ощутил автора «глубоко, пронзительно, захватывающе искренним»¹, хотя рассказы написаны далеко не в исповедальных тонах. Ему вторит коллега по цеху А. А. Аствацатуров: «Фактически Елизарова-рассказчика волнует не столько прошлое, сколько настоящее, его нынешнее состояние, происхождение которого он исследует»; «развитие повествования представляет собой историю бессознательного, смысл которой открывается лишь тогда, когда мы обнаруживаем её ритуально-мифологический подтекст» [1, с. 173]. Юная ростовская исследовательница считает рассказчика «собирательным образом» человека рубежа XX–XXI вв., «небезразличного к своей стране», «готового вступить в схватку с жестоким миром» [5, с. 381, 382]. Искренность, собирательность, анализ реальности и бессознательного проявляются через творчество. Подобно психотерапевту, своих сверстников и себя-теперешнего Елизаров изучает через те испытания, которые были пережиты ими в прошлом физически и духовно. «Меняла» поставлен в сильную позицию финала сборника. И потому понимание его внутренней логики так важно для верной оценки художественного целого.

Ещё в 2014 г. петербургский учёный А. Д. Степанов, анализируя нашумевший роман «Библиотекарь», заметил: «Елизаров пишет о потребности единения и веры» [6]. Рассказ «Меняла» вполне подтверждает это замечание. Чуть позже, в 2017 г., замечательный критик Андрей Рудалёв посвятит Елизарову большую статью, где

откажется назвать писателя апологетом советского и очень точно разграничит степень его зависимости от утонувшей советской Атлантиды: «Он в поиске путей выхода из стихии распада и разрушения, в которую мы все погрузились. Он пишет о необходимости мечты, которая затворяет от человека чудовище. Он ... говорит о тех книгах, о том художественном идеале, в котором было противоядие от распада. Он тоскует ... об идеале гайдаровского мира, который перечёркнут и вместо него выведен мир вурдалаков, Вия. В наших реалиях ... место стражников детства занимают нетопыри...»².

Сам Елизаров не смог стать стражником ни детства, ни юности, ни тех возвышенных идеалов, над которыми плакал мальчишкой. Его проза и стихи провокативны, натуралистичны, в них постоянно звучит мат – средство коммуникации не гайдаровских героев, а подлых Вить, не брезгует он им и в личном общении со своими зрителями на концертах. В эссе о Гайдаре писатель трезво оценивает эстетический и художественный вакуум, который, на его взгляд, поглотил современную детскую литературу: «Нужно признать, нового детского языка в ближайшее время не предвидится, ибо не предвидится нового Аркадия Гайдара. ... Да и старый Гайдар вдруг оказался никому не нужен. Наступили новые времена»³.

Но всё эссе утверждает обратное: именно Елизарову нужен старый Гайдар, от которого за год до этого отказался его автобиографический герой в «Меняле». Таким образом, меняла – неизбежный символ перевернувшейся реальности, в которой дающие отпор злу бывшие романтики вовсе не превратились в гайдаров нового времени. Они тоже что-то

¹ Басинский П. Павел Басинский об эссе Михаила Елизарова «На страже детской души» // Российская газета: [сайт]. 2014. № 16 (6288). URL: <https://rg.ru/2014/01/27/elizarov.html?ysclid=lelqs4djyd521624779> (дата обращения: 23.08.2023).

² Рудалёв А. Прекрасное далеко Михаила Елизарова // Rara Avis. Открытая критика: [сайт]. [2017]. URL: https://www.rara-rara.ru/menu-texts/prekrasnoe_daleko_mihaila_elizarova?ysclid=leh1e60wqi913414625 (дата обращения: 05.03.2023).

³ Елизаров М. На страже детской души // Литературная матрица: Советская Атлантида / сост. В. Левенталь, П. Крусанов. СПб.: Лимбус Пресс, 2014. С. 42.

в себе разменяли, не выстроив за 17 лет своей цитадели сопротивления. А жизнь без идеала для творца всегда «тупичок возле мусорных баков». Состояние «один на один с менялой» – предвестие или будущей победоносной битвы, или духов-

ного поражения. Этот бой Елизарова с нечистью вокруг и в себе самом мы наблюдаем до сих пор.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аствацатуров А. Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова (на материале рассказа «Мы вышли покурить на семнадцать лет...») // Текст и традиция. 2022. Т. 10. С. 153–173.
2. Валькова Ю. Е. Суггестивная специфика в произведениях М. Елизарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 55–67.
3. Доманский Ю. В. «Балабановский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о функции «чужого» слова в современном романе // Челябинский гуманитарий. 2021. № 4 (57). С. 21–27.
4. Овсянникова С. В. Проблематика пьесы Евгения Водолазкина «Сестра четырёх» // Словесное искусство серебряного века и русского зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения): материалы V Международной научной конференции, Москва, 10 февраля 2022 г. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 275–282.
5. Серикова Н. А. Мотив движения и покоя как показатель становления характера героя в сборнике М. Елизарова «Мы вышли покурить на 17 лет...» // Молодой учёный. 2022. № 2 (397). С. 381–382.
6. Степанов А. Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-16852 (дата обращения: 24.08.2023).
7. Тихомирова А. О. «Кто равен мне в моей певучей силе?»: к литературному и психологическому портрету Константина Бальмонта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 122–129.
8. Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 90–94.

REFERENCES

1. Astvacaturov A. [Archaic Ritual in the Works of Mikhail Elizarov (Based on the Story “We Went out to Smoke for Seventeen Years...”).] In: *Tekst i tradiciya* [Text and Tradition], 2022, vol. 10, pp. 153–173.
2. Valkova Yu. E. [Suggestive Specificity in M. Elizarov's Works]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 2, pp. 55–67.
3. Domansky Yu. V. [“Balabanov's Text” in the “Earth” by Mikhail Elizarov: To the Question about the Function of an “Alien” Word in a Modern Novel]. In: *Chelyabinskij gumanitarij* [The Chelyabinsk Humanitarian Journal], 2021, no. 4 (57), pp. 21–27.
4. Ovsyannikova S. V. [The Problems in Evgeny Vodolazkin's Play “Sister of Four”]. In: *Slovesnoe iskusstvo serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya: problemy preemstvennosti (V Smirnovskie chteniya): materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 10 fevralya 2022 g.* [Literary Art of the Silver Age and Russian abroad: Problems of Continuity (V Smirnov Readings): Materials of the V International Scientific Conference, Moscow, February 10, 2022]. Moscow, Moscow Region State University, 2022, pp. 275–282.
5. Serikova N. A. [The Motive of Movement and Rest as an Indicator of the Development of the Hero's Character in M. Elizarov's Collection “We went out to Smoke for 17 years...”]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2022, no. 2 (397), pp. 381–382.
6. Stepanov A. D. [Creation through Destruction: Russian Literature of 2000s]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, vol. 6. Available at: www.science-education.ru/120-16852 (accessed: 24.08.2023).

7. Tikhomirova A. O. ["Who Can Rival the Strength of my Song?": On the Literary and Psychological Portrait of Konstantin Balmont]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, no. 3, pp. 122–129.
8. Khanov B. A. [Functioning of the Soviet Discourse in Mikhail Yelizarov's Novel "Cartoons"]. In: *Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University n], 2015, no. 6, pp. 90–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылова Снежана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: sv.krylova@guppros.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Snezhana V. Krylova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: sv.krylova@guppros.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крылова С. В. Проблематика и духовный смысл рассказа Михаила Елизарова «Меняла» // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 106–113.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-106-113

FOR CITATION

Krylova S. V. Problems and Spiritual Meaning of Mikhail Elizarov's Story "The Money-Changer". In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 106–113.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-106-113

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124

ИСТОРИЯ ПАРАШИ ЛУПАЛОВОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО СЮЖЕТА

Пурыева Н. Н.*Институт русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова**117218 г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1., Российская Федерация*

Цель. Проследить, как формируется устойчивый сюжет о Параше Лупаловой («парашин сюжет») в первой половине XIX в. на материале трёх произведений: романа С. Коттен, повести К. де Местра, пьесы Н. А. Полевого.

Процедура и методы. Основными методами исследования являются аналитический и сопоставительный. Проанализированы структура и элементы «парашиного сюжета», выявлены повторяющиеся компоненты: географическая локализация, тип героини, устойчивые составные части сюжета.

Результаты. На основе анализа произведений первой половины XIX в., опирающихся на историю Парашы Лупаловой, подтверждена гипотеза о формировании устойчивого «парашиного сюжета», который стал настолько популярен, что воспроизводился не только в авторских, но и в анонимных произведениях беллетристики последней четверти XIX в. Переходя из произведения в произведение, он легко перенимал черты разных литературных жанров: сказки, жития, авантюрного романа, исторического романа, романа воспитания. В истории развития «парашиного сюжета» можно выделить по крайней мере два периода: становление (первая половина XIX в.) и модификацию (конец XIX – начало XX вв.). Рассматриваемые в исследовании произведения относятся к первому этапу развития «парашиного сюжета». В статье подробно проанализирована специфика каждого из трёх произведений, обозначены художественные задачи, которые ставил перед собой каждый автор, и модификации, которым в соответствии с ними подвергался сюжет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Благодаря анализу развития устойчивого сюжета были выявлены его закономерности, которые могут применяться при исследовании произведений массовой литературы.

Ключевые слова: Лупалова, Параша Лупалова, парашин сюжет, произведения первой половины XIX в., устойчивый сюжет

THE STORY OF PARASHA LUPALOVA IN THE WORKS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: FORMATION OF A SUSTAINABLE PLOT

N. Puriaeva*Institute of Russian Language and Culture of Lomonosov Moscow State University
ul. Krzhizhanovskogo 24/35 bld. 1, Moscow 117218, Russian Federation*

Aim. To follow sustainable “Parasha Lupalova” plot formation in the first half of the XIX century based on three works: a novel by Sophie Cotton, a short story by Xavier de Maistre, a play by Nikolay Polevoy.

Methodology. The main research methods are analytical and comparative. The structure and elements of the “parasha’s plot” are analyzed, recurring components are singled out: geographic localization, type of heroine, stable components of the plot.

Results. Based on the analysis of the works of the first half of the 19th century the hypothesis of the formation of a consistent “Parasha’s plot” is confirmed. This plot became so popular that it was reproduced both in author’s works and anonymous belles-lettres loves of the last quarter of the 19th century. Moving from work to work, it easily adopted the features of different literary genres: fairy tale, hagiography, adventure novel, historical novel, educational novel. At least two periods can be distinguished in the history of the development of the “Parasha’s plot”: formation (the first half of the 19th century) and modification (late 19th – early 20th centuries). The texts considered in the article relate to the first stage of development of “Parasha’s plot”. The article analyzes in detail the specifics of each of the three works, identifies the artistic tasks that each author set himself and the modifications to which the plot was subjected.

Research implications. Analysis of the development of “parasha’s plot” allows to draw conclusions regarding how consistent plot patterns operate in mass literature.

Keywords: Lupolova, Parasha Lupalova, Parasha plot, works of the first half of the 19th century, stable plot

Введение

За сто с небольшим лет история Параши Лупаловой¹ получила не менее пятнадцати художественных воплощений в разных видах искусства, что заставляет пристальнее присмотреться к этому сюжету.

Наша гипотеза заключается в том, что на основе реальной истории Параши Лупаловой сформировался устойчивый «парашин сюжет», который воспроизводился в русской беллетристике XIX–XX вв. Цель данного исследования – выявить черты устойчивого сюжета в произведениях первой половины XIX в., в основу которых была положена история Параши Лупаловой. Материалом будут служить три произведения, достаточно широко известные в России в 1800-е – 1850-е гг.: роман С. Коттен, повесть К. де Местра, пьеса Н. А. Полевого.

Первой к истории Лупаловой обратилась французская писательница Софи Коттен в романе «Елисавета Л*, или Несчастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное происшествие» (1806). В русском переводе роман вышел в 1807 г. и затем несколько раз переиздавался (1808, 1810, 1818, 1824 гг.).

Продолжением «западно-европейской» ветви развития сюжета можно считать пьесу Р. де Пиксерекура «Дочь ссыльного» (1818), балет Г. Дюйи «Сибирские изгнанники» (1823), оперу Г. Доницетти «Восемь месяцев за

два дня, или Ссылные в Сибири» (1827), балет А. Монтичини «Елизавета, или Ссылные в Сибири» (1828), и – самое позднее обращение к сюжету – балет А. Бурнонвиля «Из Сибири в Москву» (1876)².

Исследователь А. П. Груцинова объясняет интерес к русским сюжетам тем, что, «с одной стороны, это было естественное тяготение романтического музыкального театра к “неизведанному” и “экзотическому”». С другой – в случае, если хореографом производились более или менее серьёзные исторические “изыскания” в области русской истории, служило в некотором смысле и образовательным целям, знакомя западноевропейскую публику с Россией» [5, с. 179–180]. Сходные идеи высказывает В. Е. Багно: «уже в начале XIX столетия, как следствие Великой Французской революции, параллельно со всё новыми редакциями этой, первой по времени возникновения “русской идеи” Запада, стали появляться новые представления о России, в которых попытки понять загадочную русскую душу были неотторжимы от горьких раздумий о кризисе Европы» [1, с. 27].

Однако наиболее известным из зарубежных произведений на «парашин сюжет» является повесть Ксавье де Местра «Молодая Сибирячка» (1825)³. Она не-

¹ Встречаются также варианты написания – Луполовой, Лупуловой, Лопуловой.

² Подр. см.: Груцинова А. П. Русский сюжет в западноевропейском балете XIX века // Вопросы театра. 2017. № 1–2. С. 170–181; Шигаева Е. Ю. «Сибирская» опера Доницетти // Израиль XXI. Музыкальный журнал. 2018. № 1 (63). С. 1–8.

³ Ряд исследователей указывают годом создания 1815. Е. П. Гречаная в своей работе приводит убедитель-

сколько раз переиздавалась, причём, несмотря на появившийся в 1840 г. русский перевод, на протяжении XIX в. продолжала выходить в России и на французском языке – в качестве пособия по чтению с комментариями.

Развитие «отечественной» ветви «парашиного сюжета» началось заметно позже. Первым русским писателем, обратившимся к нему, стал Н. А. Полевой в пьесе «Параша сибирячка» (1840 г.). Поскольку роман Коттен и повесть Местра были довольно широко распространены и популярны в России, пьеса Полевого не стала чем-то совершенно новым, лишь дополнила ряд произведений о Параше Лупаловой. Именно в их контексте рассматривает произведение Полевого в своих рецензиях В. Г. Белинский [6, с. 30–32].

Таким образом, говоря о «парашином сюжете» в русской литературе первой половины XIX в., следует рассматривать эти три произведения (Коттен, Местра, Полевого) как составляющие первый этап его развития.

Роман С. Коттен

Фактографической основой сюжета о Параше Лупаловой стали сообщения в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (декабрь 1804) и более подробная заметка в январском номере «Северного вестника» за 1805 г. В ней говорилось, что дочь отставного прапорщика Григория Лупалова, Парасковья, отправилась к императору просить милости для своего отца. Девушка пошла пешком в Петербург, имея на дорогу лишь 10 копеек. Путь из Ишимского округа до столицы занял год. Деталей путешествия не сообщается, кроме упоминания о переправе через реку и помощи, которую девушка получала в пути от добрых людей. В Петербурге её приняла княгиня Д. А. Т., благодаря ходатайству которой дело было подано в комиссию для пересмотра, а затем представлено императору. Высочайшим указом Лупалов был помилован. Заметка

ные аргументы в пользу того, что Местр работал над повестью в конце 1810-х – начале 1820-х гг.

завершается изъятием восхищения поступком Лупаловой.

Сообщение о Лупаловой было перепечатано во французских газетах и привлекло внимание Коттен (подр. см. [4, с. 209]). Исследователь Е. П. Гречаная объясняет причину обращения Коттен к данному сюжету интересом эпохи Просвещения ко всему «иному», экзотичному и маргинальному. Локус России и героиня-женщина полностью соответствовали данной тенденции: «произведения, в которых российская тема сочеталась с женской, выражали интерес эпохи к “иному”, недооценённому или вообще неучтённому» [4, с. 205].

В связи с отсутствием в первоисточнике, на который она опиралась, конкретных деталей путешествия русской девушки, а также сведений о её дальнейшей судьбе Коттен достраивает фабулу, заполняя лакуны типичными мотивами авантюрно-приключенческого романа: пастор-помощник¹, эпизод с перевозчиком через реку, эпизод с разбойниками, переправа через болото и др. Писатель вводит вторую сюжетную линию – любовную – между главной героиней и сыном Тобольского губернатора – Смоловым. И, наконец, Коттен меняет имя героини: вместо непривычного для французского уха *Парасковья* она даёт ей более благозвучное имя *Елизавета*.

Сюжет романа построен на том, что дочь, случайно узнавшая о несправедливости наказания отца, сосланного в Сибирь за некое преступление и отчаявшегося изменить свою судьбу, решает отправить к царю просить милости для родителя. Повествование завершается счастливой развязкой обеих сюжетных линий: восстановлением справедливости и свадьбой героев. Отправной точкой путешествия героини обозначен некий город Саимка, затем Пермь, Сарапул, Казань, Владимир, Покров и Москва. Описания внешности

¹ Коттен увлекается созданием экзотического антуража в ущерб реалистичности: её русская героиня в начале пути получает в провожатые испанского миссионера (!) отца Павла, который возвращается домой после 60 лет (!) проповеднической деятельности в Сибири (!).

героини нет, писатель указывает лишь, что ей 18 лет. На пути героиню ждут испытания, как стихийные (едва не утонула в болоте), так и связанные с человеком (переправа с лодочником через реку, встреча с разбойниками, необходимость просить милостыню), у неё есть помощники – пастор-миссионер Павел, затем г-жа Милина. Изображённые Коттен реалии весьма условны и клишированы, поэтому действие могло происходить в любом месте.

Любопытно, что Коттен делает отца героини польским дворянином Станиславом Потовским, сосланным за участие в повстанческом движении за независимость Польши. По тонкому замечанию Гречаной, сознательно изменяя национальность героини, Коттен учитывала политические реалии, сложившиеся на момент написания романа (1805): Франция и Россия находились в состоянии войны, а польский вопрос звучал весьма остро [4, с. 210]. В последующих произведениях на «парашин сюжет» польское происхождение героини не встречается.

С точки зрения жанра Коттен создаёт «чувствительный роман», однако нагромождение приключений и чудесных извращений героини, разворачивающихся на условно реальном фоне, делают повествование похожим скорее на авантюрный роман или на длинную сказку.

В этом смысле примечательно, что сюжет, который создаёт писатель, типологически совпадает со структурой сказочного сюжета. Используя обозначения В. Я. Проппа, его можно представить следующим образом:

- исходная ситуация недостачи (а) (несправедливый приговор отцу);
- искатель решается на противодействие (С) (дочь решает отправиться просить милости к отцу);
- герой отпускается из дома (В³) (родители после долгих уговоров благословляют дочь в путь);
- герой покидает дом (↑) (героиня отправляется в путь);
- испытания героя (Д);

– герой достигает места нахождения предметов поиска (R);

– начальная недостача ликвидируется (Л);

– возвращение героя (↓)

– герой вступает в брак и воцаряется (С*)

Продолжая эту логику, путешествие с периферии империи в её центр можно рассматривать как аналог путешествия в тридевятое царство.

Речь идёт, безусловно, о типологическом совпадении сюжета Коттен со сказочной структурой, однако, поскольку текст французского писателя довольно продолжительное время присутствовал в русском культурном пространстве, именно на его основе складывается ряд мотивов, которые в дальнейшем регулярно воспроизводятся при описании истории Парашаи Лупаловой, т. е. формируют «парашин сюжет»: героиня отправляется в трудное путешествие, чтобы восстановить справедливость, в пути её ждут испытания (природные стихии, переправа через реку, встреча с разбойниками), она встречает помощников; миссия героини успешно выполнена. В двух ближайших по времени к роману Коттен вариантах истории Лупаловой (повести Местра и драме Полевого) эпизода с разбойниками нет, однако в текстах, более отдалённых по времени (анонимные повести второй половины XIX в., повести Е. А. Салиаса и Л. А. Чарской) этот мотив неизменно присутствует.

Таким образом, уже в первом произведении на «парашин сюжет» складывается схема основной сюжетной линии и его пространственная локализация.

Повесть Ксавье де Местра

Одна из причин, по которым Местр обратился к «парашинному сюжету», заключается в его недовольстве поверхностностью романа Коттен, которая, как он отмечает в предисловии к повести, «приписала <героине> романические похождения»¹. Для

¹ Местр Ксавьерий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 6.

Местра в истории Параши Лупаловой важна не развлекательная, а поучительная сторона, её нравственный потенциал. По воспоминаниям его племянника, Местра был лично знаком с Лупаловой [4, с. 226–227], поэтому для него особо важно точное и достоверное изложение событий. Видимо, Местру известны дополнительные источники информации о Лупаловой: «Друг просвещения» (ч. 2, апрель 1805) – отсюда сведения, что отец Лупаловой родился и вырос в Венгрии (хотя не венгр), эпизоды с нападением собак, бурей в лесу, эпизод, где едва не утонула в реке; «Сионский вестник»¹ (1806) – Местр в точности воспроизводит указанный в заметке маршрут путешествия. Возможно, он также знаком с заметкой о Лупаловой, приведённой С. Н. Глинкой в «Русской истории» (1818).

Местр последовательно воссоздаёт национальную идентичность героини. Прежде всего, он «возвращает» ей имя Прасковья, а на протяжении повести довольно подробно описывает и комментирует народные русские обычаи (например, обычай присесть перед дорогой, эпизод с просыпанной солью и др.).

Меняется маршрут путешествия (Ишим – Камышлов – Екатеринбург – Нижний Новгород – Москва – Петербург), однако вектор движения – из Сибири в столицу – сохраняется.

Завязка сюжета происходит в самом начале повести, когда Парашу во время молитвы осеняет мысль отправиться просить милости для отца. Таким образом, подчёркивается сакральность задачи, которую берёт на себя героиня. Кульминацией сюжета становится встреча Параши с

императорской четой, о которой ходатайствует императрица Мария Фёдоровна. Примечательно, что Местр описывает визит Параши к вдовствующей императрице, о встрече же с монархами сказано лишь, что они «приняли её тоже очень милостиво». Александр I даёт распоряжение пересмотреть дело отца Параши.

В развязке, когда цель миссии достигнута, Параша не спешит назад к родителям сообщить радостную весть лично, им посылают письмо. Героиня же отправляется в Киев принять постриг. Повествование завершается назидательным описанием смерти Параши: «она скончалась, творя крестное знамение»². Канва «парашиного сюжета» сохраняется: героиня проходит испытания стихиями и людьми, исполнить миссию ей помогают помощники (в Екатеринбурге это некая г-жа Милина, в Петербурге – фрейлины при императорском дворе). Исполнив миссию, вернуться в обычную жизнь героиня не может, поэтому уходит в монастырь, где вскоре умирает. Повесть Местра сближается не с жанром сказки, как у Коттен, а с жанром агиографии.

Е. П. Гречаная высказывает идею о сходстве истории Параши Лупаловой с жанром «бытового» жития [4, с. 226], её поддерживает А. Л. Осповат, говоря, что героиня Местра описана по «житийным образцам» [6, с. 91], и развивает Багно: «писателем-католиком создан образ православной святой» [1, с. 27]. Эта, безусловно, продуктивная гипотеза нуждается в некотором уточнении.

Повесть «Молодая сибирячка» была написана по-французски, опубликована во Франции (русский перевод появился лишь в 1840 г.), т. е. ориентирована, в первую очередь, на французского читателя. Именно это обстоятельство определяет идейные элементы, которые автор отбирает, создавая образ главной героини, художественные приёмы, которые он использует, а также некоторые особенности повествова-

¹ Автор сообщения о Лупаловой даёт следующую оценку современному ему восприятию истории Параши: «“Северный вестник” сделал из истории неудачный роман, примешав такие обстоятельства, которых не было, и приписав даже развязку, дела не тому случаю, который открыл сему удобство. В “Друге просвещения” происшествие описано точно со слов самой Лупаловой, но тут вкралась ошибка другого рода... Впрочем в сих журналах происшествие сие рассказано как приключение любопытное» (Сионский вестник: ежемесячное издание на 1806 г. Ч. 1. СПб.: изд. А. Ф. Лабзина, 1806. С. 95–96).

² Местр Ксаверий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 72.

ния. Судьба главной героини, её одержимость миссией, невозможность вернуться к обычной жизни после выполнения этой миссии, праведная жизнь и кончина, безусловно, сближают «парашин сюжет» с сюжетной канвой жития. При этом, будучи носителем французской культуры, католиком, Местр, думается, ориентировался не на русские образцы¹, а на французские, в частности, на образ Жанны д'Арк.

Д. М. Буланин в своей книге «Жанна д'Арк в России» обстоятельно описывает модификацию мифа о девушке из Домреми во Франции эпохи республики и особенно империи [3, с. 92–95], объясняя её всплеском интереса к образу в произведениях самых разных жанров. Примечательно, что одним из философов-публицистов, обращавшихся к образу Жанны д'Арк в своих рассуждениях, был старший брат К. де Местра Жозеф де Местр – в пришедших ему известность «Рассуждениях о Франции» (1796) [7, с. 134]².

Нельзя не отметить определённое сходство между Жанной и героиней Местра: простая, в сущности, невежественная героиня; её близость природе (любимое место уединённой молитвы – в лесу); острое религиозное чувство (озарения наступают во время молитвы); восприятие своей судьбы как исполнение миссии (спасение родины в одном случае и спасение отца – в другом).

В повести упоминается ещё один сюжет, популярный в европейской культуре, особенно в барочной живописи XVI–

XVIII вв. – сюжет Агари в пустыне. Он возникает в произведении дважды, оба раза в моменты, когда героиню мучают сомнения, таким образом, выступая в качестве вспомогательного элемента развития действия. Обращение Местра именно к сюжету Агари, на наш взгляд, служит ещё одним аргументом в пользу ориентации на католическую традицию.

Впрочем, католические элементы в повествовании переплетаются с православными: автор отправляет героиню в путь 8 сентября – в день Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы³. Таким образом, Местр демонстрирует довольно глубокое знание и русской религиозной традиции, которым обязан, видимо, своей русской супруге, в девичестве С. И. Загряжской. Кстати, она также была лично знакома с Лупаловой и даже выведена в повести как одна из придворных фрейлин, принявших в героине деятельное участие.

Итак, произведение Местра было ориентировано прежде всего на европейского читателя, в связи с чем естественно предположить, что одной из его целей было представить картину российской действительности, причём не только в части изображения нравов и традиций. В дополнение к этнографическому экскурсу Местр описывает государственное устройство Российской империи. Весьма точно изображая неповоротливость российской государственной машины, Местр тем не менее показывает, что в этом государстве дочь осуждённого преступника без средств и покровительства может дойти до государя и добиться справедливости.

В этой связи очень примечателен образ памятника Петру I, появляющийся в повести. В последний раз после многочисленных неудачных попыток, когда Параша пытается подать прошение в сенат (значимо, что это происходит сразу после праздника Пасхи), у неё происходит разговор с купчихой, в доме которой она временно остановилась. Та говорит, что проще по-

¹ Как бы ни была комплиментарна гипотеза О. Л. Калашниковой, всё же кажется, что написанные витиеватым языком середины XVIII в., хотя и опубликованные впервые в 1811 г., «Своеучные записки» Натальи Долгорукой едва ли служили литературным образцом для французского автора. См.: Калашникова О. Л. О русской духовности от Ксавье Де Местра // Вопросы русской литературы. 2012. № 22 (79). С. 182.

² Примечательно также, что этот всплеск интереса к образу Жанны д'Арк затрагивает не только авторов – этнических французов, но и авторов – представителей других национальностей, но при этом ориентированных на французскую культуру. О произведениях русской литературы, посвящённых Жанне д'Арк, см. [3].

³ У Коттен героиня отправляется в путь 18 мая.

дать прошение статуе Петра, чем добиться, чтобы кто-нибудь из сенаторов взял её бумагу. Параша горячо возражает ей, говоря, что «Господь всемогущ и может, если такова его воля, заставить даже этого железного человека нагнуться и поднять мою просьбу»¹. Пока Параша рассматривает памятник, её спутница обращает внимание, что мосты на Васильевский остров уже наведены, они отправляются туда передать рекомендательное письмо госпоже Л., благодаря чему дело Параше вскоре принимает благоприятный оборот. Возвращаясь вечером и вновь проходя мимо памятника, Параша размышляет, что Бог внял её молитвам, ей не придётся больше обивать порог сената: «и этот самый железный человек оказал мне услугу по воле Божией ... не будь его, я не заметила бы, что наведён мост, не познакомилась бы с этими добрыми людьми, обещавшими мне свою помощь»².

Соблазнительно увидеть в статуе Петра олицетворение государственной машины, безразличной к человеку, подобно тому, как её позднее изображает Пушкин в «Медном всаднике». Учитывая внимание, с которым поэт относился к произведениям Местра³, возможно предположить, что памятник Петру I из этой повести французского автора мог послужить одним из источников образа Петра в поэме.

Итак, в повести Местра та же сюжетная структура, что и у Коттен: миссия героини восстановить справедливость, испытания героини в пути, герои-помощники (г-жа Милина, фрейлины при императорском дворе, множество второстепенных персонажей), торжество справедливости в финале. В отличие от Коттен Местр не

вводит дополнительную любовную или авантюрную линию, однако в его повести основная сюжетная линия, связанная с главной героиней, как бы расслаивается на две: «земную» (этнографические описания и галерея психологических портретов персонажей, которых встречает главная героиня) и «духовную» (миссия героини).

Изображение героини весьма схематичное, главные черты её характера – религиозность и чувство долга перед родителями. В её обрисовке есть сходство с житийным каноном, однако говорить об ориентации исключительно на православную агиографическую традицию представляется не вполне корректным. В своей повести Местр соединяет узнаваемые для французского читателя элементы (сходство героини с Жанной д'Арк, сюжет Агари) с сугубо русскими (имя героини, описание нравов и традиций) и в результате создаёт вполне комплиментарный образ России. Это ещё одно подтверждение тезиса о том, что «русский» сюжет (в данном случае – «парашин сюжет») являлся для западной литературы «инструментом» понимания загадочного восточного соседа.

Пьеса Н. А. Полевого

Следующим автором, обратившимся к «парашиному сюжету», стал Н. А. Полевой, а его пьеса, в свою очередь, послужила основой одноименной оперы Д. Струйского, созданной в том же 1840 г.

Полевой преобразует «парашин сюжет» в драматургическое действие, давая ему авторское жанровое определение – «русская быль». Для писателя, таким образом, важна установка на воссоздание «духа народа», чего раньше в своём творчестве Полевой стремился достичь, обращаясь к более объективному жанру исторического исследования («История русского народа»). Однако фактографическая точность при изображении истории Парашы Лупаловой, судя по всему, мало занимала автора. Полевой опирался на «парашин сюжет» в том виде, в каком он сложился у Коттен и Местра, не учитывая

¹ Местр Ксаверий. Молодая сибирячка: истинное происшествие / пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840. С. 48.

² Там же. С. 50.

³ Так, описание кабинета Евгения Онегина в одноименном романе исследователи возводят к повести Местра. См.: Эйхенбаум Б. О литературе: работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 70; Слободина В. А. «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра в творческом осмыслении А. С. Пушкина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 15. С. 133–136.

ни первоисточники 1800–1810-х гг., ни более поздние¹.

Трансформация сюжета в драматургическую форму неизбежно ведёт к «сжатию» пространства действия. В пьесе Полевого оно разворачивается в двух локусах: Сибирь (точное место не указано) и Москва, начальной и конечной точках путешествия, само же путешествие оставлено без описания. Таким образом, часть сюжета, которая была столь важна для французских авторов, поскольку позволяла, пусть и условно, представить российские нравы и реалии, для русского автора значения не имеет. «Народности» изображаемого Полевой достигает не через «этнографическое» описание окружающих реалий, а, как справедливо отмечала А. С. Басенко, через «воссоздание картин быта и наращивание семейно-социального материала», через введение массовых народных сцен [2, с. 80].

Композиционно «Параша сибирячка» Полевого состоит из двух действий и эпилога. Сюжет довольно схематичен, а развитие действия, обрисовки характеров автору не важны в силу вполне объективных причин: суть конфликта пьесы (хотя определение «конфликт» тут едва ли уместно) – милость монарха, а основная сюжетная линия *народ – государство*, а ещё точнее – *подданный – монарх*, представленная на примере истории Парашы, самоотверженной дочери, пришедшей просить монарха о снисхождении к её отцу. Таким образом, в сюжете невозможно его развитие как таковое, нет сколько-либо выраженного противостояния антагонистов, да и разделить персонажей на протагонистов и антагонистов довольно затруднительно.

Полевой, как и предшественники, наделяет героиню особой набожностью, однако у него она приобретает чётко выраженный вектор – неколебимая вера в особую связь каждого подданного с царём («Милосердию Бога нет границ – нет их и

милосердию Русского Царя! В храм Божий всегда отверсты двери – и к Царю всюду доступ его детям!...»²).

Кульминационная сцена пьесы – встреча с императором. Полевой описывает её в третьем лице – через реплики простых людей, пришедших в Кремль приветствовать императора. Видимо, для усиления эмоционального эффекта автор переносит время действия: по косвенным деталям в тексте угадывается, что эпизод происходит в момент коронационных торжеств по случаю воцарения Александра I – т. е. в сентябре 1801 г. Таким образом, этот эпизод выступает как знаковое событие, проявление божественной и императорской милости, знаменующее собой начало многообещающего царствования.

Опираясь на известный сюжет, Полевой, безусловно, в значительной степени освобождал себя от необходимости подробно прописывать не только события, но и характер главной героини. И всё же образ Парашы у него нарочито схематичный и шаблонный. Ведущие черты – набожность и целеустремлённость. В отличие от героини Местра у Полевого Параша грамотна (сама пишет императору письмо с просьбой о помиловании отца), однако это умение не является признаком развитого ума героини. Её образ имеет строго сюжетную функцию и лишён личностных черт, т. е. как самостоятельный характер драматурга явно не интересует. Кроме того, автор уменьшает значимость героини уже в самом начале пьесы, когда Неизвестный в разговоре с другом упоминает, что у него есть старший сын, родившийся до катастрофы, о судьбе которого он ничего не знает. Этот сын появляется и обретает имя в конце II действия. Таким образом, Полевой несколько снижает идею исключительности миссии героини.

Схематичность обрисовки относится и к другим условно центральным харак-

¹ Ко времени написания пьесы вышел «Словарь достопамятных людей российских земель» (1836) Д. Н. Бантыш-Каменского, в котором есть статья, посвящённая Параше Лупаловой.

² Полевой Н. А. Параша Сибирячка // Полевой Н. А. Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: в типографии Н. Греча, 1842. С. 40.

терам – Неизвестному (отец Параши), Прохожему (друг его молодости). Более фактурно описаны только пародийные «герои-помощники»: Фёкла Федосьевна, вдова, в доме которой Параша остановилась в Москве, и стряпчий Писулькин, которого та приглашает по собственному почину, чтобы помочь Параше составить прошение. Однако, эти образы тоже сугубо функциональны и относятся к условно «отрицательным» героям пьесы.

В качестве основного способа характеристики героев Полевой использует приём говорящих фамилий. Создаваемые с их помощью характеры варьируются от условно отрицательных (уже упомянутый Писулькин) до условно положительных, например, генерал из приближенных Александра I, которому император поручает разобраться в деле Параши, – Добров. Думается, не случайно выбраны имена старшего брата Параши – Леонид, «подобный льву», – и отца Параши – Неизвестный. В списке действующих лиц и на протяжении всей пьесы он обозначен именно так, лишь в первом действии, когда Параша рассказывает о себе Прохожему, она называет имена родителей: Александр Григорьевич и Павла Павловна. Подобная номинация исключает возможность существования конкретного прототипа героя, т. е. делает его образ собирательным. Полевой выстраивает корреляцию *монарх – все подданные*, которые в то же время *его дети*. Это означает, что «Неизвестным» может быть любой, т. е. герой «представляет за всех».

Примечательно, как меняется национальная принадлежность главной героини. Если у Коттен отец Параши – польский дворянин, участвовавший в восстании и сосланный за это в Сибирь, у более осмотрительного Местра – украинский дворянин, сосланный за растрату казённых денег, у ещё более осторожного Полевого – русский дворянин, сосланный за непредумышленное убийство. Видимо, стараясь избежать малейших ассоциаций прошлого героя с каким-либо политиче-

ским контекстом, Полевой предпочитает сделать его обвиняемым в гомициде.

Как уже было отмечено выше, в «Параше Сибирячке» Полевой ставил перед собой иные задачи, чем его французские предшественники, использовавшие тот же сюжет. У него не было цели объяснить русский характер или обрисовать российские реалии, чтобы познакомить с ними зрителя / читателя. Задача пьесы – показать восстановление справедливости, осуществляемое просвещённым монархом, т. е. это классицистический по своей сути конфликт, который в 1840 г. выглядит довольно архаично.

Любопытную гипотезу о причине обращения Полевого к данному сюжету высказывает А. С. Федотов. Особенностью пьесы, по мнению исследователя, было то, что она адресована «не только широкой публике, но и вполне конкретному зрителю — императору Николаю I» [9, с. 244], поскольку основной задачей автора было «обрести необходимое расположение властей, реанимировать собственную литературную карьеру, выбиться из числа проклятых и опальных литераторов» [9, с. 247]. Впрочем, как констатирует исследователь, попытка оказалась неудачной.

Фабула пьесы Полевого в основном следует «парашиному сюжету»: сходные завязка и развязка, географическая локализация действия. При этом отсутствует описание путешествия, следовательно, не изображены испытания героини; герои-помощники переосмыслены в пародийном ключе. Эта намеренная лакуна в сюжетной линии, вызванная, прежде всего, драматургической формой произведения, с другой стороны, свидетельствует о том, что сюжет уже настолько сложился и хорошо знаком зрителю / читателю, что часть его возможно опустить, не нарушив при этом целостности фабулы. Таким образом, основная «заслуга» Полевого состоит в том, что он перенёс «парашин сюжет» в русскую литературу [9].

Заключение

Итак, в рассмотренных литературных произведениях первой половины XIX в. (Коттен, Местр, Полевой) складывается сюжетная модель, имеющая устойчивый комплекс фабульно-сюжетных мотивов: зафиксированная географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву / Петербург), простая героиня, её особая миссия (восстановить справедливость), постоянные сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, встреча с героем-помощником, обязательное торжество справедливости в развязке (монарх дарует милость)). Всё это позволяет говорить о формировании устойчивого сюжета о Параше Лупаловой («парашиного сюжета»). При сходстве фабулы в каждом из рассмотренных произведений проявлялась своя смысловая модальность: авантюристичность и сказочность у Коттен, черты агиографического жанра у Местра, презумпция монаршей справедливости – у Полевого.

Ещё одним подтверждением устойчивости «парашиного сюжета» служит то, что

он получил дальнейшее развитие в русской литературе второй половины XIX – начале XX вв. Примерно в 1870–90-е гг. появляется по крайней мере четыре анонимные повести на этот сюжет¹. На рубеже веков выходят авторские повести, представляющие переработанный «парашин сюжет» – повесть Е. А. Салиаса «Ваня»² (1896, отдельное издание 1904) и повесть Л. А. Чарской «Сибирочка»³ (1910).

Причина популярности «парашиного сюжета» заключается, возможно, в том, что он предлагает нестандартную ролевую модель активной героини, способной ради своей цели преодолеть значительные географические и социальные барьеры. Эта модель находит отражение, например, в образе Маши Мироновой в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина⁴. Однако в целом в первой половине XIX в. в произведениях, получивших позднее статус классических, активная героиня ещё редкость, социальные роли, доступные женщине, ещё слишком ограничены.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации) // Русская литература. 2019. № 3. С. 22–30.
2. Басенко А. С. Жанр были в драматургии Н. А. Полевого // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 78–82.
3. Буланин Д. М. Жанна д'Арк в России: исторический образ между литературой и пропагандой. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2016. 718 с.
4. Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2002. С. 186–192.
5. Груцынова А. П. Русский сюжет в западноевропейском балете XIX века // Вопросы театра. 2017. № 1–2. С. 170–181.
6. Ланской Л. Неизвестные страницы Белинского // Литературное наследство. Т. 56. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 3–42.

¹ Подр. см.: Пуряева Н. Н. Анонимные повести о Параше сибирячке: к вопросу о сюжетном коде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (222). С. 147–154.

² Подр. см.: Пуряева Н. Н. Ремейк сюжета о Параше Луполовой в повести Е. А. Салиаса «Ваня» // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 3. С. 36–41.

³ Подр. см.: Пуряева Н. Н. Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. № 1. С. 99–106.

⁴ Подр. см.: [8]; Федорова А. В. Капитанская дочка Прасковья Луполова // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Четвёртые научные Пушкинские чтения, 2013. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. С. 75–81; Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра [Электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения: 08.04.2021).

7. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / пер. с фр. Г. А. Абрамова, Т. В. Шмачкова. М.: РОССПЭН, 1997. 216 с.
8. Осповат А. Л. О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочери» // *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* (= *Stanford Slavic Studies*). 2007. № 33. С. 85–99.
9. Федотов А. С. От зрителя к зрителям: формы капитализации труда драматурга в первой половине XIX века (на примере пьес А. Коцебу «Лейб-кучер Петра III» и Н. А. Полевого «Параша Сибирячка») // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*. 2019. Т. 8. № 2. С. 239–259.

REFERENCES

1. Bagno V. E. [Russian Theme and Russian Themes in the Foreign Fiction (A Case Study of Systematization)]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2019, no. 3, pp. 22–30.
2. Basenko A. S. [The Genre of Dramatic True Stories Written by Nikolai Polevoy]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 1, pp. 78–82.
3. Bulanin D. M. *Zhanna d'Ark v Rossii: istoricheskij obraz mezhdru literaturoj i propagandoj* [Joan of Arc in Russia: A Historical Image between Literature and Propaganda]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arheo Publ., 2016. 718 p.
4. Grechanaya E. P. *Literaturnoe vzaimovospriyatie Rossii i Francii v religioznom kontekste epohi (1797–1825)* [Literary Mutual Perception of Russia and France in the Religious Context of the Era (1797–1825)]. Moscow, Institute of World Literature named after A. M. Gorky RAS, 2002, pp. 186–192.
5. Grutsynova A. P. [Russian Plots in the West European Ballet of the 19th Century]. In: *Voprosy teatra* [Problems of the Theater], 2017, no. 1–2, pp. 170–181.
6. Lanskoj L. [Unknown Pages of Belinsky]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 56* [Literary Heritage]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950, pp. 3–42.
7. Maistre J. de. Considerations Sur La France (Abramov G. A., Shmachkov T. V., transl. *Rassuzhdeniya o Francii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 216 p.
8. Ospovat A. L. [About Some Plot Sources of “The Captain’s Daughter”]. In: *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* (= *Stanford Slavic Studies*), 2007, no. 33, pp. 85–99.
9. Fedotov A. S. [From the Spectator to Spectators: Forms of Capitalization of the Dramatist’s Work in the First Half of the 19th Century (“Leib-kucher Petra III” by August von Kotzebue and “Parasha Sibiryachka” by Nikolai Polevoy)]. In: *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 239–259.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puriaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Chair of the Department of Russian Language, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пуряева Н. Н. История Параша Лупаловой в произведениях первой половины XIX в.: формирование устойчивого сюжета // *Отечественная филология*. 2024. № 1. С. 114–124.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124

FOR CITATION

Puriaeva N. N. The Story of Parasha Lupalova in the Works of the First Half of the 19th Century: Formation of a Sustainable Plot. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1. pp. 114–124.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-114-124

УДК-82

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-125-136

«СИДОНИЯ» (1637) Ж. МЕРЭ: ТРАГЕДИЯ ИЛИ ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ? ЭКСПЕРИМЕНТ АВТОРА С ЖАНРОВОЙ ФОРМОЙ

Симонова Л. А.*Библиотека-читальня имени А. С. Пушкина**105066, г. Москва, ул. Спартаковская, д. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На примере «Сидонии» Ж. Мерэ проследить один из путей обновления трагедийного жанра во Франции в первой половине XVII в., в частности, по принципу экспериментального соединения трагедийной и трагикомедийной жанровых моделей.

Процедура и методы. Жанровый подход, предполагающий учёт типологии жанра, дополняется структурно-семиотическим, в соответствии с которым рассматривается характер разворачивания трагедийного текста как дискурсивно-риторической системы.

Результаты. «Сидония» является одной из первых современных трагедий с политическим сюжетом, в которой определяющие интригу трагикомедийные элементы играют подчинённую роль и служат для передачи исторического конфликта.

Теоретическая и/или практическая значимость. В творчестве Мерэ начинается складываться французская классицистическая трагедия. Как автор трагедий с политическим сюжетом («Софонисба», «Марк Антоний», «Последний Великий Сулейман», «Сидония») Мерэ оказал непосредственное влияние на становление трагедийного письма Корнеля.

Ключевые слова: жанр, классицизм, конфликт, трагедия, трагикомедия

“LA SIDONIE” (1637) BY J. MAIRET: TRAGEDY OR HEROIC TRAGICOMEDY? EXPERIMENT OF THE AUTHOR WITH GENRE FORM

L. Simonova*Library named after A. S. Pushkin**ul. Spartakovskaya 9, Moscow 105066, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to trace one of the ways to update the tragic genre in France in the first half of the 17th century, in particular, on the principle of experimental combination of tragic and tragicomic genre models, using the example of J. Mairet's “La Sidonie”.

Methodology. The genre approach, which involves taking into account the typology of the genre, is complemented by a structural-semiotic one, in accordance with which the character of the unfolding of a tragic text as a discursive-rhetorical system is considered.

Results. “La Sidonie” is one of the first modern tragedies with a political plot, in which tragicomic elements that define intrigue play a subordinate role and serve to transmission historical conflict.

Research implications. In the work of Mairet, the French classic tragedy begins to take shape. Mairet as the author of tragedies with a political plot (“Sophonisbe”, “Le Marc-Antoine, ou la Cl op tre”, “Le Grand et dernier Solyman”, “La Sidonie”) had a direct influence on the formation of Corneille's tragic writing.

Keywords: genre, classicism, conflict, tragedy, tragicomedy

Введение

«Сидония» (1637) задумывалась Ж. Мерэ как очередной эксперимент с жанровой формой, на что указывает уже тот факт, что драматург даёт ей оригинальное, ранее не встречающееся жанровое определение «героическая трагикомедия» (нетрадиционно здесь использование уточняющего слова «героическая» наряду с названием «трагикомедия», из чего следует, что автор отдаёт себе отчёт в том, что в заметной мере выходит за рамки известного жанра). На наш взгляд, Ж. Мерэ с полным основанием мог назвать «Сидонию» «трагедией», поскольку та содержит в себе основные признаки этого жанра (что будет показано в нашем анализе пьесы). Схожей точки зрения придерживается Б. Лува-Молозе, по мнению которой Мерэ мог, но не решился дать «Сидонии» жанровое определение «трагедия»: в это время не было ещё прецедента трагедии со счастливым финалом (первым этот шаг сделал Корнель, который в 1643 г. в издании «Цинны» назвал пьесу «трагедией» несмотря на счастливую развязку) [12, p. 134].

Проблема жанровой дифференциации драматических произведений XVII в.

Жанровая дифференциация в случае произведений французских драматических авторов первой половины XVII в. является непростой задачей, поскольку в своём большинстве (это можно сказать о Ж. Мерэ, Ж. де Ротру, Ж. де Сюдери, П. Корнеле) их пьесы располагались на границе жанров, чаще всего трагедии и трагикомедии, иначе говоря, заключали в себя черты как одной, так и другой. Вопрос жанрового определения относительно текстов Мерэ, как и драматических авторов его поколения, не является проблемой исключительно терминологического порядка: ответ на него позволяет определить, как параллельно функционировали, изменялись в условиях взаимовлияния разные жанры (трагедия, трагикомедия, пастораль, комедия), и в частности как преодолевался наблюдаемый в 1620-х – 40-х гг. кризис трагедийного жан-

ра¹, за счёт каких структурно-смысловых механизмов происходил процесс обновления трагедии (относительно предшествующей ей гуманистической трагедии XVI в., жанровый потенциал которой во многом был исчерпан, традиционные формы которой перестали вызывать интерес), который позволит ей занять во второй половине XVII в. доминирующее положение.

Изначально усилия Ж. Мерэ, Ж. де Ротру, Ж. де Сюдери были сосредоточены на том, чтобы заменить старый жанр трагедии «современным» жанром трагикомедии (последнему они отдавали предпочтение на протяжении всего творчества²). Э. Баби, автор монографии «Трагикомедия от Корнеля до Кино», расцвет трагикомедийного жанра относит к периоду с 1628 по 1643 гг. (в этот промежуток было опубликовано 129 трагикомедий) [3, p. 13]. Как представляется, успех, которым пользовалась у публики трагикомедия, был обусловлен установкой авторов на развлекательность. Так, Р. Гишемер относительно трагикомедии говорит о стремлении драматургов «поражать чувства и воображение зрителей», предпочтении ими «неистовства страстей и рыцарского героизма, исключительных ситуаций и неожиданных развязок, хитростей и переодеваний» [8, p. 9]³. Распространению трагикомедии способствовали развернувшиеся в конце 1620-х – начале 30-х гг. теоретические споры: Ф. Ожье, Ж. де Сюдери, А. Марешаль доказывали преимущества этого жанра,

¹ С начала 1610-х гг. число трагедий постепенно уменьшается, пока в 1628 г. жанр практически исчезает с парижской сцены. К концу 30-х гг. число трагедий заметно возрастает, что позволяет этому жанру потеснить трагикомедию, однако уже в начале 40-х гг. трагедия снова переживает спад, который продолжается вплоть до конца десятилетия.

² Ж. Мерэ принадлежат 6 трагикомедий и 3 трагедии, Ж. де Ротру – 17 трагикомедий и 8 трагедий, Ж. де Сюдери – 10 трагикомедий и 4 трагедии.

³ В определении трагикомедии Ж. Шерер также акцентирует увлекательность интриги: «Трагикомедия включает самые удивительные приключения, самые невероятные приёмы; переодевания, наводнения, приступы безумия, дуэли, увоз пиратами, кажущийся инцест, заговоры, убийства, преследования и бури» [2, p. XXII; 17].

по их мнению, отвечающего вкусам современного общества, говорили о праве автора отказаться от сдерживающих его свободу аристотелевских правил, и прежде всего, о возможности обращаться к многочисленным событиям, которые могут происходить в разных местах и длиться несколько месяцев¹. Выделим основные жанровые признаки трагикомедии: сюжет взят из фикциональных текстов – новелл, рыцарских и пасторальных романов, героических поэм, комедий, основу сюжета составляет история любви, главные герои занимают высокое социальное положение, разнообразие приключений, трагедийная напряжённость действия, связанная с испытанием влюблённых, чья жизнь и счастье оказываются в опасности, счастливая развязка, сближение трагического и комического (присутствие комических персонажей, комедийных сцен, более или менее грубых шуток), нередко сцены проявления жестокости (сражение, дуэль, похищение, насилие), нарушение правила «трёх единств». Как на один из отличительных признаков трагикомедии принято указывать на её «неисторический», «неполитический» характер, т. е. интерес к частной жизни, чувствам героев (даже если те являются историческими личностями), а не к проблемам государственным. С начала 1630-х гг. жанр трагикомедии существенно изменяется вследствие устанавливающейся классицистической эстетики, меняющегося вкуса публики, а также под влиянием трагедии. Трагикомедии начинают подчиняться аристотелевским правилам (в первую очередь правилу «трёх единств»²), принципу благопристойности

(становилось меньше событий, связанных с проявлением насилия, жестокости), закону разграничения жанров (исключаются комедийные элементы), в них усиливаются психологические конфликты, включаются политические мотивы. По точному, на наш взгляд, замечанию Р. Гишмера, «даже если романический вкус оставался определяющим, становилось меньше приключений, неожиданных поворотов интриги, неожиданных развязок; пьесы, действие которых часто развивалось во дворце, достигали концентрации драматического действия и психологической глубины, ставили политические и моральные проблемы» [8, р. 93]. Ш. Кудерк и А. Занэн указывают на то, что активное включение в трагикомедию элементов других жанров (трагедии, комедии, пасторали), как и усилия авторов приводить их пьесы в соответствие с правилами, важность которых возрастает, в конечном итоге приводит к уподоблению трагикомедии другим драматическим жанрам [5]. Не следует упускать из внимания, что трагикомедия, в свою очередь, влияла на трагедию: в последнюю нередко привносились темы, мотивы, типы героев, стилистика первой³. Сближение жанров

ношению к театру правила «трёх единств». Однако эти, казалось бы, противоречащие друг другу, взаимоисключающие явления в действительности самым непосредственным образом связаны друг с другом, несут взаимоопределяющий характер: усилия теоретизирования трагикомедии как современного (т. е. не опирающегося на античный пример) жанра инициировали активизацию рефлексии над поэтологическими нормами и таким образом способствовали укреплению этих норм, именно в ситуации спора, отрицания правила фиксировались и закреплялись, распространяясь на саму трагикомедию, которая стала осмысляться как «правильная» и в которой правила начинали соблюдаться («Клитандр» и «Сид» Корнеля, «Сильвиана» Мерэ и др.), за счёт чего сам жанр получал узаконение («...его современность, без гарантии авторитета Античности, способствовала его выталкиванию в доктринальную нелегитимность второстепенного жанра, и в то же время, предшествуемый теорией, которая его оформляла, он был порождением современности, которая его легитимизировала, придавая ему правильную форму» [1, р. 295]. Одним из прямых следствий этого процесса Э. Баби считает узаконение трагикомедии в качестве «трагедии со счастливым концом».

³ Обратимся к наблюдению Б. Лува-Молозе: «...ав-

¹ Предисловие Ф. Ожье к трагикомедии «Тир и Сидон» (1628) Ж. де Шеландра, предисловие Ж. де Сюдери к «Лигдамону и Лидиасу» (1631), предисловие А. Марешаля к «Благородной немке» (1631).

² Примечательную концепцию, во многом объясняющую активное распространение трагикомедии, как и её сближение по формальным признакам с трагедией, высказывает Э. Баби в статье «Парадоксальная легитимизация: трагикомедия времени Ришелье». По мысли литературоведа, в 1630-е гг. складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: расцвет трагикомедии как «неправильного» жанра хронологически совпадает с применением по от-

можно наблюдать и в появлении трагедий со счастливым концом (примером чему могут служить неожиданно счастливые развязки в трагедиях Корнеля «Гораций», «Цинна», «Помпей»).

Из сказанного можно сделать вывод, что границы между жанрами трагедии и трагикомедии были нечёткими. Жанровая дифференциация представляет в некоторых случаях сложную, а иногда и неразрешимую проблему. Подход к разграничению по сюжету (исторический / любовно-авантюрный) или по источнику (нефикциональные или фикциональные жанры¹), как и по формальным признакам (прежде всего по соблюдению или несоблюдению правила «трёх единств») зачастую оказывается непродуктивным. Яркими примерами подвижности границ между трагедией и трагикомедией являются «Сид» Корнеля и «Тираническая любовь» Скудери. Например, Б. Лува-Молозе относит «Сиду» к трагедийному жанру, объясняя это историческим сюжетом (что, по мнению исследователя, является главным признаком трагедии), несмотря на то, что пьеса имеет многочисленные характеристики жанра трагикомедии: «неправдоподобное множество событий, жестокие действия... исключительно любовные мотивировки, счастливая развязка» [10, р. 227]². Согласно Э. Мерлен-

Кажман, «Сид» – трагикомедия: пьеса «наделяет исключительным достоинством интимное любовное чувство, заставляя его выйти из его традиционной комической сниженности, но не придавая ему при этом характера социального и гибельного, свойственного любви трагедий» [14, р. 31]. Ж. Форестье, делая акцент на любовной интриге, называет «Сиду» «романической трагикомедией» [7, р. 68]. Л. Эрлан видит в «Сиде» Корнеля трагикомедию, которая служит примером переноса в более высокий план «несчастий и соперничества в любви, составляющих содержание его комедий» [9, р. 3]. Сам Корнель в 1637 г. называет «Сиду» «трагикомедией», однако в издании 1648 г., не изменяя текста пьесы, даёт ему уже определение «трагедия» (это объясняется прежде всего изменением понимания трагедийного жанра теоретиками и самими драматургами): основаниями, позволяющими отнести «Сиду» к трагедии, являлись как формальные признаки, а именно, соблюдение единства места и времени, так и содержательные – перенесение акцента в драматическом действии с событий на психологический и моральный конфликт, притом что счастливый финал уже не был исключительным признаком трагикомедии. Однако «Сид» всё же не соответствует тому определению трагедии, которое Корнель даёт в «Рассуждении о драме» (1660): драматург называет «Сиду» «самой лирической пьесой» из всех, им созданных, тогда как от трагедии он требует передачи политических проблем, серьёзной опасности для государства³. Ж. де Скудери называет свою пьесу «Тираническая любовь» (1638) «трагикомедией», имея на это все основания: преобладание в драматическом сюжете частного над государственным, построение действия вокруг любовной, а не политической интриги, счастливая развязка по принципу «бога из машины».

торы первых парижских трагедий совершенствовали их драматургическое искусство, соединяя трагикомедии, пасторали и комедии, и нет ничего удивительного в том, что они привносили в новый жанр ситуации, типы дискурсов, фрагменты сцен, взятые из внешних параллельно существующих практик» [13, р. 112]; «...то, что принято называть “классицистической” трагедией, есть жанр гибкий, видоизменяющийся, полиморфный и сущностно неоднородный, который испытывает самые разные влияния...» [11].

¹ Можно указать на наличие трагедий с авантурным или любовным сюжетом, источником которых являются романы (например, «Лукреция» А. Арди, сюжет которой взят из романа Лопе де Вега).

² Примечательно, что в другой своей работе Б. Лува-Молозе называет «Сиду» «нетипической трагикомедией», располагающейся на границе с трагедией, о чём свидетельствуют историческая тема, единство места и времени, раскрытие психологических и моральных следствий событий [11].

³ «Её (трагедии. – Л. С.) величие требует каких-либо крупных государственных интересов или каких-либо чувств, более благородных и мужественных, чем любовь, таких как честолюбие и месть, и предполагает страшиться несчастий более серьёзных, чем потеря возлюбленной». См.: Corneille P. Théâtre. T. 3. P.: Classiques Garnier, 2017. P. 550–551.

Ж.-Ф. Сарразен же в «Рассуждении о трагедии» (1639) определяет «Тираническую любовь» как «трагедию», более того, принимает подробно разбираемую им пьесу за образец трагедийного жанра, объясняя это её абсолютным соответствием разработанным Античностью законам драмы: формальным (правилу «трёх единств»), так же как и содержательным – величие духа, которое демонстрируют герои в их верности любви, а также долгу как обязанности сохранить честное имя даже ценой смерти, отвечает требуемой жанром серьёзности, грандиозности.

Согласимся с Ж. Морелем, который считает, что в период с 1634 по 1637 гг. трагедия очень слабо отличалась от трагикомедии [15, р. 26]. На невозможность во многих случаях провести чёткую границу между трагикомедией и трагедией в 1630–1640-х гг., закрепив отчётливо выраженные жанровые признаки за каждой из них, говорит и Э. Баби [3]. Одно из отличий между трагедией и трагикомедией литературовед видит в том, что в трагедии автор «выдумывает детали в строгом соответствии с сущностью интриги», тогда как в трагикомедии он измышляет саму интригу и «собирает определённое количество референциальных деталей» [2, р. 110]. Большинство специалистов по литературе XVII в. разделяют точку зрения, что в установлении жанровой принадлежности пьесы нужно прежде всего полагаться на определение жанра произведения автором. Однако сами драматурги могли колебаться в определении жанра своих пьес. Ярким примером этому служит Ротру. Пьеса «Велизарий» была названа драматургом одновременно «трагедией» (определение, помещённое на титульном листе) и «трагикомедией» (определение, фигурирующее между листом с персонажами и первой сценой). Жанровое определение «Ифигении» «трагедия» в первом издании 1641 г. сменяется на «трагикомедия» во втором издании годом позднее. «Венцеслав» в изданиях 1648 г. в одном издательстве был представлен как «трагикомедия», в другом – как «трагедия» (М. Бетери находит черты

как одной, так и другой, показывая основания для первого и второго определения [4, р. 21]). Ж. Морель приходит к выводу о том, что Ротру «плохо различает трагикомедию и трагедию» [16, р. 137].

В настоящее время в исследованиях, посвящённых драматическим жанрам XVII в., встаёт вопрос о возможности определения приблизительной модели жанра, которая могла бы объединить его наиболее общие показательные признаки. В частности, эту задачу ставит перед собой Э. Баби в статье «Мерэ и границы трагикомедии», согласно сделанным ей выводам, трагикомедийную модель драматурга определяют следующие показатели: вымышленные сюжеты и персонажи, романические модели (в том числе и мотивы романа авантюры: ложные смерти, сокрытие героем своей личности), сплетение исторических и романических имён, реальных и легендарных мест, событий, признаваемых за фактические и вымышленные [3]. Однако следует задаться вопросом, насколько подобная модель продуктивна в применении к конкретному произведению в качестве его характеристики. Уже сам переход Мерэ от одного драматического жанра к другому (от пасторали – к комедии и трагикомедии, затем к трагедии и обратно к трагикомедии, наряду с изобретением нового жанра «героической трагикомедии» в случае с «Сидонией») в условиях характерной для этого периода драмы жанровой диффузии свидетельствует о значимых – значительно изменяющих саму природу жанра – подвижках в каждом произведении, а следовательно, непродуктивности применения подходов, направленных на выявление типологического сходства. В этом случае целесообразно исходить из рассмотрения драматической структуры конкретной текста, определяя особенности её построения и функционирования всех его разнородных (чаще всего разножанровых) элементов. В случае с «Сидонией» для Мерэ оказался привлекательным именно своей открытостью для экспериментов жанр трагикомедии (А. Делери говорит о парадоксальном характере трагикомедии

как «побочного» жанра, «который сопротивляется всяким попыткам категоризации и узаконения в качестве драматического жанра и который наиболее часто в театральной практике предстаёт местом, исключительно подходящим для формальных экспериментов и родовых скрещиваний» [6, р. 169]). Однако закладываемые в этой пьесе смыслы, определяющие само построение её дискурсивно-риторической структуры, напрямую связаны с трагедийным жанром, и, если иметь в виду создаваемую в один год с «Сидонией» трагедию «Последний Великий Сулейман», будет очевидно, что элементы трагикомедии подчиняются общему замыслу – размышления о политической власти, а именно о безрезультатных попытках преодоления закона тиранического произвола. Механизмы трагикомедии перестают работать на авантюрную интригу, начинают обнаруживать катастрофичность истории и беспомощность перед её лицом человека. Определение жанра будет зависеть в этом случае от наблюдения за тем, какие структурно-смысловые элементы играют определяющую роль в осуществлении драматического замысла и с оглядкой на какую интенциональную перспективу (трагедийную или трагикомедийную, иначе говоря, исторически-конфликтную, протестующую или примирительную с точки зрения осуществимости личного счастья) разворачивается драматургическое письмо (в этом отношении немаловажна и связь текстов, от чего и к чему движется автор: «Софонисба» (1634) и «Марк Антоний» (1635) есть начало замысла о политическом провале, подрыве веры в традиционные авторитетные смыслы). В статье «Границы трагедии: “Сильванира”, “Софонисба”, “Сидония”» Б. Лува-Молозе подчёркивает связь «Сидонии» с трагедией, по её мнению, Мерэ нащупывает жанровые границы трагедии, он изобретает «весёлую “среднюю” пьесу, более возвышенную, чем большинство трагикомедий, но без претензии на трагедийное достоинство» [12, р. 141]. Выдвинем свою гипотезу: Мерэ пишет трагедию с политическим

сюжетом в центре, используя для передачи конфликта композиционные приёмы трагикомедии, самым принципом подчинения дискурсивно-риторической структуры пьесы политической дискуссионности, определяемой проблемой власти, предвзялая «Цинну» Корнеля.

«Сидония»: на границе трагедии и трагикомедии

Мотив соперничества в любви, а также счастливая развязка, где раскрывается тайна рождения главной героини, являются основными приметами трагикомедии в «Сидонии». Однако всё драматическое действие организуется вокруг проблемы власти как идейно-композиционного центра, отсутствует авантюрная линия сюжета (за исключением мотива тайны рождения, сводящегося к толкованию предсказания оракула), нет героев «низкого плана», не встречаются комедийные элементы, нет контрастного столкновения серьёзного и смешного в характерах героев и т. п. В «Сидонии» Мерэ строго придерживается «трёх единств»: действие разворачивается в королевском дворце, укладывается в сутки и стягивается к подготовке свадьбы главной героини. Событийное движение в «Сидонии» предельно ослаблено: в границах сценического действия практически ничего не происходит. Персонажи в спорах решают, кто имеет больше прав на руку Сидонии – наследный принц Армении Фарнас или принц Лидии Синаксар. Столкновение интересов двух героев далеко не исчерпывается трагикомедийным мотивом любовного соперничества (хотя удача роковым образом переходит от одного к другому, героиня активно настаивает на выборе сердца, её поведение возбуждает ошибочные подозрения и ревность возлюбленного – т. е. напряжение дискурса во многом усиливается за счёт страстей), основу борьбы Фарнаса и Синаксара составляет этико-политический вопрос о привилегиях и власти, отношении правителя и подданных. По сравнению с «Последним Великим Сулейманом» историческая идея

в «Сидонии» значительно развёрнута, однако осуществляется это за счёт почти полной парализации событийного действия, а также нивелирования характеров персонажей и редуцирования активности их проявления в поступке. «Сидонию» можно считать драматизированным размышлением автора о характере верховной власти – политическом и, шире, ценностно-смысловом Авторитете. Продвижение к его нахождению и обуславливает развитие полифонического дискурса.

В пьесе происходит спор-столкновение нескольких позиций. Во-первых, это Браманта – вдовствующая царица Армении, которой принадлежит вся полнота власти («Никто не утверждает надо мной закона, империя принадлежит мне, я правлю ей одна и так, как хочу...»¹; «Она рассматривает дела, управляет, принимает решения; поскольку она царица, она ни от кого не зависит, всегда властная и осмотрительная...»²). В образе Браманты воплощена идея мудрого правления – лишённого слепоты своеволия и следующего исключительно расчёту государственного блага. Именно Браманте принадлежит решение выдать дочь своего главного министра Сидонию за принца Лидии Синаксара и таким образом отблагодарить его за помощь в войне с Персией, а также заручиться поддержкой одного из самых доблестных и преданных вассалов, чьи подвиги укрепили трон и спасли страну от разорения и порабощения («Посредством нежных уз я связываю Синаксара, я обеспечиваю мою империю таким редким мужеством...»³). Почти на протяжении всей пьесы Браманта демонстрирует твёрдость королевской воли, будучи убеждённой, что её распоряжения справедливы, освещены традицией абсолютной власти и потому не могут быть поставлены под сомнение или опровергнуты (в ситуации с Сидонией и Синаксаром верность решения царицы подтверждается взаимным чувством молодых людей). Окружение

Браманты демонстрирует полное согласие с её волей и беспрекословное подчинение всем её приказам. В случае с царицей личное полностью совпадает с общественным, индивидуальное желание целиком оправдано государственным интересом. В Браманте не обнаруживаются никакие страсти, никакие произвольные устремления, которые не отвечали бы всеобщей пользе. Позиция Браманты подкреплена многовековой традицией авторитета власти и достаточно ясными рациональными основаниями социального блага, воспринимаемыми как закономерные и необходимые.

Браманте противостоит её сын, наследник престола Фарнас. Он пытается оспорить приказ королевы и настоять на том, чтобы Сидонию выдали за него. Первоначально конфликт Браманты и Фарнаса имеет характер столкновения разумности, порядка, законности и разрушительного безрассудства, опасного эгоизма, агрессивной необузданности страстей. Фарнас открыто выражает своё несогласие с решением царицы, ссорится с Синаксаром, бросая в его адрес оскорбительные обвинения и провоцируя его на поединок, принуждает к замужеству не питающую к нему чувства и уже обещанную по её желанию другому Сидонию. Сначала о Фарнасе судят только как о невоздержанном, слишком горячем юноше (царица призывает сына быть с ней более уважительным и послушным, вести себя в соответствии со своим положением с большей рассудительностью и достоинством, говорит о «пылком нраве дерзкого сына»⁴). Однако чем настойчивее становится сопротивление Фарнаса воле царицы и чем с большим высокомерием и неблагодарностью он начинает вести себя с подданными (Аркоменом и Синаксаром), тем отчётливее прочитывается в нём традиционный для трагедии образ тирана. Своё желание герой ставит выше государственного интереса: он отталкивает Синаксара, преданность которого является гарантией неза-

¹ Mairiet J. La Sidonie. P. 1643. P. 26.

² Ibid., p. 29.

³ Ibid., p. 26.

⁴ Ibid., p. 18.

висимости Армении, подрывает доверие к трону, отменяя королевское слово, умаляет закон долга, демонстрируя, что никакие этико-правовые принципы (о которых, в частности, ему пытается напомнить главный министр Аркомен) не могут воспрепятствовать достижению им произвольно избранной для себя цели. Стремление героя к власти не как служению, но как удовлетворению прихотей подпитывается его уверенностью в своём превосходстве, неумеренной гордостью и усиливаемой тщеславием амбициозностью (так, в беседе с Сидонией он говорит о своём величии, презрении к интересам других, его незаменимой роли в любом событии). Фарнас убеждён, что всё должно происходить так, как он того хочет, и что как будущий обладатель всей полноты власти он не должен встречать никаких препятствий: «В своём справедливом гневе я покажу ему (Аркомону. – Л. С.), что способен помешать тому, что может мне не понравиться, и что этот слишком сомнительный союз не из тех дел, которые решаются без меня»¹. Фарнас уверен, что он неподсуден: власть оправдывает его характер и все его поступки; он не признаёт над собой никакой воли, кроме своей собственной, и никакого закона.

Reine

Je serai votre Reine et votre Gouvernante
Pour corriger en vous cette humeur violente.

Pharnace

C'est le temperament dans lequel je suis né,
Et si c'est un défaut vous me l'avez donné.²

(Царица. Я буду вашей царицей и вашей наставницей, чтобы исправить этот горячий нрав. Фарнас. С этим характером я рождён, и если это недостаток, им я обязан вам).

Своеволие Фарнаса представляет опасность для государства, о чём говорит царица, настаивая на неотменимости своих решений. От сцены к сцене всё более настойчиво звучащий тиранический вызов Фарнаса («Несмотря ни на что и к чему

бы это ни привело, я смогу осуществить брак, который задумал»³) уравнивается упрочивающейся идеализацией Синаксара. В оценке разных персонажей жених Сидонии – образец возможных сословных достоинств: воинской славы, мужества, великодушия, ответственности и преданности в служении государственной идее, обострённого сознания долга, неотступного следования взятым на себя обязательствам. То, что подрывается Фарнасом, укрепляется Синаксаром: первый, рискуя ослабить государство, сделать его уязвимым в ситуации военного противостояния, открыто ссорится с соперником в любви, второй, несмотря на нанесённое ему оскорбление, решает сохранить верность армянскому трону. Синаксар как опора царской власти и гарант государственности превосходит своего оппонента. Неразрывность связи Синаксара с верховной властью фактически упраздняет разницу в статусе соперничающих героев: жених Сидонии принадлежит к царскому роду, однако не владеет землями – за верную службу в качестве свадебного подарка Браманта дарует ему три подчинённых ей провинции, закрепляя за ним таким образом положение вассала. В высказываниях многих персонажей – Браманты, Сефизы, Аркомена, Сидонии, Синаксара – устанавливается нераздельность, взаимозависимость правителя и подданных в их служении общему делу. Эта скрепляющая традиционный государственный порядок доминирующая линия дискурсивного движения драмы утверждает преимущество Синаксара. Окружение Браманты, за исключением Фарнаса, убеждено, что её выбор оправдан и законен. Всеобщими дискурсивными усилиями восстанавливается тот разрыв гармонических отношений, который создаётся провокативным поведением Фарнаса. Угрожающий всеобщему согласию вызов героя с трудом, но всё же нейтрализуется вплоть до третьего акта: угрозы Фарнаса, его взлом безупречно верных относительно главного ценностного

¹ Mairat J. La Sidonie. P., 1643. P. 5.

² Ibid. P. 20.

³ Ibid. P. 23.

ориентира, рационально обоснованных и не допускающих никаких сомнений положений удастся удерживать в границах временного, случайного – Браманта, Аркомен, Сефиза говорят о поведении Фарнаса как о прихоти, беспокойном нраве, горячности молодости. Разрушительное противодействие Фарнаса настолько противоречит общепринятой закономерности, ясно осознаваемому и принимаемому как необходимость благу, что понимается как неустойчивая, не имеющая под собой никакой идейной основы поза, неуправляемая, стихийная потенция, которую легко обуздать, направить в нужное русло. Определённым итогом отношения Браманты и её окружения к Фарнасу звучат слова Аркомена: «Если царевич гневлив, безудержен и горяч, это недостаток возраста и темперамента. Ваш пример, госпожа, а также время сделают его более сдержанным и мудрым»¹. Заметим, что во всех характеристиках конфликтной ситуации до кульминационного поворота Авторитет закреплён за царицей Армении («Однако хорошо, что моя воля утверждает себя строгостью и что мы абсолютной властью закончим это решённое между нами общее дело»²). То, что первоначально предъявляет Фарнас в споре со своими оппонентами, – его царское происхождение, положение наследника престола – не имеет почти никакого веса. Заносчивость и амбициозность принца ничем не подкреплены, его сопротивление воле Браманты – это исключительно вызов оскорблённого честолюбия (принятое без его согласия решение о браке Сидонии и Синаксара Фарнас воспринимает как оскорбление, унижение его высокородного достоинства и умаление его славного наследственного имени; по его представлению, мать своей авторитарной позицией непозволительно ослабляет его влияние в государстве, подрывает у подданных уважение к нему и даже пробуждает в них презрение к нему как бесправному лицу, желания которого не принимаются в расчёт). Расширяющиеся смыслы высказы-

ваний царицы, которые расходятся от «я» и «моё право» до «всех» и «империи», своим размахом перекрывают всегда сходящиеся к «я» и «моё воление» смыслы Фарнаса. Правота Браманты подтверждается и поведением Синаксара, который, несмотря на оскорбление его Фарнасом, решает сохранить верность армянскому трону, демонстрируя своё постоянство и неспособность пренебречь данными им Браманте клятвами. Таким образом, задаётся ситуация полного провала Фарнаса, от сцены к сцене подчёркивается необоснованность, более того, преступность его притязаний, осуществление которых должно не только разлучить двух влюблённых, но и лишить необходимой опоры царскую власть, поставить под вопрос существование самого государства. Несмотря на настойчивость своего вторжения, Фарнас дискурсивно вытесняется на периферию разворачивающегося драматического действия, так что конфликт как будто бы оказывается исчерпан. Однако более пристальное рассмотрение дискурсивно-риторического движения пьесы обнаруживает неточность очевидной однозначности подобного наблюдения.

Движение доминирующих значений изначально осложняется не слишком явно и достаточно редко, однако с заметной периодичностью вторгающимися намёками – отсылками к несколько завуалированному, но угрожающе весоному авторитету (эта закономерность наблюдается вплоть до начала третьего акта, когда этот авторитет предельно отчётливо раскрывается). В высказываниях Фарнаса упоминается об «обещании богов», «звёздах», «счастливой судьбе», «власти неба», в разговоре с Сидонией герой между прочим заявляет, что своей цели он может теперь добиться «малейшими усилиями»³, а в разговоре с сестрой утверждает, что имеет все основания, чтобы «ничего не бояться и на всё надеяться», и что для осуществления желаний у него есть «религия, государство и природа»⁴. В третьем акте то, что скрывалось за полузагадочными намёка-

¹ Mairet J. La Sidonie. P., 1643. P. 25.

² Ibid.

³ Ibid. P. 7.

⁴ Ibid. P. 54.

ми, получает предельную определённую: оказывается, Фарнас опирается на *предсказание оракула*, которое он получил в храме Амона. Этот часто используемый в трагикомедии композиционный приём служит смысловой пружиной конфликта. Как только Фарнас открывает Браманте предсказание оракула, действие резко изменяет направление. Все аргументы в защиту Синаксара сразу же перестают работать: царица отказывается от своего решения и женихом Сидонии вопреки всем основаниям становится Фарнас. Мерэ прибегает к довольно распространённому сюжетно-композиционному механизму: неверное толкование пророчества. Предсказание оракула, которое в тексте пьесы дословно приводится несколько раз, заключается в следующем:

La Merveille que tu chéris
Du plus Heureux des Rois et des Maris
Sera la Destinée;
Et les Dieux l'aiment tant,
Que de son Hyménée
Dépend tout le bonheur du Sceptre qui t'attend¹.

(Чудо, которым ты дорожишь, предназначено судьбой самому счастливому из царей и мужей, и боги настолько её любят, что от её брака зависит счастье скипетра, который тебя ожидает).

Вполне очевидно, что речь идёт о браке Синаксара и Сидонии, благодаря которому и укрепится армянский трон, что соответствует расчётам Браманты (такой смысл пророчества подтверждается финалом), однако в толковании Фарнаса (а именно его версия принимается всеми персонажами) происходит роковая подмена: в «самом счастливом из царей и мужей» он видит себя. Посредством приёма пророчества Мерэ проблематизирует идею власти. Несмотря на акцентированную апелляцию к воле богов (здесь совсем не имеет значения природа культа – языческий или христианский), в тексте пьесы не открывается мистический план, противостояние сил остаётся исключительно в политическом

плане. Главная проблема, к которой выводит драматическое действие, заключается в следующем: как тиранический произвол Фарнаса, который изначально блокируется упорядочивающими силами как противозаконный, разрушительный вдруг при буквальной парализации противодействующих ему персонажей начинает играть направляющую роль, присваивает себе все права. Как ни парадоксально, важны не содержание предсказания и не бытийная устойчивость, которую оно предлагает, но само его наличие. С позиции разумных оснований, за которые пытаются держаться Браманта, в пророчестве можно сомневаться («Но кто знает, правдив или нет оракул?»², – замечает царица), однако как факт его нельзя отменить – оно присутствует как неопровержимый высший авторитет. Этим и пользуется Фарнас, считая (об этом он заявляет, начиная с третьего акта, в разговорах со своими оппонентами), что все его действия абсолютно оправданы. Здесь идёт речь о санкционированности власти как таковой, безотносительно ответственности и законности («Моё счастье мне дороже, чем счастье другого»³, – продолжает настаивать Фарнас). Оракул используется именно для укрепления позиции Фарнаса, который благодаря ему ни в ком не встречает противодействия. Оракул позволяет Фарнасу ни в ком и ни в чём не нуждаться, следовать исключительно своим – в сущности эгоистическим – желаниям, выдавая их за условие всеобщего благополучия. Именно заданная оракулом равнозначность между личным (в данном случае полностью присвоенным Фарнасом) и государственным исключает все возможные возражения, в этой ситуации отступает даже Браманта.

Заключение

В дальнейшем развитии действия акцент сделан на превосходстве Сидонии и Синаксара, которые с их обострённым чувством долга и ответственности за об-

¹ Mairet J. La Sidonie. P., 1643. P. 67.

² Ibid. P. 65.

³ Ibid. P. 70.

щую судьбу буквально жертвуют собой тиранической воле Фарнаса. Бунт влюблённых против насилия над ними сменяется самозакланием: понимая, что своим противостоянием Фарнасу они спровоцируют потрясения, которые отразятся на всём государстве, они решают подчиниться требованиям принца – и умереть. «Чтобы наказать неблагодарного, не стану ли я сам неблагодарным? ... О долг, о уважение, которые лишают меня облегчения, которое оскорблённый ум находит в мести»¹, – размышляет Фарнас. «Но вдруг наши трагические намерения² воспрепятствуют успешному осуществлению государственных дел? Послужим ли мы нашим привязанностям в ущерб счастью стольких народов? И не покроет ли бесчестие наше славное имя эта неблагодарность по отношению к нашей родине? Нет, подождём пока и послужим государству, которому так хорошо служил мой отец»³, – вторит ему Сидония. Таким образом, сталкиваются произвол и долг, подрывающая устойчивость государства тирания и страхующее служение, в котором, согласно высказыванию Сидонии, можно согласовать всё – «долг, родину, оракул, любовь»⁴. В этом противостоянии победа остаётся за первым: силовое давление ничем не ограниченной, неконтролируемо укрепляющейся и находящей оправдание в своей произвольности власти сметаёт любое сопротивление, на какие бы значимые политические принципы последнее ни опиралось. Синаксар и Сидония оказываются беспомощны против принуждения Фарнаса, позиция которого опровергается всей системой

ценностных смыслов. Таким образом, в границах драматического действия конфликт оказывается неразрешим: сделав Сидонию заложницей своеволия Фарнаса, Мерэ прибегает к механической развязке, оправданной трагикомедийным жанром⁵, – выясняется, что героиня является сестрой армянского принца. Это не оставляет Фарнасу выбора: кровосмесительная связь – тот единственный запрет, который он не может отменить и который заставляет его отступить, отдав Сидонию своему сопернику. Трагикомедийные приёмы позволяют Мерэ усложнить – вплоть до неразрешимости – идею власти, выстроить и испытать на прочность идеальную модель правления, определив характер динамических векторов истории и направляющих их смыслов. «Сидонии» со всем основанием можно дать жанровое определение «трагедии»: трагикомедийные элементы (соперничество в любви, тайна рождения, загадка предсказания оракула) играют подчинённую роль, позволяя раскрыть главный идейный конфликт – столкновение разумной и тиранической власти, государственного интереса и политически опасного произвола. Под пером Мерэ драматургическая – в сущности трагедийная – форма впервые становится последовательным размышлением о механизмах политической власти, полемическом столкновении разных интересов относительно идеи государства как господствующей. В этом Мерэ явился прямым предшественником Корнеля как автора «Цинны».

Статья поступила в редакцию 17.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baby H. De la légitimation paradoxale: la tragic-comédie au temps de Richelieu // *Littérature classique*. 2004. № 2. P. 287–303.
2. Baby H. Mairet et les limites de la tragi-comédie: La Virginie et L' Illustre Corsaire // *Le théâtre de Jean Mairet. Littératures classiques*. 2008. № 1. P. 95–116.
3. Baby H. La tragi-comédie de Corneille à Quinault. P.: Klincksieck, 2001. 306 p.

¹ Mairet J. La Sidonie. P., 1643. P. 88.

² Здесь имеется в виду отказ Сидонии от брака с Фарнасом и самоубийство.

³ Ibid. P. 80.

⁴ Ibid. P. 95.

⁵ Примечательно, что, усомнившись в правдивости истории рождения Сидонии, Фарнас называет открывшиеся факты «довольно плохо придуманным романом» (Ibid. P. 108).

4. Béthery M. Introduction // Rotrou J. de. Théâtre complet. T. 1. P.: S.T.F.M., 1998. P. 3–41.
5. Couderc Ch., Zanin E. Tragi-comédie // Le théâtre au miroir des langues: France, Italie, Espagne XVI–XVII siècles. Genève: Droz, 2018. P. 32–41.
6. Délérès A. Le modèle tragic-comique guarinien en France et en Angleterre au début du XVII siècle. Importations appropriations et tentatives de légitimation d'un genre «bâtard» // Les théâtres anglais et français (XVI–XVIII siècles). Contacts, circulations, influences. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2016. P. 157–171.
7. Forestier G. Politique et tragédie chez Corneille, ou de la «broderie» // Littérature classique. 1998. № 32. P. 63–74.
8. Guichemerre R. La tragic-comédie. Paris: PUF, 1981. 226 p.
9. Herland L. Les éléments précornéliens dans La mort de Pompée de Corneille // Revue d'histoire littéraire de la France. 1950. № 1. P. 1–15.
10. Louvat-Molozay B. Corneille: 1606 – 2006 // Études. Revue de culture contemporaine. 2006. № 9. P. 220–230.
11. Louvat-Molozay B. Dramaturgie de la tragi-comédie et de la tragédie (années 1610–1640). 2019. URL: https://www.dpletres.org/pdf/Theatre_tragi-comedie.pdf (дата обращения: 17.08.2023).
12. Louvat-Molozay B. Frontières de la tragédie: La Silvanire, La Sophonisbe, La Sidonie // Le théâtre de Jean Mairet. Littératures classiques. 2008. № 1. P. 129–144.
13. Louvat-Molozay B. Pour une autre histoire du théâtre français du XVII siècle // Apropos. Perspektiven auf die Romania. Hamburg University Press. 2018. № 1. P. 109–126.
14. Merlin-Kajman H. Corneille: rouge-maille ou nœud public? // Networks, Interconnection, Connectivity: Selected Essays from the 44 North American Society for Seventeenth-Century French Literature Conference. University of North Carolina at Chapel Hill & Duke University, May 15 – 17, 2014. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2015. P. 13–36.
15. Morel J. La tragédie. Paris: Arman Colin, 1964. 366 p.
16. Morel J. Rotrou dramaturge de l'ambiguïté. Paris: Klincksieck, 1968. 368 p.
17. Scherer J. Introduction // Théâtre du XVII-e siècle. Paris: Gallimard, 1975. P. I–XXV.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Библиотеки-читальни имени А. С. Пушкина;
e-mail: mouette37@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa A. Simonova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Senior Researcher, Library named after A. S. Pushkin;
e-mail: mouette37@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Симонова Л. А. «Сидония» (1637) Ж. Мерэ: трагедия или героическая трагикомедия? Эксперимент автора с жанровой формой // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 125–136.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-125-136

FOR CITATION

Simonova L. A. “La Sidonie” (1637) by J. Mairet: Tragedy or Heroic Tragicomedy? Experiment of the Autor with Genre Form. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1. pp. 125–136.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-1-125-136

РЕЦЕНЗИИ

**НОВОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЁННОЕ ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
М. А. ШОЛОХОВА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР
М. А. ШОЛОХОВА: НОВЫЙ КОНТЕКСТ ПОНИМАНИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ /
ПОД РЕД. Л. Г. САТАРОВОЙ, Н. В. СТЮФЛЯЕВОЙ. М.: ИНФРА-М, 2022.
300 С.**

Калашникова А. Е.

*Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, Российская Федерация*

**A NEW EDITION DEDICATED TO THE STUDY OF THE CREATIVE HERITAGE
OF M.A. SHOLOKHOV. BOOK REVIEW: SATAROVA L. G., STUFLYAEVA N. V.,
EDS. THE ARTISTIC WORLD OF M.A. SHOLOKHOV: A NEW CONTEXT OF
UNDERSTANDING: A TEXTBOOK. MOSCOW, INFRA-M PUBL., 2022. 300 P.**

A. Kalashnikova

*Ulyanovsk State Technical University
ul. Severny Venets 32, Ulyanovsk 432027, Russian Federation*

В учебном пособии под редакцией доктора филол. наук Л. Г. Сатаровой и кандидата филол. наук Н. В. Стюфляевой (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского) «Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания» рассматриваются новые подходы к изучению творчества М. А. Шолохова. Целью данной книги является анализ художественного мира писателя в рамках «системы традиционных православных ценностей, которые веками питали и шлифовали национальное самосознание, нашу идентичность»¹. Проблема «целостной интерпретации» всего созданного классиком отечественной литературы, по мнению авторов, является актуальной задачей шолохovedения и филологической науки на новом этапе их развития. Однако новейшие подходы к изучению произведений М. А. Шолохова возникли не спонтанно, а в связи с происходящим в настоящее время процессом возрождении казачества как «весомого фактора» жизни российского государства. Новый контекст понимания художественного мира писателя, исследование его наследия в свете русского национального самосознания, православно-нравственных традиций, в контексте отечественной истории и духовной культуры востребован современной наукой о литературе.

Композиционно книга состоит из двенадцати глав и двух приложений. Первая глава – «Основные этапы духовного и творческого пути М. А. Шолохова, связанные с темой донского казачества» – несёт вступительный и – отчасти – обобщающий характер, так как в ней обозначены проблемы жизни и быта донского казачества, его духовной самобытности, отразившихся в знаковых произведениях писателя: цикл «Донские рассказы»,

¹ Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: Инфра-м, 2022. С. 4.

«Тихий Дон», «Поднятая целина», которые последовательно анализируются в рецензируемом пособии.

Во второй главе авторы анализируют одну из центральных тем «слома веками проверенных ценностей народной жизни, связанных с церковью и насильственным насаждением новой религии человекобожия, культа материальных благ и потребностей»¹. Под этим углом зрения в пособии рассмотрены традиционные идеалы казачества и их метаморфозы на фоне гражданской войны, конфликт «отцов и детей» в ранней прозе М. А. Шолохова (все шолоховские рассказы, созданные в 20-е гг., могут быть названы «донскими», если иметь в виду особый историко-социальный и природный строй этих первых текстов, отразившийся в последующих творениях писателя-эпика).

Озвученная выше тема слома ценностей веками сложившегося народного бытия наиболее ярко воплощается в романе-эпопее «Тихий Дон». Авторы пособия уделяют анализу этого вершинного достижения Шолохова значимую часть книги (с третьей по седьмую главы). По их мнению, в нём автор смог изобразить не только схватку разных политических лагерей, но и «предложил путь выхода из тупика, который лежал в русле идеи духовного преобразования человеческой души»². Трактовка данной идеи включает следующие проблемы, отражающее авторское видение мира: христианские мотивы в произведении и православный взгляд на трагедию жизненного пути Григория Мелехова, символика донского пейзажа, отражающего «полноту и последовательность чувств, мыслей и деяний труженика-земледельца»³, оппозиция женских персонажей, отображение белого движения в образах Л. Г. Корнилова, П. Н. Краснова, Евгения Листницкого.

В пособии раскрывается роль ключевых эпизодов в развитии замысла романа и индивидуально-авторских представлений о реальности, создании образной системы «Тихого Дона». Авторы находят ключ к решению поставленных задач в «системе ценностей, которая на протяжении многих веков формировала идеологию и мировоззрение казаков, особенности их нравственного отношения к миру»⁴. По убеждению шолоховедов, ядром этой системы являются христианские мотивы, «позволившие выявить метафизику, сокровенный смысл происходящей в России трагедии»⁵.

Затронут здесь и тривиальный вопрос о «соавторстве», который сегодня, после публикации работ Н. В. Корниенко («Шолохов и его современники: методологические и источниковедческие вопросы»), Г. Н. Воронцовой («Четвёртая книга романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» и общественно-политическая ситуация второй половины 1930-х гг.»), Е. А. Костина («Хронотоп Тихого Дона» М. Шолохова»), А. А. Дырдина («Жанр притчи в идейно-художественном мире Михаила Шолохова») и др. шолоховедческих статей, текстологических исследований эпопеи Ю. А. Дворяшина («Динамика текста 1-й и 2-й книг «Тихого Дона» в печатных источниках»), Г. Н. Воронцовой («История текста 3-й и 4-й книг «Тихого Дона»»), которые, наряду с републикациями глубоко содержательных статей П. В. Палиевского, В. Кожина, В. В. Васильева, С. Г. Семеновой, вошли в коллективный научный труд «Творческое наследие М. А. Шолохова в начале XXI века» (М., ИМЛИ РАН, 2022), недавно выпущенных монографий Е. А. Костина «Шолохов: эстетика и мировоззрение» (2020), А. И. Ванюкова ««Тихий Дон» М. А. Шолохова: статьи о романе» (2022), полностью исчерпал себя.

Глава девятая «Проблема “праведного хозяйствования” и попытка её решения в романе М. А. Шолохова “Поднятая целина”» посвящена изучению феномена сму-

¹ Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: Инфра-м, 2022. С. 6.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же.

ты. Благодаря использованию категорий религиозно-нравственного порядка писатель изображает конфликт народа и власти. Авторами отмечается, что «и у красных, и у белых искажены представления о праве на землю, о сущности богатства»¹. Проблема собственности решается в пособии с помощью святоотеческой литературы, в которой подаётся идея «праведного хозяйствования». В ходе анализа исследователи пришли к выводу, что «суть народного мнения состоит в том, что оно признаёт путь эволюции, переделки народным сознанием идей коммунистов в духе традиционных представлений о достатке, благе, справедливости»². Всё это позволяет высветить эпическую дистанцию повествователя, его онтологический центр, а также значение авторских философских отступлений.

Военная тема в биографии и творчестве писателя разбирается в десятой и одиннадцатой главах. Десятая глава посвящена творчеству Шолохова в годы Великой Отечественной войны и истокам создания рассказа «Судьба человека». Образ Андрея Соколова имеет ценность для всей военной прозы, т. к. Шолохов первым смог «показать в литературе судьбу военнопленного как героическую, тем самым реабилитировав многих участников Великой Отечественной войны»³. Одиннадцатая глава исследует проблему человека на войне на основе сравнения двух романов: «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова и «Горячий снег» Ю. В. Бондарева. Война выявила в героях этих произведений жертвенность, «коллективное, соборное начало в борьбе за общее дело – защиту страны»⁴. Солдатский подвиг рассматривается как ежедневный воинский долг и ратный труд, который в экстремальных условиях войны «предстает как постоянное физическое и духовное перенапряжение всех сил чело-

века... на пределе всех возможностей»⁵. Таким образом, духовные факторы победы над врагом выходят на первый план. Они обусловили энергию народного эпического сознания, переданного в романах двух художников слова, посвятивших свои эпические произведения героике общенародного бытия в годы Великой Отечественной войны.

Важной частью пособия является двенадцатая глава, связанная с темой традиций русской литературы XX в. в творчестве М. А. Шолохова. В этом русле подробно исследованы произведения писателя, соотносённые с мотивами, поэтикой и эстетическими содержанием творчества таких авторов, как С. А. Есенин, Ф. А. Абрамов, В. М. Шукшин, В. Г. Распутин. Шолоховедами характеризуются такие типологические особенности, как природно-пейзажный контекст женских образов, нравственная категория «жизнь по совести», влияние родной земли на судьбы героев, поиск шолоховских традиций в романе В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» и образная символика в рассказе Шолохова «Судьба человека» и повести В. Г. Распутина «Живи и помни» на примере сравнения судеб двух Андреев.

Завершается учебное пособие библиографическим списком, списком тем для докладов и рефератов, а также двумя приложениями: рецензией на книгу «Шолохов и русское зарубежье» и сценарием литературно-музыкальной композиции на тему «От дикого поля до “Тихого Дона”».

Представленная структура и существенное содержание основных разделов учебного пособия, созданного представителями Липецкой школы шолоховеда, свидетельствуют о безусловной важности данного издания для современной науки о Шолохове, изучения его творческого наследия в вузах и школах. О предназначении рецензируемого в резюме пособия сказано, что оно адресуется всем почитателям эпического таланта народного художника, начиная со студентов, магистров и аспи-

¹ Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: Инфра-м, 2022. С. 8.

² Там же.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

рантов филологических и гуманитарных факультетов и заканчивая преподавателями школ, вузов, казачьих и кадетских классов. Посвящённая актуальным проблемам шолоховедения книга не претендует на исчерпывающую полноту суждений и оценок. Она поможет вступающим в мир творчества

Шолохова выстроить самостоятельную траекторию постижения глубин шолоховской мысли, уникальности его таланта, своеобразия языка и стиля.

Переиздание рецензируемой книги в начале 2024 г. – свидетельство её востребованности читателями.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калашникова Анна Евгеньевна – аспирант, старший преподаватель кафедры «Филология, медиатехнологии и графический дизайн» Ульяновского государственного технического университета;
e-mail: kalawnikova-89@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna E. Kalashnikova – Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of Philology, Media Technology and Graphic Design of Ulyanovsk State Technical University;
e-mail: kalawnikova-89@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калашникова А. Е. Новое издание, посвящённое изучению творческого наследия М. А. Шолохова. Рецензия на книгу: Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с. // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 137–140.

FOR CITATION

Kalashnikova A. E. A New Edition Dedicated to the Study of the Creative Heritage of M. A. Sholokhov. Book Review: Satarova L. G., Stuflyayeva N. V., Eds. The Artistic World of M. A. Sholokhov: A New Context of Understanding: a Textbook. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 300 p. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1. pp. 137–140.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИНТЕГРАЦИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ. ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ – 2023

Нагорный И. А., Ли Ли

Цзилиньский университет

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON THE INTEGRATION OF LANGUAGE AND CULTURE. ANNUAL CONFERENCE OF THE INTERNATIONAL RESEARCH BASE OF LANGUAGES AND CULTURES OF NORTHEAST ASIA – 2023

I. Nagorny, Li Li

Jilin University

Qianwei Road 10, Changchun 130012, People's Republic of China

В Цзилиньском университете (Jilin University) (КНР) 4–5 ноября 2023 г. состоялись Международный симпозиум по проблемам интеграции языка и культуры и научная конференция по подведению итогов работы Международной базы по исследованию языков и культур Северо-Восточной Азии – 2023. Данные научные мероприятия были организованы Институтом иностранных языков Цзилиньского университета, Международной исследовательской базой по изучению языков и культур Северо-Восточной Азии и Международным исследовательским центром языков и культур Северо-Восточной Азии.

Исследовательская база по изучению языков и культур народов Северо-Восточной Азии была создана в Цзилиньском университете в 2013 г. и в настоящее время является одним из ключевых центров, консолидирующих сферу социальных наук в провинции Цзилинь (КНР). Это одна из первых утверждённых исследовательских баз в ключевых областях науки. Основная идея базы – интернационализация, развитие научных исследований в области изучения языков и культур посредством проведения высокоуровневых и оригинальных академических изысканий, направленных на продвижение

языковедческих, литературоведческих, культурологических, регионоведческих информационных ресурсов, стремление служить экономическому, социальному и культурному развитию общества.

Институт иностранных языков Цзилиньского университета, при котором создана Международная база по исследованию языков и культур Северо-Восточной Азии, является одним из ведущих китайских центров по изучению иностранных языков. Имеет в своём составе 5 факультетов, специализирующихся на преподавании русского, английского, японского, корейского и испанского языков. В составе института работает также Русский центр. Институту установлены тесные научные и учебные связи с десятками зарубежных высших учебных заведений. Ежегодно для чтения лекций и участия в работе научных конференций приглашаются известные иностранные учёные. В институте ведут преподавательскую деятельность ведущие зарубежные эксперты.

Работа международного симпозиума позволила отразить на публичном уровне многогранные сферы научных исследований в рамках Международной базы по изучению языков и культур Северо-Восточной Азии. Научный форум в первую очередь ставил целью обмен опытом и содействие развитию академических контактов между китайскими и зарубежными учёными. Актуальность проведения данного мероприятия обусловлена тем, что регион Северо-Восточной Азии традиционно вызывает большой интерес у исследователей из разных стран, в том числе лингвистов, литературоведов, культурологов. Углублённому изучению языков, национально-культурных и исторических традиций народов, проживающих в регионе Северо-Восточной Азии, придаётся существенная роль в расширении языковых и культурных контактов, развитии процесса взаимопонимания между народами. Интеграция языковых и культурных процессов открывает широкие возможности для развития новых сфер в изучении языков региона, литературы, искусства, куль-

турных особенностей, представляет гуманитаристическую и стратегическую ценность в области языковых и культурных обменов между Восточной и Западной цивилизациями.

На симпозиуме обсуждались важные вопросы, отразившие насущные проблемы современной лингвистики, литературоведения, культурологии, методики преподавания профильных и непрофильных филологических дисциплин. В научных докладах были актуализированы проблемы взаимодействия и интеграции восточно-азиатских языков и культур, аспекты профессионального обучения иностранным языкам в китайских вузах, эффективности и профессионализма переводческой деятельности в современных реалиях, международного сотрудничества вузов при обучении русскому, китайскому, японскому, английскому, испанскому языкам. Учёные из ведущих университетов Китая, России, Кореи, Японии, США обменялись своими инновационными идеями, опытом и видением перспектив развития различных граней филологического образовательного профиля при обучении китайских студентов иностранным языкам, анализе историко-языковых вопросов и вопросов языковой интеграции, актуальных проблем гуманитарного диалога, теории и практики перевода, применения технологий электронного обучения. Одной из главных целей симпозиума стала активизация научного и методического сотрудничества между китайскими учёными и учёными других стран, в частности русистами.

Пленарное заседание

На церемонии открытия научного мероприятия участники конференции приветствовали заместитель секретаря партийного комитета Цзилиньского университета Фэн Чжэньюй и директор Института иностранных языков Цзилиньского университета профессор Чжан Меймей.

На пленарном заседании симпозиума прозвучали доклады известных учёных гуманитарного профиля. Профессор

Ван Цзунху (КНР) в докладе «Образование на иностранном языке, ориентированное на интеграцию языка и культуры» актуализировал теоретические идеи культурно-языковой интеграции в образовательной среде, проанализировал практические перспективы развития сферы образования на иностранном языке на примере профессиональной деятельности Столичного педагогического университета. Профессор Ли Вэньцзи (Южная Корея) в своём докладе «Корейско-китайская культурная интеграция и её развитие» обобщал исторические интеграционные проблемы взаимосвязей китайской и корейской культур, соотносил данные вопросы с современными тенденциями развития общества. Профессор Е. Охаси (Япония) в своём докладе о жизни и творчестве художника Д. Блоха рассмотрел возможности и перспективы проведения сквозных исследований в области мультикультурализма и многоэтничности. Профессор Д. Орт (США) выступил с докладом «Транстихоокеанское воображение Генри Адамса», в котором осветил биографические и литературоведческие аспекты жизни и деятельности писателя и историка. Профессор Т. Янагихара (Япония) выступил с докладом «Катастрофа и японская история», где обобщил значимые для японской литературы и культуры исторические факты.

Круглые столы

В рамках международного симпозиума и конференции работало 10 круглых столов филологического профиля, на которых обсуждались актуальные проблемы современной науки по тематике научного мероприятия. Участники круглых столов заслушали научные доклады и обменялись мнениями относительно взаимодействия языков и культур, развития основных идей межкультурной и межкультурной интеграции, специфики обучения китайских студентов иностранным языкам, в том числе русскому языку, ключевых особенностях преподавания филологических дисциплин в китайских университетах.

На заседании круглого стола «Русский язык и русская литература» прозвучало 14 научных докладов, которые были сориентированы на расширение и углубление комплекса актуальных проблем современной российской лингвистики и литературоведения.

Доклад д. филол. н., профессора, заведующего кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения Т. Е. Шаповаловой (РФ) «Интеграция языка и культуры» был посвящён освещению ряда важных лингвистических проблем. Докладчик отметил, что в поликультурном мире очень важно выстраивать эффективное общение с учётом национальной специфики представителей разных культур. Поэтому гуманитарные науки активно разрабатывают вопросы взаимосвязи человека и его языка, межкультурной коммуникации, диалога культур, стереотипов общения, речевого этикета и многие другие. Докладчик отметил, что привлечение анализа поэтических текстов русских классиков помогает решению поставленных задач. В поэтическом тексте автор может не только воспроизвести события, но и сообщить читателю о фактах действительности, которые позволяют обобщить информацию, соотнести её с универсальным знанием и опытом, передать разнообразные речевые интенции, эмоционально выразить оценку той или иной ситуации. Анализируя категорию синтаксического времени, Т. Е. Шаповалова отметила непосредственную связь данной категории с фактором говорящего, охарактеризовала разноуровневые средства репрезентации категории темпоральности, подчеркнула, что комплексное изучение категории синтаксического времени имеет обширные перспективы, а их результаты приобретут серьёзную теоретическую и практическую значимость. На примере анализа стихотворного текста докладчик подтвердил результаты проведённого теоретического исследования относительно лексических и грамматических видов временных значений, выявления связи глагольных и

именных конструкций, раскрытия новых аспектов характеристики слов, словоформ и предложений.

Доклад к. филол. н., доцента Чжан Лиянь (КНР) на тему «Современный российский политический дискурс в многомерном аспекте» отразил комплексный подход к анализу современного политического дискурса, наметил тенденции развития российского политического дискурса, позволил интерпретировать актуализированную проблему с точки зрения языковой онтологии, когнитивной лингвистики и стилистики.

Доклад к. филол. н., доцента Чжан Хайин (КНР) «Обзор развития гуманистической идеи педагогики в России» отразил историко-аналитический подход к анализу путей развития российской гуманистической мысли в досоветский, советский и постсоветский периоды, обобщил идеи гуманистического воспитания в России после распада СССР.

Доклад д. филол. н. Су Ливэй (КНР) на тему «Пути развития процесса обучения русскому языку в военно-учебных заведениях с точки зрения принципов применения – на примере Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого» познакомил аудиторию с реформой преподавания русского языка как иностранного в военных академиях с ориентацией учебных программ по русскому языку не только на выполнение студентами научно-исследовательских задач, но и на оптимизацию межличностного общения и повышение уровня своего профессионализма.

Доклад д. филол. н., профессора И. А. Нагорного (РФ) «Русские частицы и речевая ситуация оценки» отразил оригинальный научный подход к исследованию категории оценки и оценочных средств русского языка. Оценочные высказывания с частицами были проанализированы автором доклада в антропоцентрическом аспекте, а частицы исследованы как средства актуализации речевой ситуации оценочной квалификации события. Особое внимание в докладе было уделено актуали-

зируемому частицами центральному оценочно-кваликативному смыслу, а также конкретизирующим субъективно-модальным смыслом. Докладчиком были установлены речевые факторы, определяющие речевую ситуацию оценочной квалификации события в коммуникативном процессе.

Доклад к. филол. н., доцента С. Ю. Нагорной (РФ) на тему «К вопросу об актуальных процессах в русской разговорной речи» был сосредоточен на анализе русских речевых новообразований, приращении и трансформации данными языковыми элементами смыслов в речи. Докладчиком были проанализированы аутентичные высказывания-реакции субъектов на ошибки в публичной сфере коммуникации, проведён функциональный, структурный и семантический анализ оценочных высказываний, выявлено, что особенностью выражения отношения к речевой компетенции носителей русского языка является комплексное использование в высказывании различных оценочных средств и способов.

Доклад д. филол. н., профессора Лю Цзюань (КНР) на тему «“Круг” и “квадрат” в российско-китайском национальном концептуальном поле» заострил внимание аудитории на том, что в процессе социально-исторического развития русская и китайская нации формируют различные «круглые» и «квадратные» концепции, составляющие органическую часть домена общенациональной концепции; в различных формах данные концепции реализуются в языковых символах, отражаются в соматическом языке, мимике, графике, архитектуре, музыке, живописи, скульптуре, танце, ритуалах и т. д. По мнению докладчика, деконструирование и анализ семантики соответствующих языковых символов может углубить понимание национального мировоззрения, раскрыть особенности национального образа мышления и национального мировосприятия.

В докладе к. филол. н., профессора Тянь Цзюнь (КНР) «Особенности порождения синонимов в русском контексте и их функционирование» докладчиком были

проанализированы семантические и функциональные особенности русских синонимов, раскрыто авторское понимание ситуативных синонимов как контекстуальных средств динамичной вербальной коммуникации, установлено, что ситуативные синонимы – это многофункциональные речевые средства, выполняющие дискурсивно-прагматическую функцию в контексте. Данный подход к анализу синонимов, по мнению докладчика, способен помочь студентам, изучающим русский язык, овладеть гибкими и разнообразными средствами выражения мысли.

Доклад к. филол. н., доцента Ли Ли (КНР) на тему «Сопоставительный анализ выражений с отрицательной семантикой в русском и китайском языках» был посвящён исследованию языковых средств выражения отрицания в русском и китайском языках, функциональной интеграции и дифференциации их в сравнительно-сопоставительном аспекте с опорой на смысловую составляющую. Докладчиком были проанализированы китайские и русские высказывания с отрицательной семантикой, определены их семантические и прагматические функции, отмечены языковые и внеязыковые сходства и различия, обусловленные оригинальностью русской и китайской языковых систем, универсальными когнитивными процессами в мыслительной сфере, межкультурными контактами. Автором доклада установлено, что языковые средства выражения отрицания, с одной стороны, отражают национально-культурные особенности той или иной страны, с другой стороны, имеют много общего на коммуникативном уровне, а углублённый анализ языковых средств выражения отрицания в разных языках поможет более глубокому пониманию изучаемого языка и улучшению навыков межкультурного общения.

Доклад к. филол. н., доцента Ван Сяояна (КНР) «Значение двусмысленных предложений для развития переводческих компетенций» отразил научное понимание автором сложных и актуальных для русской языковой сферы явлений трансфор-

мации смыслов, смыслового наложения, языковой игры, ситуативного понимания смыслов. Докладчик отметил, что неоднозначные предложения представляют собой яркий материал для развития переводческих способностей, важных для продуктивности процесса межкультурной коммуникации, а лексический, синтаксический и стилистический анализ таких предложений помогает улучшить понимание оригинального текста переводчиком.

Доклад к. филол. н. Би Цзюньжу (КНР) на тему «Образ женщины в литературных произведениях А. И. Солженицына с точки зрения идейно-политического воспитания» был посвящён анализу проблемы брака и семьи в культурном и историческом аспектах через исследование женских образов в произведениях А. И. Солженицына, характеристике четырёх ролевых типов женщин: дочь, жена, мать, любовница.

На заседании круглого стола русистов были заслушаны и обсуждены научные доклады аспирантов, посвящённые проблемам моделирования параллельного обучения талантливых студентов двум языкам (русскому и национальному) в регионе Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан) (докладчик Лю Лидин – КНР), вопросам описания пространственных метафор времени в современном русском языке и специфике метафоризации текста (докладчик Чжоу Тинтин – КНР), анализу конструктивной метафоры и метафорической лексики с точки зрения когнитивной семантики (докладчик Ли Юй – КНР).

В рамках работы симпозиума были проведены заседания и других круглых столов, где обсуждались перспективно значимые научные идеи, прозвучавшие в докладах и их дискуссионных обсуждениях.

Круглые столы, посвящённые обсуждению проблем в области английской лингвистики, литературы и перевода в общей сложности включали 43 доклада, отразившие научные подходы докладчиков к решению вопросов из областей слово

образования, морфологии, этнографии, лингвистического анализа текста, метафоризации, текстовой интерпретации. Были обсуждены актуальные методические проблемы и проблемы сферы текстового перевода.

Круглые столы по изучению японского языка, литературы и культуры объединили 17 докладчиков, поднявших в своих выступлениях проблемы исследования японских заимствований в китайском языке, когнитивного механизма семантической генерации в японском языке, практики преподавания японского языка в рамках интегрированной парадигмы обучения, оптимизации практических курсов японского языка, китайских переводов японских книг, художественного анализа женских образов в японской прозе.

Круглый стол, посвящённый анализу вопросов из области корейского языка и корейской литературы, включал 9 научных докладов, которые были посвящены обзору сравнительно-сопоставительных аспектов исследования эвфемизмов, женских образов в произведениях китайских и корейских авторов, интерпретации этики корейских женщин в художественных текстах, художественного перевода, а также развития учебных планов преподавания корейского языка в университетах и колледжах.

Круглый стол по изучению испанского языка и литературы включал 16 докладов, отразивших грани исследований испаноязычной литературы, анализа повествовательной стратегии и диалога, изучения образа Китая с точки зрения ориентализма, дискуссию о современности лирической темы в художественных произведениях, особенности преподавания перевода с китайского языка на испанский язык.

Итоговое пленарное заседание

На итоговом пленарном заседании симпозиума прозвучали научные доклады профессора С. Иваи (Япония) «Современная Япония, построенная Китаем» и профессора Ань Фэнцунь (КНР) «Наращивание

языкового потенциала и национального имиджа в приграничных районах страны», а также были подведены итоги работы круглых столов. На церемонии закрытия прозвучала заключительная речь директора Института иностранных языков Цзилиньского университета, в которой профессор Чжан Меймей выразила глубокую признательность всем участникам симпозиума за плодотворную работу и отметила высокую продуктивность проведённого научного мероприятия. В своих заключительных выступлениях участники и гости симпозиума положительно оценили проведение научного мероприятия, отметили большую значимость и перспективность поднимавшихся в ходе заседаний проблем, выразили уверенность в том, что работу симпозиума необходимо продолжить в будущем.

Одной из важнейших задач симпозиума была активизация граней международного и национального сотрудничества в сфере актуальных научных исследований процессов и результатов интеграции языков и культур, консолидация сил в сфере преподавания иностранных языков в КНР, в том числе русского языка, обмен опытом в решении методических вопросов. В этом плане учёными-русистами был обсуждён комплекс важных научных проблем из областей культурно-языкового взаимодействия, изучения русского языка и русской культуры в Китае, а также другие актуальные лингвистические, литературоведческие, культурологические и методические тенденции.

Работа научного форума показала, что в настоящее время имеется стабильная и широкая перспектива для изучения межъязыковых и межкультурных интеграционных процессов, совершенствования методической базы преподавания иностранных языков, знакомства с национальными культурами других стран. Это играет основополагающую роль для укрепления межнациональных и межкультурных связей, имеет широкие тенденции для своего развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета, Академик Международной академии наук педагогического образования;

e-mail: ignago7@outlook.com

Ли Ли – кандидат филологических наук, декан факультета русского языка Института иностранных языков Цзилиньского университета;

e-mail: cclili2003@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Institute of Foreign Languages of Jilin University; Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;

e-mail: ignago7@outlook.com

Li Li – Cand. Sci. (Philological Sciences), Dean of the Faculty of Russian Language at the Institute of Foreign Languages of Jilin University;

e-mail: cclili2003@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Ли Ли. Международный симпозиум по интеграции языка и культуры. Ежегодная конференция Международной исследовательской базы языков и культур Северо-Восточной Азии – 2023 // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 141–147.

FOR CITATION

Nagorny I. A., Li Li. International Symposium on the Integration of Language and Culture. Annual Conference of the International Research Base of Languages and Cultures of Northeast Asia – 2023. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 1, pp. 141–147.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2024. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик А. Ю. Назарова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,25, уч.-изд. л. 11,5.

Подписано в печать: 28.02.2024 г. Дата выхода в свет: 11.03.2024 г. Заказ № 2024/02-01.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А